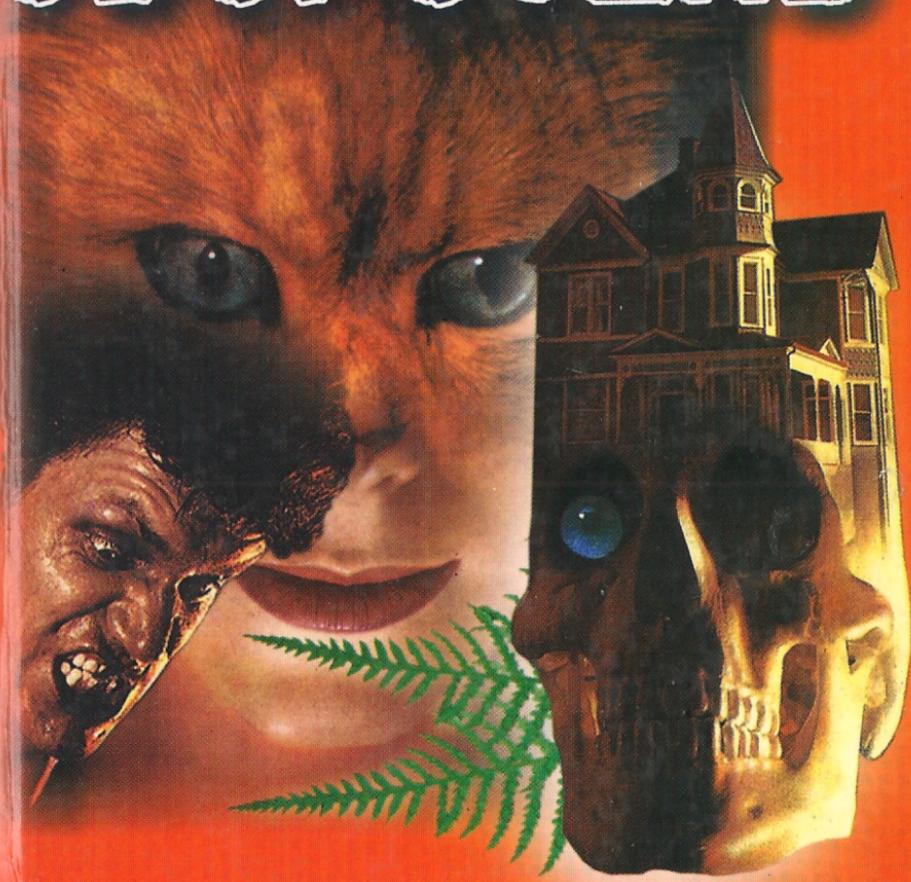


страшные истории
для девочек и мальчиков



ОБОРОТЕНЬ



страшные истории
для девочек и мальчиков

ОБОРОТЕНЬ

Минск
Современный
литератор
2000

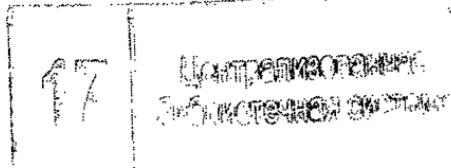
УДК 882(476)
ББК 84(4Бен-Рус)
С 23

Серия основана в 2000 году

Для среднего школьного возраста

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

177782



Соколов В.

С 23 Оборотень: Для средн. шк. возраста. — Мн.: Современный литератор, 2000. — 192 с.: ил. — (Страшные истории для девочек и мальчиков).

ISBN 985-456-649-8.

Как могло случиться, что двое близнецов-подростков, брат и сестра, оказались в самом центре кровавой разборки между отъявленными бандитами? Но в жизни случается самое, казалось бы, невероятное. И, прочтя этот детектив, вы узнаете, чем окончились опасные приключения юных героев в дни их летних каникул в подмосковном поселке.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бен-Рус)

ISBN 985-456-649-8

© Современный литератор, 2000

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБОРОТЕНЬ

Всё было прекрасно, пока Алина не крикнула ему:

— Беги! Спасайся! Это оборотень!

Но произошло это только потом, а начиналось всё просто и буднично. Близнецы, как обычно, играли в разведчиков, искать выпало Максиму. С вершины холма он и увидел это чудовище.

Поначалу мальчик принял оборотня за обычновенную собаку. Тело у неё было гладкое, поджарое. Она неторопливо бежала по полю, но как? — словно плыла, и шерсть на её загривке отливалась серебристымиискрами. Одно было странно: хвост у этой собаки не закручивался в колечко, как у всех поселковых дворняжек, а висел, словно палка.

Собака обогнула низкий кустарник, перепрыгнула через поваленный телеграфный столб и вдруг исчезла. Тогда Максим не придал этому значения. Некоторое время он искал её около дуба, но потом оторвался от подзорной трубы и вздохнул.

Что за день, переживал он. Бежала себе собака, бежала — и исчезла. И великая заклинательница демонов — его родная сестрица Алина — тоже исчезла, словно сквозь землю провалилась. Алины не было ни в зарослях боярышника, ни в овраге, ни в берёзовой роще. И среди камышей, где она пряталась прошлый раз, её тоже не было. А между тем солнце уже касалось горизонта, и с каждой минутой шансы Максима на победу в игре всё ближеклонились к нулю. Не помогала даже подзорная труба, которую индейский следопыт получил от отца в подарок на день рождения.

— Куда же она запропастилась?.. — с досадой пробормотал мальчик, наводя резкость. — Ведь где-то рядом прячется — нутром чую, что рядом!

Поистине подзорная труба была великолепным подарком. Даже в наступающих сумерках Максим мог разглядеть шоколадные головки камыша у реки, каждую соломинку в стоге сена и даже каждый жёлудь на ветвях дуба, одиноко стоящего неподалёку от ветеринарной лечебницы при московском цирке, которую все в посёлке называли клиникой Айболита.

Дерево было высоким и кряжистым. Его густая корона чётко вырисовывалась на фоне сиреневого неба. Дуб служил отличной наблюдательной вышкой. Устроившись на его ветвях, можно было наблюдать кормление зверей в клинике Айболита. Это было жуткое и завораживающее зрелище. Все эти хищники: лев, два тигра, бурый медведь... Когти, зубы... Осо-

бенно свирепо вели себя при кормлении волки... Они рвали зубами мясо, словно ножница-ми выстригали большущие куски. Мальчик опустил трубу пониже и снова увидел ту странную собаку. Да собака ли это?..

— Волчица!.. — ахнул Максим. — Глазам своим не верю!.. Настоящая волчица!

Хищница кружила под дубом, задрав морду, и скалила клыки. Они у неё были белыми и, казалось, чуть светились. А вот если такие зубы сомкнутся на руке или ноге?.. Или на горле?.. Мальчик поёжился.

— Откуда здесь волчица? Из клиники, что ли, сбежала?.. Ну конечно! Поймать бы её да отвести обратно... Может, тогда разрешат самому покормить хищников. В благодарность, значит... Хотя вряд ли. Там Лютик всем заправляет, а Лютику неведомо чувство благодарности.

Грива на шее волчицы топорщилась жёсткой щетиной и ещё не приобрела серебристого оттенка, характерного для матёрых зверей. Да и клыки торчали из верхней челюсти всего на полмизинца. Впрочем, и этого было более чем достаточно...

Молодая волчица слегка ударила по стволу дерева передней лапой, словно приглашала кого-то спуститься вниз. Максим поднял свою трубу повыше и охнул. На ветке сидела великая заклинательница демонов Алина, и лицо у неё было такое же белое, как клыки у волчицы. Максим захлопнул трубу, закинул её за спину и помчался на помощь сестре.

— Только бы успеть! Только бы...

Мальчик кубарем скатился с вершины холма и понёсся через заросли так, что влажная земля комьями полетела из-под кроссовок. Наверное, это от волнения он так задыхался. Воздуха просто не хватало, и метров через сто Максим вынужден был умерить прыть. Продираться сквозь колючие заросли было сплошным мучением. В боку кололо, ныли царапины, покрывающие тело, а опасение, что к его появлению волчица исчезнет, лишало Следопыта обычного равновесия духа.

— Накинуть ремень от подзорной трубы на шею — и в клинику!.. Лютика с позором прогонят с должности за недосмотр, а Максиму объявит благодарность! И, конечно же, разрешат покормить зверей — куда денутся! Хоть один раз!.. А сестрица потом сгорит от стыда! Надо же! Волчицы испугалась!.. Тоже мне — великая заклинательница демонов!..

Выскочив наконец-то из зарослей, Максим понял, что не опоздал. Волчица по-прежнему стояла под дубом. Она поднялась на задние лапы и молча взглядалась в свою потенциальную добычу. Кончик её хвоста извивался и нервно вздрагивал. Максим на бегу подхватил камень и швырнул его в зверя. Глухо ударившись о дерево, камень отлетел в сторону.

Волчица тоже отпрянула в сторону и оглянулась. Её прозрачные глаза холодно изучали новую жертву. Максим замедлил шаг. Теперь его затея лично отвести хищницу в клинику уже не казалась такой простой. Вдруг морда волчицы сморщилась, обнажая клыки, затем,

закрыв пасть, она втянула в себя воздух и пошла на Максима — медленно, в зловещем молчании, которое было страшнее самого злобного рычания. А потом и вовсе случилось нечто невероятное: волчица поднялась на задние лапы, запрыгала на месте, словно расшившийся ребёнок, и забавными мелкими прыжками, бочком, поскакала прямо на Максима. Вот тогда и раздался с дерева отчаянный крик Алины:

— Беги! Спасайся! Это оборотень!

Сначала Максим на поверил своим ушам. Оборотень?! Какой оборотень?.. А потом до него дошло, и сразу стало страшно и немного смешно. В самом деле, откуда здесь, в Подмосковье, взяться оборотню? Однако факт оставался фактом: где это видано, чтобы волки разгуливали на задних лапах?! Впрочем, писали же умные люди, что «по улицам ходила большая крокодила...» А кроме того, у Максима не было оснований не верить сестре: Алина знала всё, что только можно знать о нечистой силе. И если она говорила, что перед Максимом не молодая волчица, а оборотень, значит, так оно и было на самом деле.

Мальчик осталенел. И надо было бы мчаться прочь без оглядки, да ноги почему-то стали словно ватные. Откуда-то навалилась плотная, липкая сырость, и ручейки холодного пота потекли по спине. И опять стало трудно дышать. А волчица приближалась и не отрываясь смотрела на него ледяными глазами.

Максим попятился. Он слишком поздно осознал, что оказался в совершенно невыгод-

ной позиции. Открытое поле, поблизости ни забора, ни другого какого-нибудь укрытия, за которым можно было бы спрятаться. И так ему захотелось очутиться рядом с Алиной, на корявой ветке дуба, высоко над землёй...

Волчица приближалась, а мальчик, как зажарованный, всё стоял и не мог двинуться с места и почему-то замечал совершенно ненужные сейчас детали: свалившуюся шерсть на боку оборотня, жёлтых бабочек, порхавших над травой, далёкий шум электрички...

А потом волчица клацнула зубами. Нервы Следопыта не выдержали. Он повернулся и стремительно понёсся к тем самым зарослям, из которых только что так опрометчиво выскочил.

— Не может быть!.. Не может...

Всё это: и Алина, притаившаяся в кроне дуба, и злобный оборотень, и сам Максим, бегущий от него со всех ног, — походило на кошмарный сон. Такое уже с Максимом бывало. Например, у школьной доски, особенно когда не выполнено домашнее задание. В такие минуты реальный мир странным образом искается: теоремы и доказательства меняются местами, вся обычная находчивость испаряется, в дневнике удивительным образом сама собой появляется двойка, а в голове стоит гулкая тишина. Как в подвале.

Вот и сейчас стояла та же тишина. Максим перепрыгивал через кочки и ямы, не бежал — летел по полу сломя голову. И если бы сейчас у него принимали зачёт по физкультуре, то пятёрка с тремя плюсами была бы ему обес-

печена. Но в данной ситуации даже очень быстрый бег был недостаточно быстрым: за своей спиной мальчик чувствовал горячее дыхание оборотня.

Странно, но чудовище не спешило его схватить. Оно будто играло, то забегало слева, то скалило зубы справа. А посёлок был ещё так далеко... Без сомнения, рано или поздно волчице надоест игра. Она настигнет свою жертву и тогда... О том, что будет тогда, Максиму совсем не хотелось думать. Совершенно некстати вспомнились ему часы кормления хищников, челюсти, хруст костей... Видение было таким ярким, что мальчик поневоле захмурился. Это было непростительной ошибкой. Нога зацепилась за корягу, и Максим рухнул на землю.

При падении у него перехватило дыхание. Он лежал безмолвный, неподвижный и с замиранием сердца ждал, когда в него вонзятся клыки оборотня. Прошла минута, другая... Ничего не происходило. Тогда Максим открыл глаза, приподнял голову и огляделся по сторонам. Волчицы-оборотня нигде не было, только далеко, в зарослях кустарника, слышался треск.

— Пронесло!..

Максим поднялся с земли, отряхнул колени и, прихрамывая, поплёлся обратно к дубу. Сестрёнка по-прежнему сидела на ветке, сжимая в ладонь расчёску — своё единственное оружие.

— Слезай, Алина! — крикнул Максим. — Не бойся, никто тебя не съест. Испугалась, да?

Алина посмотрела на него сверху широко открытыми синими, как полуденное небо, глазами. Слезать она, похоже, не собиралась. Наоборот, устроилась на ветке поудобнее и начала расчёсывать волосы. Похоже, разговаривать она тоже не собиралась. Наверное, обиделась. Конечно, кому понравятся упрёки в трусости?!

— Слезай, говорю, — повторил Максим. — Бояться больше нечего.

И тут Алину прорвало. Оказалось, что она вовсе не боится. Сейчас она посидит немного на ветке, потому что ей так нравится, а потом спустится вниз и вздует кое-кого по первое число. Такие дела.

Максим пожал плечами. Странные люди, эти девчонки. Пусть сидит на ветке, если ей это нравится. Очень хорошо. Вот только долго ли она собирается сидеть на дереве? Дело в том, что солнце уже у самого горизонта, а ночь — время вампиров. Или оборотень передумает и вернётся. Кто его знает, что может прийти оборотню в голову?.. Конечно же, никто не боится этих оборотней... Но, может, она всё-таки слезет с дерева?

Неожиданно в зарослях вновь раздался треск, и Максим подумал, что это возвращается оборотень. Он уже собирался сам вскарабкаться на дерево, но из кустарника вместо волчицы, чертыхаясь, вывалился высокий, грузный мужчина в потёртых джинсах и клетчатой рубахе. За плечами у незнакомца был огромный рюкзак. Мужчина заметил подростков и, казалось, страшно обрадовался.

— Привет, мальцы, — пророкотал он густым басом. — Играете?

Максим недоверчиво оглядел мужчину с ног до головы. «Бывший борец, — подумал мальчик. — Или боксёр. Волосы ёршиком. Ишь какой... широкий. Что в высоту, что в ширину... Не человек, а квадрат какой-то!»

Между тем незнакомец сбросил рюкзак на землю, вытер рукой пот со лба и улыбнулся Максиму. Улыбка у него получилась какая-то кривая, жёсткая. Не умел этот верзила улыбаться, совсем не умел. Лучше бы и не улыбался.

— Что молчите? Языки проглотили? Да вы не бойтесь, я — человек добрый, — мужчина прищурился, разглядывая утопающие в зелени крыши посёлка. — Вы из посёлка?

— Угу, — ответил за двоих Максим.

— Простоквашина, случайно, не знаете? Никифора Сергеевича. Он где-то здесь живёт. С племянником.

Конечно же, близнецы отлично знали Простоквашина, которого между собой называли Простоквашей. Жил этот бодрый толстяк на краю посёлка, у реки. Близнецы не раз лазили к нему в сад за яблоками, которые были удивительно вкусными. Знали они и племянника Простоквасхи — Лютика, с которым вели беспощадную войну.

Лютик был старше их на пять лет и потому смотрел на близнегов свысока. Конечно, ему не нужно было лазить на дерево или висеть на заборе, чтобы наблюдать за кормлением хищников. Лютик сам их кормил. В начале лета он устроился в клинику Айболита — присматри-



вал за животными, убирал клетки. Видно, дело у него ладилось, потому что Лютик окончательно задрал нос и как-то назвал близнецов сопливой детворой. В ответ Максим окатил его водой из водяного ружья. С этого, собственно, и началась война, которая без перерыва велась уже полтора месяца. Боевые действия шли с переменным успехом, однако последняя битва была близнецами проиграна, о чём свидетельствовали царапина на щеке Алины и здоровенная шишка на голове у Максима.

— Так знаете, где его дом? — напомнил о себе Квадратный.

— Знаем, — ответила сверху Алина. — А вы кто такой будете, откуда и по какому делу?

— Настоящий допрос! — прищурился мужчина.

— И всё-таки? — настаивала Алина. Она умела проявлять твёрдость характера.

— Я — близкий родственник Никифора Сергеевича. Зовут меня Александром Ивановичем. Приехал из города. Хочу вот с ним повидаться. Соскучился.

Искусство обмана — тонкое искусство. Оно сродни искусству актёра. И чтобы овладеть им в полной мере, нужен талант. Человек может изворачиваться, божиться, призывать в свидетели своей искренности небеса. Он может бить себя в грудь кулаками, есть землю и не отводить глаза в сторону. Иногда он может лгать так искренне, что сам начинает верить в свою ложь. Но если у него нет таланта, то в глубине его глаз обязательно мелькнёт блёклая тень обмана — мимолётная искорка. И тогда ему

никто не поверит. А у Квадратного не было таланта лжеца. Близнецы ему не поверили. Даже Максим сразу понял, что его пытаются провести. Не было у Простокваша никаких родственников в Москве. Из всей родни только Лютик и остался. И поэтому Максим насторожился. Ещё бы! Откровенная ложь всегда крайне подозрительна.

Квадратный мог ничего не ответить на вопросы или отшутиться, но он пошёл на открытый обман. А любому индейскому разведчику понятно, что обманывают только тогда, когда хотят скрыть какую-нибудь тайну.

— Вам нужно идти направо, к мосту, — раздался сверху голос Алины. — Это километра два. А потом через посёлок, за магазином повернёте и до конца улицы. Увидите дом с синей крышей. Там и живёт ваш... родственник.

— Ага, понятно, — Квадратный легко вскинул рюкзак на плечи. — Не проводите меня?

— К сожалению, нет, — вежливо отказалась Алина. — У нас тут с братом ещё остались кое-какие дела...

— Это на ночь-то глядя? — не поверил Александр Иванович. — Не боитесь?

— А кого нам бояться? — ответила вопросом на вопрос Алина. — Или, может, вы видели какое-нибудь чудовище неподалёку?

— Не видел.

Квадратный кивнул на прощание и направился к мосту.

Максим подождал, пока он отойдёт на порядочное расстояние, и поинтересовался, по-

чему это Алина не указала Квадратному более короткий путь. Напрямик, через мостки, он бы добрался минут за десять, а если шлётать через мост, то и за полчаса не управишься.

— Потому что это и был оборотень, — страшным голосом ответила сестра. — Я видела, как волчица исчезла в кустах, а через минуту оттуда вывалился Квадратный. Поменял облик! Да только меня не проведёшь. А улыбочка у него видел какая? Скалит зубы, как та волчица.

Девочка ловко слезла с дерева.

— Хватай свою подзорную трубу и побежали! Мы должны предупредить Простоквашу о грозящей опасности. Он хоть и мерзкий старикашка, а всё же человек, не оборотень. Жалко его.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СБОРЩИКИ ДОЛГОВ

Алина поверила в нечистую силу сразу — крепко и безоговорочно. А случилось это давным-давно, когда посёлок ещё только строился и в реке отражались только оставы домов — без крыш, с пустыми дырами вместо окон. Деревьев в посёлке ещё не было, зато на другом берегу таинственно и зовуще высился голубой лес. Помнится, отец возился со стропилами, мама разбивала грядки, а близнецы, опьянённые просторами и свободой, взявшись за руки побежали к реке, потом через мост и дальше, в лес. И конечно же, они заблудились.

Посёлок исчез, затерялся между золотистых сосен и фиолетовых елей, пропал в хвойном молодняке. Ни тропинки, ни следа... А незаметно надвинулась ночь, и колючие ветви опустились ниже, повисли над головами тяжело и страшно, будто хотели схватить, вздёрнуть наверх, в гудящую комарами темноту.

Лес изменился. Лес заворчал с глухой угрозой. Лес проснулся, ожил, наполнился странными звуками. Вот кто-то притаился за упавшей елью, зашуршал палой листвой, ехидно засмеялся. Вот затрещали сухие ветки под чьими-то тяжёлыми лапами. Вот заскребли по коре чьи-то когти... Казалось, что кто-то осторожно идёт следом, выглядывает из-за сосен, разевает пасть, то смеётся, а то воет, как собака на луну, жалобно и надрывно.

Было темно. Близнецы ничего не видели — ничего, и эта неизвестность лишила их обычной уверенности. На их крики никто не отвечал. Они очень устали и потому свернулись калачиками на земле, прижались спиной друг к другу и лежали выпавшими из гнезда птенцами. Вот тогда Алине и почудилось, что кто-то большой идёт прямо к ним по сухой листве.

Шаги слышались всё яснее, а потом затихли рядом. И увидели близнецы высоко над собой глаза. Они по-кошачьи светились в темноте. И почувствовали дети запах цветов и мёда. А потом кто-то поднял их на руки, заслонил собой от ночного сквозняка. И сразу стало тепло и одолела дрёма.

Они проснулись на рассвете, огляделись, и сразу стала видна внизу широкая полоса реки, и мост, и дачный посёлок. Сами ли они забрали сюда ночью, во сне, или, может, пасечник Степаныч, что живёт в лесу совсем один; перенёс их на руках, Максим не знал и об этом не задумывался. Он был счастлив. Он приплясал и смеялся, и кричал, а потом вприпрыж-

ку побежал с вершины холма вниз, к родителям. А вот Алина твёрдо уверовала, что их спас лесной демон — леший, и с тех пор в каждом незнакомце подозревала оборотня.

Вот и сейчас, когда в сумерках они бежали через мостки к дому Простоквашина, Алина не переставала думать о тех таинственных делах, которые могут связывать огромного квадратного оборотня и рыхлого толстяка Никифора Сергеевича Простоквашина.

Вечерняя заря уже догорала; иочные сумерки постепенно окутывали посёлок. Было тихо. Даже вода в реке не журчала — текла беззвучно, была густой, красно-коричневой, и в ней слабо дрожало перевёрнутое отражение моста. А когда близнецы добежали до дома Никифора Сергеевича, вокруг них сомкнулась ночь. Ни звёзд, ни луны, только светящийся прямоугольник распахнутого окна — призрачный свет, дрожащий за занавеской, как паттина на ветру.

Конечно же, они опоздали. Из комнаты слышались голоса: один высокий, срывающийся — голос Простоквашина, а другой погуще, спокойный и сердитый — голос собеседника.

— Это не Квадратный, — шепнула Алина. — Тот рокочет басом.

— Тогда зайдём?

— Нет, подожди... Неудобно. Давай послушаем. Кажется, ониссорятся.

Действительно, разговор шёл на повышен-

ных тонах. Близнецы подкрались к окну поближе, притаились в тени жасминового куста и осторожно заглянули в окно.

Простокваша копошился у стола — разглядывал какой-то листок бумаги. На столе были разложены пачки банкнот, посреди которых высилась бутылка коньяка. Рядом со столом, в кресле, развалился молодой парень, широкоплечий, с тёмными длинными волосами, перевхваченными тесёмкой, с бледным лицом. Парень лениво курил сигарету.

— Хватит расписку-то рассматривать, — сказал он. — Это тебе не телевизор. Гони ещё восемьдесят штук!

— У меня сейчас столько нет, — отложил расписку Простокваша.

— Нет, говоришь?

Парень легко поднялся с кресла, словно хотел стряхнуть с сигареты пепел, и подошёл к Никифору. А дальше началось нечто совершенно неожиданное.

Толстяк не успел оглянуться, как получил удар в солнечное сплетение. Пока он судорожно раскрывал рот, пытаясь глотнуть воздуха, длинноволосый сорвал со своей головы тесёмку и ловко связал ему руки за спиной. Затем вытащил из кармана летней куртки тонкую стальную проволоку. Один конец перекинул через крюк на книжном шкафу, а второй обмотал вокруг шеи Простоквашина. Теперь тот мог стоять только на цыпочках — в противном случае петля сдавливала горло.

— Это ты зря. Тебя ведь предупреждали, хотели по-хорошему... — с напускным терпе-

нием произнёс парень, словно перед ним был не пожилой человек, а напроказивший ребёнок. — А хозяин порядок любит. Сегодня как раз крайний срок. Пора отсыпать монету по полной программе. Долг платежом красен.

— Говорю же, товар приняли, Яша, — просипел Простоквашин. — Вот только с деньгами заминочка. Остальную сумму верну позже. Покупатель просил подождать ещё месяц. С таможней возникли проблемы.

— Плевать я хотел на твои проблемы, — внушительно сказал Яша. — Гони монету или подыхай.

— Сними с меня эту проволоку! — надсадно закричал Простокваша. — Мерзавец! Кровосос! Сними или ты от меня ничего больше не получишь! Ни копейки! Так можешь и передать своему вонючему хозяину.

Яша холодно улыбнулся. Он нагнулся, поднял с пола упавшую расписку, аккуратно сложил её и спрятал в карман.

— Да этот жук ничего не понимает, — сказал он. — А глазами-то сверкает!.. Наверное, думает, что напугал. Наверное, представляет, как звонит своим поганым дружкам и те летят сюда с пушками наперевес. Вот дермо! Вылитое дермо. Но сейчас мы сделаем из тебя конфетку. Говорят, что это невозможно. Дерьмо, мол, так и останется дермом, как его сахаром ни посыпай. А вот мы проверим. Только бы не переборщить. Я такой нервный... Иногда теряю самообладание...

Простокваша с ненавистью смотрел на своего мучителя.

— А ну отвяжи меня, кровосос! И тогда, может быть, останешься цел. А будешь упрямиться, залетишь на полную катушку. Хорошее место на кладбище я тебе гарантирую...

Казалось, угрозы толстяка страшно рассмешили Яшу. Он замотал головой, словно боролся с приступами смеха, потом выскочил из комнаты и вернулся с утюгом. Отыскав розетку, Яша включил утюг и поставил его у ног Простоквши.

— Старые методы — самые надёжные. Смотри-ка, ухмыляется... — Яша взял в руки бутылку с коньяком, уселся в кресло и закурил новую сигарету. — Висит с петлёй на шее и ухмыляется. Что за дурак...

Он принюхался к горлышку бутылки, отхлебнул глоток. И выплюнул.

— Дрянь у тебя, а не коньак. Зарабатывает тысячи баксов, а на коньяке экономишь. Машина у тебя старенькая... И куда ты деньгиеваешь? Закапываешь, что ли?..

— Не твоё дело, скотина!

— Вот стервец! Не понимает, как ему сейчас станет жарко. Ещё непуганый. Это исправимо.

Яша бросил бутылку на пол, и она покатилась по полу, оставляя за собой тёмную влажную дорожку.

— Ты посмотри, опять ухмыляется! И где только так научился?!. Героя из себя строит. Не те, совсем не те фильмы крутят по телеку. Боец-молодец, смертельная опасность, но он только ухмыляется, а в самый последний момент поспевает помочь. Справедливость тор-

жествует, зло в ужасе улепётыает... Да вот только никто не придёт на помощь, и никто ничего не услышит — такая, понимаешь, загогулина. Ты посмотри! Он всё равно ухмыляется!.. Ладно...

Близнецы переглянулись.

— С кем это он разговаривает? — прошептала Алина.

— Сам с собой, — предположил Максим. — Чтобы, значит, круче выглядело. Бандюга!

— Толстяк тоже хорош. Одного поля ягоды. Ай да Простокваша! Кто бы мог подумать!..

Утюг начал припекать ноги Никифора. Тот захрипел, затанцевал на месте, вытянулся в струнку — проволочная петля врезалась в складки его жирной шеи.

— Кровосос!..

— Вот заладил! — с досадой бросил Яша. — Я говорю с тобой вежливо, как интеллигентный человек, прошу тебя вернуть деньги за товар, а ты не хочешь их возвращать. Так кто же из нас кровосос?

Лицо Простоквашина налилось кровью.

— Я пришёл к тебе с приветом, а ты встретил меня грязной руганью... Так кто из нас кровосос?

Простокваша истошно завопил, но проволока глубоко врезалась в шею. Крик захлебнулся.

— Вот и сейчас я продолжаю с тобой беседовать, хотя давно мог тебя прирезать, как ты

того заслуживаешь... Я жду ответа. Кто из нас кровосос?

Простокваша что-то прохрипел, но ничего нельзя было понять. Яша вскочил с кресла и убрал утюг.

— Ну?

— Я... Я кровосос, — пробормотал Простокваша. На лбу у него выступили капли пота. Глаза смотрели испуганно.

— Хорошо, что ты это понял, — кивнул Яша. — Жаль, что это поздно до тебя дошло. Ты испытываешь моё терпение, а за это надо платить... Положиши сверху ещё пять кусков. Это ты тоже понимаешь?

— Да... Понимаю...

— Значит, договорились?

И тут на Простоквашина накатило.

— Пошёл ты... ублюдок вонючий! Сволочь! Да я с тобой знаешь что сделаю!..

— Вот дурак! — прошипел Яша. — Чёрт с тобой. Подыхай!

Он опять уселся в кресло, закинул ногу за ногу.

— Анна! Он твой!

И тут близнецы увидели, как из глубины комнаты выступила белёсая фигура. Женщина. Молодая. Светлые волосы, поверх платья надет белый медицинский халат, а на глазах, несмотря на позднее время, огромные солнцезащитные очки. Женщина открыла свою сумочку, достала оттуда перчатки и начала неторопливо их натягивать на руки. Максим почувствовал, как бешено забилось его сердце. Он уже видел такие перчатки в кино. Кожа-



ные, оплетённые металлическими кольцами, и на каждом пальце — по длинному изогнутому лезвию.

— Мама моя! — ахнул мальчик. — Прямо Фредди Крюгер из «Кошмара на улице Вязов»... Во даёт!

Видимо, Простокваша тоже смотрел этот фильм. Он начал всхлипывать, как малое дитя. Изо рта потекли слони — пузырьки пены, почти неразличимые на мокрой от выступившего пота коже.

— Прощай, чучело, — сказал Яша.

Женщина сняла очки. Близнецы не видели её лица: она стояла к ним спиной. Зато его отлично видел Простоквашин, и, судя по всему, зрелище это привело его в ужас. Толстяк расплакался. Рыдания сотрясали его тело, а из глаз брызнули слёзы.

— Я согласен, — прошептал Простокваша. — Я согласен, согласен...

— Анна! Похоже, до него дошло. Клиент созрел. И готов на всё.

Анна продолжала приближаться к толстяку.

— ...Согласен, согласен! — выкрикивал Простокваша. Он совсем обезумел от страха.

Тогда Яша вскочил с кресла и схватил напарницу за плечо. Анна остановилась. Яша подтолкнул её к столу, а сам повернулся к пленнику и влепил ему затрещину. Простокваша ударился головой о книжную полку и замолчал, испуганно моргая влажными от слёз глазами.

— Где остальные деньги?

— Денег больше нет... — покачал головой

толстяк, но тут же торопливо добавил: — Но есть золото. Килограмма три. Возьмите в залог. Она в ящике... Цепь.

Яша развязал Никифору руки, потом взял плоскогубцы и режущими гранями перекусил проволоку. Простокваша грузно осел на пол. Яша подошёл к письменному столу, раскрыл ящик и достал оттуда толстую и, видимо, очень тяжёлую золотую цепь. Такие близнецы видели на картинах старинных мастеров: мужчины в странных бархатных одеждах носили их на груди.

— Слушай меня внимательно, — Яша наклонился над Простоквашином. — Цепь я возьму и покажу хозяину. Если он согласится её взять, то твой долг будет погашен. Но, боюсь, тебе захочется пожаловаться своим приятелям на то, что здесь случилось. Если это произойдёт, ты не жилец. Ты понимаешь, что я говорю серьёзно?

— Да, — прошептал Простокваша.

— Тогда покончим с этим. Анна, мы уходим.

Женщина с видимым сожалением сняла перчатки и бросила их в сумочку. Яша направился к двери, отодвинул засов. Под вешалкой, на полу, валялась спортивная сумка с эмблемой «Адиdas». Чёрный Яша поднял её, заглянул внутрь, удовлетворённо хмыкнул.

— Сумочку мы у тебя одолжим, — обернулся он. — И ещё... Хочу дать тебе совет. По дружбе. Если ты когда-нибудь решишь, что сможешь отыграться, то выкинь это из своей дурацкой башки. Это будет ошибкой, самой

ужасной ошибкой в твоей жизни. Последней ошибкой.

Простокваша только кивнул. Глаза вытаращены, губы дрожат, на шее красная полоса от проволоки.

— До скорого, дружище, — улыбнулся Яша. — Анна, я жду.

Анна повесила сумочку на плечо, взяла со стола свои солнцезащитные очки. Но прежде чем она надела их, близнецы увидели её глаза — большие, чёрные, с длинными, густо накрашенными ресницами. Очень красивые глаза. Вот только зрачки были вертикальными, как у ядовитых змей.

Яша затолкал пачки банкнот и цепь в спортивную сумку, пропустил Анну вперёд и захлопнул за собой дверь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КВАДРАТНЫЙ

Индийские разведчики не боятся ничего на свете — ничего, кроме демонов со змеиными глазами. И поэтому Максиму не стыдно было признаться, что вертикальные зрачки глаз Анны раскололи его отвагу на мелкие осколки. Он даже хотел сорвать с себя регалии Следопыта и посвятить остаток жизни вязанию и шитью, а уж хуже этого для индейского разведчика на свете ничего нет.

Иное дело Алина. Нельзя сказать, что нечеловеческие глаза Анны произвели на неё меньшее впечатление. Максим видел, что сестра потрясена так же, как и он сам. Однако она пришла в себя гораздо быстрее и даже вскоре, минут через пять, обрела дар речи: шептала отводной заговор.

— Снимаю заклятье и проклятье, наветренное и дверное, громкое и шёпотное, с кровью и без крови...

При этом она держала руки особым, защитным образом: указательные и большие пальцы

обеих рук соединила в кольцо, а остальные положила друг на друга.

— ...тайное и явное, скрытое и открытое; о чём колдун хвалится и о чём молчит, шёпотом говорит и о чём кричит... Слово моё ни перебить, ни переделать. Как я сказала, так и будет. Аминь. — Она перевела дух и посмотрела на брата. — Ну, теперь пошли.

— Куда это?

— За колдуньей!

— Ну уж нет! — наотрез отказался Максим. — Очень мне это надо!

— А цепь?

— А что — цепь? Подумаешь — цепь! Простокваша её сам отдал.

— Неужели ты ничего не понял?! Его же пытали!

— Всё я понял, — обиделся индейский разведчик. — Обычная бандитская разборка. Пришли два бандита и ограбили третьего. Такое сейчас сплошь и рядом творится.

— Обычные бандиты?! — всплеснула руками Алина. Она была поражена тупостью брата. — Где ты видел у обычновенных бандитов змеиные глаза?

— Нигде я не видел, — буркнул Максим. — Я вообще-то не часто с бандитами дело имею. Но, может, сейчас у них мода такая: пальцы веером, гимнаст на шее, сопли пузырями, а глаза — змеиные. Говорят, работа откладывает отпечаток на внешность. Дяде Гоше нужно звонить. Он участковый, пусть и разбирается.

— Дурак! В кои-то веки выпало приключе-

ние, а ты сразу — к дяде Гоше! Да и не справится дядя Гоша с демонами. Кишка тонка!

— А ты справишься?!

— Не знаю, — честно ответила великая за-
клинательница. — Но на чистую воду их выве-
ду. Похоже, у них намечается шабаш... Слиш-
ком много их развелось. Сначала Квадратный,
потом эта ведьма с глазами гадюки...

— А что такое — шабаш?

— Тусовка такая, — пояснила Алина. —
По субботам устраивается. Сидят, кровь
пьют, лягушками закусывают. А во главе сто-
ла сам Хозяин — дьявол. А ведь Яша всё о хо-
зяине толковал, должок для него требовал.
Смекаешь?

— Угу, — хмуро кивнул Максим.

Он отлично знал сестру, этот её блестящий
взгляд, жаркий шёпот. Не нравилось ему, что
она собирается ввязаться в драку с нечистой
силой, ох, как это ему не нравилось... Но у сест-
ры такой принцип — идти навстречу опаснос-
тям. А принципы — дело серьёзное...

— Нам бы цепь вернуть, — сказала Али-
на. — Чувствую, не простая это цепь...

— Конечно, не простая, — хмыкнул Мак-
сим. — Три с лишним килограмма золота!

— Не в том дело! Заговоренная это цепь!
Заполучит её Хозяин, и начнётся разгул — не
обрадуешься! Разделит посёлок между обо-
ротнями да вурдалаками, и те начнут чинить
козни: потоп устроят, а то землетрясение,
порчу наведут, или превратят кого-нибудь, на-
пример, тебя, в жабу. Жирную такую, в боро-
давках...

— Тыфу на тебя! — рассердился Максим. — Что ты несёшь такое!

— Цепь нужно вернуть! — твёрдо сказала великая заклинательница демонов. — Без неё — труба дело! Пошли?

— А тётка? Неизвестно, когда мы вернёмся. Тётка весь посёлок на уши поставит.

— Не поставит. Она сегодня в гостях у соседки. Наверняка вернётся к часу ночи. Подумает, что мы уже спим. Пошли!

— А Петрович? Он же спозаранку в окно нам постучит. Помнишь про рыбалку-то?

— К тому времени мы уже вернёмся. Идёшь ты или нет?

— Пошли, — нехотя согласился индейский разведчик.

Не хотелось ему идти, но ещё больше не хотелось превращаться в жабу, жирную и бородавчатую. Он посмотрел в ночь, потом перевёл взгляд на тёплый прямоугольник окна, заглянул внутрь.

Простокваша суетился возле письменного стола. Он рассматривал какие-то бумаги и что-то вполголоса бормотал. Максим прислушался.

— Дураки... Заключение-то не взяли, а без него цепь — всего лишь слиток... А что я Санчо скажу?.. Чёрт!.. Но ещё есть время, ещё есть... Надо их догнать... Ребята через часок приедут, мы с Яшой и потолкуем. И с его Анной тоже... Через час... Основательно так потолкуем! Куда они денутся? Пока до электрички дошлёпают, а там мы их и перехватим...

Простокваша сложил бумаги вдвое и спря-

тал среди книг, в большом иллюстрированном атласе по географии. Потом задумался, вскочил и бросился к телефону.

— Лютик? Это опять я. Ребят обзвонил? Отлично. Теперь возьми велик и дуй на станцию. Посмотри, нет ли там белого «Мерседеса». Да! Колёса у него порежь. Да! Всё! Нет, подожди! Если никакого «Мерса» не будет на стоянке, всё равно у всех машин колёса продырявь. Они могли прикатить и на другой тачке. Да! Теперь всё. А потом сразу дуй сюда. Жду!

Простокваша бросил трубку и схватился за горло, застонал. След от проволоки горел на его шее раскалённой нитью.

— Пошли, — шепнула Алина. — Здесь ловить больше нечего.

— А тот, Квадратный? — вспомнил Максим. — В которого волчица превратилась. Он же сейчас придёт!

— Точно! — на мгновение Алина задумалась, по привычке начала вертеть в руках прядку волос, потом решительно сказала: — Вот что. Ты, так и быть, оставайся здесь, а я пойду за теми вампирами до самого их лежбища. Может, повезёт, и я увижу, где они спрячут цепь. Встретимся дома.

— Нет, постой! Я не могу оставить тебя одну! — решился Максим. — Мало ли что... Всё-таки вампиры! Пойдём вместе.

Они уже поднялись на ноги, но тут заскрипели петли калитки и запуршал гравий под чими-то тяжёлыми шагами.

— Квадратный! — шепнула Алина. — Оста-

вайся и не шевелись. Дай мне свою подзорную трубу. Я пошла!

Она на цыпочках побежала к забору, а Максим опять юркнул в тень жасмина.

Простокваша тоже услышал скрип калитки. Он был уверен, что это вернулись его мучители, и поэтому на этот раз решил встретить их во всеоружии: ужом метнулся на кухню, схватил тесак для рубки мяса и спрятался за входной дверью. Наверное, он действовал не слишком проворно, потому что Квадратный заподозрил подвох и не вошёл — распахнул дверь ударом ноги. Раздалась сдавленная ругань Простоквашина, а Квадратный уже прыгнул к письменному столу, развернулся, принял боксёрскую стойку и грозно смотрел на толстяка, который выронил своё оружие и стонал, хватаясь то за шею, то за живот.

— Молись богу, кусок сала! — остерьенело пробасил Квадратный. — Так-то ты встречаешь гостей! Ну, сейчас я тебя буду делать!

Он быстро, раскачиваясь из стороны в сторону, шагнул вперёд, сделал ложный выпад левой и коротко ударил правой толстяку в живот. Простоквашин отшатнулся, начал жадно хватать ртом воздух. Квадратный отбросил упавший на пол тесак ногой в сторону и нанёс своему противнику один невесомый удар по почкам, ещё один — в живот и тут же отпрянул в сторону.

Толстяк тряс головой, широко раскрытые почерневшие губы судорожно хватали воздух.

В глазах удивление и страх, с губ слетали не то ругательства, не то жалобы:

— Мать-перемать... Это ошибка! Я думал, что это э-э... соседка Матрёна. Хотел напугать её. У, блин!.. Как больно!.. А тебе я всегда рад! Ну что ты в самом деле, Большой Санчо, дружище!..

Квадратный Санчо понял, что драться толстяк не намерен, что он ещё не сошёл с ума — просто очень напуган и, скорее всего, действительно произошла какая-то ошибка.

Простокваша постепенно приходил в себя. Дышал ещё тяжело, с хрипотцой, но уже пытался растянуть губы в улыбке. Успокоился и Квадратный. Присел на краешек стола, поздоровался. Простокваша закивал в ответ.

— Что у тебя с шеей? — поинтересовался Санчо. — Повеситься пробовал?

— Ну... Это... Как тебе сказать?.. — замялся толстяк. — Недоразумение.

— С соседкой Матрёной?

Простоквашин окончательно смущился.

— Да ладно, — махнул рукой Квадратный Санчо. — Мне это глубоко фиолетово. Вешаясь, травись, только вещицу мою отдавай. Она мне нужна. Я сам нашёл покупателя. Уже и аванс взял.

— Какую вещицу? — растерянно промямлил толстяк.

— Цепь мою, — хмуро напомнил верзила. — Золотую. И пошевеливайся. Я тороплюсь.

— Это... — Простокваша опустил глаза, накнулся, подобрал с пола горлышко разбитой

бутылки из-под коньяка, повертел его в руках. — Нет у меня цепи. Её забрали... на экспертизу. Вещь древняя, без заключения экспертов цену не удвоишь. Подожди денёк-другой, а? Я верну. Ты ведь меня знаешь.

— В том-то и дело, что знаю! — отрезал Квадратный Санчо. — Гони цепь!

— Мы договаривались через неделю, — осмелился толстяк. — Вот через неделю и приходи!

Удивительно, с какой быстротой двигался этот Квадратный Санчо! Только что стоял у стола — и вот он уже рядом с толстяком. Две хлесткие пощёчки по отвислым щекам, и когда зазубренное горлышко бутылки устремилось к его глазу, Квадратный Санчо чуть отклонился в сторону и ударил толстяка под дых. Легко ударили, в четверть силы.

Простоквашин охнул и начал мягко оседать на пол. Лицо его покраснело, глаза вылезли из орбит... Верзила подхватил его, поставил на ноги, коротко размахнулся. Ещё удар. Ещё... И напоследок резкий хук левой снизу в подбородок.

Толстяк отлетел к книжному шкафу. Сверху посыпались книги, журналы, фотографии в тонких металлических рамочках, стеклянные бутылки с моделями крошечных парусников внутри, пластиковые коробки. Простоквашин рухнул на пол и застонал, испуганно глядя на Квадратного Санчо.

— Что, Никифор? — ласково спросил верзила. — Будешь упорствовать?

— Пошёл ты!...

Обманутый спокойным, доброжелатель-



ным тоном своего нежданного гостя, Простоквашин решил, что можно проявить твёрдость. Впрочем, в данной ситуации другого выхода у него и не было: золотая цепь находилась в руках Яши и вернуть её можно было только завтра. Поэтому толстяк поднялся на ноги и сплюнул. Видимо, манеры Простоквашина совсем не понравились Квадратному Санчо. Он снова волшебным образом оказался рядом со стариком и ударил его наотмашь по лицу тыльной стороной ладони, а потом добавил прямой в челюсть.

Толстяк опрокинул назад. С полок снова посыпались книги — Простоквашин сильно ударился затылком о стойку шкафа. Несколько мгновений он ошеломлённо лежал, не отрывая взгляда от своего противника. Потом снова поднялся на ноги.

— Что за день сегодня такой?! — запричитал он. — С утра не заладился. Бочки со всех сторон катятся...

Его подбородок был залит кровью. Глаза потемнели от бессильной ярости и страха. Простоквашин задвигал челюстью, наклонился, выплюнул вставную челюсть, спрятал её в нагрудный карман. И улыбнулся разбитыми губами.

— Запишешься на приём к стоматологу, — посоветовал Квадратный Санчо. — Теперь они, правда, дорожаво берут... Но всё-таки дешевле, чем в похоронном бюро.

Простоквашин, пошатываясь, угёр рукавом кровь с подбородка, зашипел от боли. Посмотрел на часы и перевёл взгляд на своего сурово-

го гостя. Похоже, он начал догадываться, что влип основательно: противник настроен серьёзно и поблажек ждать нечего.

Квадратный Санчо отметил брошенный на часы взгляд толстяка. Он закрыл дверь на ключ, чтобы предстоящей беседе не помешало появление случайных клиентов, и указал Простоквашину на стул.

— Сейчас ты сядешь и очень подробно расскажешь мне, что за аферу ты прокрутил с моей цепочкой: где ты её спрятал, у кого и особенно о том, зачем тебе понадобилась вся эта комедия, — сказал он. — Страйся быть правдивым, а то я очень нервничаю, когда мне лгут или грубят. А когда я нервничаю, то становлюсь склонным к насилию. Считай, что ты находишься на исповеди.

— Цепь у меня... укради.

— Вот как?! — делано удивился Квадратный Санчо. — И кто?

— Один шакал со своей гадюкой, — пропшипал толстяк.

— Ага.

Было ясно, что верзила не поверил ни единому слову толстяка — считал, что его водят за нос. Щёки Квадратного Санчо порозовели, на скулах заходили желваки. Он был страшен и грозен, как медведь-шатун.

«Сейчас волчицей обернётся», — подумал Максим и пожалел, что рядом с ним нет великой заклинательницы демонов.

Только ни в кого Квадратный Санчо не обернулся. Просто снял с серванта керосиновую лампу, открутил головку и вылил содер-

жимое на разбросанные по полу книги. Потом достал из кармана спички, зажёг одну и сказал:

— Сейчас огонёк доберётся до моих пальцев, и я вынужден буду бросить горящую спичку прямо на книги. У тебя есть три секунды. Неси цепь или потеряешь дом.

— Нет! — закричал Простокваша. — Не нужно. Всё. Уговорил! Я был неправ. Сейчас, сейчас... Только потуши спичку! Книги, бумаги, картины... Всё вспыхнет, как порох...

Несколько мгновений Квадратный Санчо молчал, будто раздумывал, и огонёк плясал на спичке, всё ближе подбираясь к пальцам. Потом верзила подул на спичку, и огонёк исчез.

— Так-то лучше, толстый. Неси.

Простоквашин нагнулся, словно хотел поднять за спинку опрокинутый стул, но схватил не стул, а валявшийся на полу тесак. Затем рванулся с места, изогнулся в немыслимом для его комплекции прыжке и сумел-таки достать своего противника. В следующую секунду они уже кружились по комнате, сметая всё на своём пути, а на рукаве у Квадратного Санчо расплывалось тёмное пятно крови.

У Простоквашина явно была хорошая школа уличных схваток. Тесак сверкал в его руке, как солнечный зайчик, — не давал противнику приблизиться и загонял его в угол. И сил у него хватало. Вот только с реакцией дело обстояло хуже. Толстяк был ослеплён злостью и свалившимися на него напастями. Наверное, поэтому он слишком увлёкся нападени-

ем, совершенно позабыв о защите. Но эмоции — плохие помощники в поединке. Об этом знает любой индейский разведчик. В конце концов Квадратный Санчо воспользовался ошибкой толстяка и нанёс рубящий удар ребром ладони. Сухо хрустнула кость, и правая рука Простоквашина повисла вдоль туловища, как плеть. Тесак выскользнул из ослабевших пальцев, скользнул рукояткой по географическому атласу и застрял на полу меж книг остриём вверх.

Квадратный Санчо снова указал хозяину на стул.

— Порезвились и будет... — сказал он. — Какой ты, право, непонятливый! Постыдился бы!.. В твои-то годы! Ох, ждут тебя крупные неприятности. Я прямо вижу эти неприятности. И для этого мне не нужно гадать на кофейной гуще. Ждёт тебя, парень, дальняя дорога в казённую больничную палату и бубновый интерес к лекарствам. Итак, где моя цепь?

Неожиданно Простоквашин заплакал. Сломанную руку он прижимал к груди и бережно покачивал, словно убаюкивал капризного ребёнка. Говорить он не собирался, может, надеялся, что всё обойдётся — вернётся Лютик с друзьями-приятелями или произойдёт какое-нибудь чудо и тогда роли поменяются. А может, просто сказать ему было нечего, потому что Квадратный Санчо больше не верил его словам.

— Язык проглотил, — холодно констатировал верзила. — Хорошо.

Он поднял одну из валявшихся на полу книг

и с размаху ударил толстяка по сломанной руке. Тот взвыл, судорожно изогнулся, бросился на своего мучителя, но Квадратный Санчо ударом ноги отправил его обратно на стул.

— Больно, да?

Простокваша съёжился на стуле, потирая распухшую руку, и продолжал хныкать. Квадратный Санчо опять достал спички, потряс коробок.

— Большой Санчо, чего тебе надо?.. — толстяк уже не причитал, а кричал. — Что ты ко мне пристал?..

— Цепь, — напомнил верзила.

— Её у меня нет. Забрали... Двоих кровососов.

— Какие у них особые приметы? — криво улыбнулся Квадратный Санчо.

— Ну ты прямо, как легавый! Особые приметы!.. — поморщился Простоквашин. — Один — парень как парень. Всегда в чёрном. Волосы длинные, тоже чёрные. А сам он весь бледный, как глист. А вторая... фурия. Глаза у неё, как у кошки.

— Ты мне надоел! — рявкнул Квадратный Санчо и зажёг спичку.

Простоквашин вдруг опустил голову и застыл — закачался на стуле из стороны в сторону, баюкая свою руку, и выл, выл...

— Как вы меня достали!.. — закричал он. — Как вы меня!..

Он вскочил со стула, словно подброшенный пружиной, закричал и, не обращая внимания на боль в сломанной руке, кинулся на верзилу.

Короткий удар — и Простоквашин опрокинулся назад, рухнул на пол, захрипел и замер. Квадратный Санчо быстро вскочил на ноги, приподнял толстяка за отвороты рубашки, несколько раз хлопнул ладонью по щекам, стараясь привести в сознание, но было уже поздно. Голова Простоквашина завалилась назад, а из груди торчало лезвие: он упал на острый тесака.

Верзила склонился над Простоквашином. Тот ещё дышал.

— Где цепь?

Толстяк молчал.

— Куда ты её спрятал?

Бесполезно. Простоквашин просто не мог говорить. Из горла вырывалось хриплое дыхание, на губах — кровавая пена. Видно, жить ему оставалось всего несколько минут.

— Если ты скажешь, я вызову «скорую».

Толстяк посмотрел на Квадратного Санчо, приподнялся и вдруг плонул ему прямо в лицо. А потом уронил голову и замер. Пена на его губах перестала пузыриться.

— Ё-моё! — ахнул Квадратный Санчо. — Мёртв.

Он опустил безжизненное тело на пол.

— Дурак! Эх, дурак... Как я теперь найду цепь?

Он поднялся на ноги и принялся лихорадочно шарить на книжных полках, в серванте, в платяном шкафу. Неожиданно заскрипела калитка, послышались приглушенные голоса. Квадратный Санчо замер, прислушался, потом рванулся к окну. Максим затаил дыхание. Он

просто окаменел от увиденного, и если бы верзила выпрыгнул в окно, то свалился бы прямо ему на голову.

Между тем голоса приближались. Квадратный Санчо неожиданно остановился, вернулся в комнату, достал из кармана носовой платок, через него взял в руки телефонный аппарат и грохнул его о стену. Нужно выиграть время для того, чтобы исчезнуть. Нельзя, чтобы кто-нибудь сразу смог вызвать милицию. А в дверь уже настойчиво стучали, послышались крики. Квадратный Санчо метнулся к окну и выскоцил во двор.

Максим замер, вжался в куст, даже дышать перестал. Он видел только ноги Квадратного Санчо — потёртые джинсы, стоптанные кроссовки. Слева, со стороны дорожки, раздался удивлённый возглас. Квадратный Санчо пригнулся, скользнул за угол дома и бесшумно растворился в ночи.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ЛЮТИК

Дверь распахнулась, и в комнату ввалились трое парней.

— Ёлки-зелёные... Вот это бардак!

Лютик удивлённо осматривался по сторонам, отмечая и сорванные со стен картины, и опрокинутую мебель, и разбросанные по полу книги... и своего дядю Никифора, который лежал посреди этого хаоса, широко раскинув руки.

— Дядя Никифор!..

— Я думаю, что он тебя не слышит, — осторожно сказал один из приятелей Лютика, высокий, сухощавый, совершенно лысый парень.

— С чего это?.. — не понял Лютик. — Дядя Никифор!

Он шагнул вперёд.

— Стой! — решительно произнёс Лысый. — Не подходи — наследишь. Весь пол в крови. Доказывай потом ментам, что не ты его пришил. Я, вон, сам вляпался... Чёрт!

- Не я его... что?
- Сам знаешь — что! — отрезал Лысый. — Перо не видишь? Вон из груди торчит.

Тут до Лютика дошло, и он замер на месте.

- Надо сваливать, — нервно сказал коренастый парень с пышными, как у моржа, усами. — Стрёмно здесь.

— Очко заиграло, Корень, — усмехнулся Лысый. — Не дёргайся. Всё путём.

В комнату тихо вошёл ещё один парень — широкоплечий, со светлыми волнистыми волосами.

— И ты, Белый, тоже замри, — приказал ему Лысый. — Достали вы!

Блондин спортивного телосложения прислонился к стене, скрестил руки на груди и застыл, спокойный и невозмутимый, как античная статуя. Только подрагивание верхнего века свидетельствовало о его нервном напряжении.

Лютик не то вздохнул, не то всхлипнул. Все молчали. Под потолком светила, потрескивая, трёхрожковая люстра. Это потрескивание лампочек, казалось, наполняло всю комнату.

— След от петли на шее, — сказал Лысый. — Синяки, сломанные вставная челюсть и рука... Кровь. Его пытали. А потом всадили тесак в спину, и кровь залила весь пол.

Лютiku вдруг стало жарко. Он почувствовал, как на лбу выступили капли пота, провёл тыльной стороной ладони по лицу, закрыл глаза, не в силах ни говорить, ни двигаться, ни думать. К горлу подкатила тошнота, и хотелось заорать, затопать ногами, бежать в мили-

цию, кинуться на тех, кто это сделал, но рядом стояли приятели дяди Никифора, ребята крутые. Они смотрели на Лютика, ждали, что он предпримет, и потому вести себя нужно было обдуманно, без паники и тоже круто.

Рот дяди Никифора был широко открыт, словно в последнем предсмертном крике. Глаза смотрели в потолок, и в остекленевших зрачках застыли удивление и боль.

— Это те двое замочили его, — глухо сказал Лютик. — Он о них по телефону сказал. Вернулись и замочили. Если бы мы пришли минут на пять раньше.

— Раньше, позже... — буркнул Лысый. — Сейчас нечего сопли жевать.

— Заткнись! — огрызнулся Лютик.

Тошнота прошла, уступив место ярости. Он огляделся ещё раз, повнимательнее.

Перевёрнутые стулья, упавшие на пол книги и сувениры, осколки посуды... Всё было ясно и понятно. Те двое, о которых дядя Никифор сообщил по телефону, затащили его сюда, и началась потеха. А потом забрали золотую цепь, для вида ушли, через несколько минут тайком вернулись и зарезали дядю Никифора, как поросёнка.

Надо было бы позвонить в милицию, но Лютик знал, что не будет никуда звонить. Во всяком случае, не сейчас. Если он окажется замешанным в убийстве, то не сможет ничего выяснить сам по горячим следам. Да и как он на глазах у этой троицы побежит в милицию?!. Они плонут ему в глаза и уйдут, а он останется один на один с убийцами.

— Надо их найти, — твёрдо сказал Лютик. — Их двое, парень и девчонка.

— Он был один! — сказал вдруг Блондин.

— Кто? — не понял Лютик.

— Тот, кто зарезал Никифора. Я его видел. Вы все ломанулись вперёд, а я запирал машину. Он выпрыгнул из окна. Здоровенный, как шкаф. Но он был один.

— Ничего не понимаю... — нахмурил лоб Лютик. — Как это — один?!.. И куда он побежал?

— Завернулся за угол и — к реке.

— Значит, к мосту... Или к лодочной станции. Нам надо... Нам надо...

Лютик был в растерянности. Он был ещё совсем молод, ему было всего восемнадцать лет. Воспитывали его дядя Никифор и телевизор. Но теперь дядя лежал с тесаком в спине и совета дать не мог, а в американских боевиках в таких случаях всегда вызывали полицию. С другой стороны, герои триллеров считали делом чести лично наказать обидчика. Опять же эти трое за спиной... И, значит, нужно вести себя по-американски.

— Нам надо достать этого хмыря, — выдавил наконец Лютик. — Он не мог далеко уйти.

— Кому это — нам? — изогнулся бровь Лысый. — Дружба — дружбой, а табачок, сам понимаешь...

— Плата обычная, — понял намёк Лютик. — Не обижу. Этот козёл забрал золотую цепь. Три килограмма золота. Справитесь — половина ваша.

— Это другое дело, — согласился Лысый. — А с дядей твоим что делать?



— Ничего. Вас никто не видел, а я должен быть на дежурстве в клинике. Так что дуйте к реке, постараитесь задержать этого амбала. А я... — Лютик протянул руку, — Белый, дай ключи от тачки.

— Зачем это?

— Я сгоняю в одно местечко, привезу Курносую Марту.

— На чёрта нам баба? Мы и сами с усами.

— Она нам не помешает, — загадочно усмехнулся Лютик. — Даже наоборот. Клиент останется доволен. Если вцепится в горло — конец! Слушается меня, как собака. Вчера баловался с ней, так она мне всю куртку на лоскутки раскроила. А ведь это был двойной брезент! Вот мы и познакомим её с нашим приятелем. Как он выглядел-то?

— Говорю же, здоровый такой, в клетчатой рубахе... — отозвался Белый. — Волосы ёжиком.

— Я его, кажется, видел... — наморщил лоб Лютик. — Часа два назад. Ещё подумал, что это турист. В джинсах, рюкзак у него за спиной болтался...

— Турист, — хмыкнул Белый, играя ключами от машины. — Он и пришел Никифора. Клетчатая рубаха, джинсы, морда кирпичом... Всё сходится. Только не просто с ним будет... Накинуть нужно.

— Ладно, — вынужден был согласиться Лютик. — Поделим цепь поровну.

— Вот и славно, — Блондин кивнул и бросил ключи Лютику. — Пошли, парни.

Все трое молча вышли из комнаты. Некото-

рое время Лютик не двигался и только тогда, когда скрипнула калитка и затихли шаги его приятелей, бросился к окну.

Максим обомлел. Он решил, что Лютик заметил его и теперь разделается с ним, как с не-нужным свидетелем. Мальчик отпрянул от окна и собирался уже припустить изо всех сил через сад и дальше через забор, по улице, до края земли, однако Лютик из окна не выпрыгнул. Он нагнулся, начал шарить под подоконником и всё сопел, будто поднимал стокилограммовую штангу. Что-то звякнуло, заскрипело, и Лютик облегчённо вздохнул.

— Где же его записки, где же... Чёрт! Куда их дядя засунул?!. Ладно, потом отыщу... Потом.

Лютик захлопнул невидимую дверцу, сорвался с места и выскочил в дверной проём. Заурчал мотор, машина тронулась с места и укатила в ночь по направлению к клинике Айболита.

Наступила тишина. Странная тишина. Не похожая на тишину спящих городских улиц... Опасная, мучительная тишина. Кладбищенская. «И только мёртвые с косами стоят»... А издалека доносится скрежетание зубов, и от этих шорохов веет смертью. Это вампиры и упыри. Ночь — их время. Кровь леденеет, волосы дыбом встают, а ты один, совсем один, и до рассвета ещё далеко-далеко.

Максиму стало страшно. В эту минуту он даже забыл, что индейские разведчики высматривают врага и по ночам: бесшумно крадутся, замечают невидимое, смотрят опасности в глаза и расстривают козни противника. Ах, как лег-

ко всё это выходит днём, когда светит солнце и мир можно охватить одним взглядом — от горизонта до горизонта. А ночью — другое дело. Особено здесь, рядом с лесом.

В Москве всё не так. Люди, машины, стены домов, а по ночам — зарево неоновых фонарей... Там вообще не бывает ночи, и мир в городе узкий, не шире улицы. Другое дело — ночь в посёлке. Ещё в шестилетнем возрасте близнецы забирались на крышу сарая, чтобы увидеть, как медленно и осторожно опускается за лес красный диск солнца. Лес тянулся далеко-далеко, а солнце было ещё дальше. Это было восхитительно. Мир казался бескрайним и интересным, мир казался ласковым и приветливым. А потом, в нестройном хоре лягушек, наступали сумерки и ночь. И всё неуловимо изменялось.

Темнота прятала несовершенства, освещаемые солнцем: не видны были ни покосившаяся дверь в дом, ни куча строительного мусора за оградой, ни соседский гараж, собранный из ржавых железных листов. А на небе загорались звёзды — тысячи, миллионы миллионов звёзд, отчего небо казалось выше, а мир ещё просторнее, чем днём. И верилось, что в таком огромном и добром мире не может быть места страху.

А вот теперь Максим боялся. Сначала оборотень, потом колдунья, убийство... И труп Никифора Сергеевича лежит совсем рядом, за стеной. Это уже не игра, это всё по-настоящему!

Мальчик хотел убежать домой и забраться с головой под одеяло. А потом подумал, что

это недостойно индейского разведчика и что завтра ему будет стыдно. Как он посмотрит в глаза сестре?! Она сейчас крадётся за ведьмой со змеиными глазами, а ведь если та заметит слежку, то мало Алине не покажется!.. Превратит ведьма сестрёнку во что-нибудь жуткое и мерзкое — что тогда сказать родителям? Они ни за что не поверят, что бородавчатая жаба — их родная дочь Алина.

«Я бы ни за что не решился связываться с ведьмами, — подумал Максим. — С кем угодно, но только не с ними. Приятно иметь дело с каким-нибудь огнедышащим драконом, или с саблезубым тигром, или с враждебно настроенными инопланетянами... Да, именно с инопланетянами!»

И тут Максиму пришла в голову ясная, как день, мысль, что, скорее всего, и Квадратный Санчо, и змеиноглазая Анна, и все прочие лица всей этой истории являются скрытыми инопланетянами. Из Крабовидной туманности, например. Мальчик вздохнул с облегчением. Это обстоятельство гораздо упрощало ситуацию. Одно дело никому не понятная ведьма, в которую к тому же никто, кроме Алины, не верит, а другое — инопланетяне. С инопланетянами всё просто. Во-первых, нужно отыскать их космический корабль и перегнать его в другое место. Во-вторых, связать их и подвергнуть принудительному медицинскому осмотру, который и выявит их неземную сущность. В-третьих, передать все материалы в Академию наук и купаться в лучах славы. Только космический корабль можно оставить себе — пригодится.

Максим оживился. Теперь он стал прежним индейским разведчиком — бесстрашным и неуловимым. Нужно было что-то делать. От обилия мыслей кружилась голова. Искать космический корабль?.. Выслеживать Квадратного Санчо?.. И тут его опять осенило.

— Ну конечно же! — хлопнул он себя по лбу.

Цепь! Все события вертелись вокруг золотой цепочки, и значит, она является ключом к разгадке тайны. Но цепью занимается Алина...

— Бумаги!

Максим отчётливо вспомнил бормотание Никифора. Что-то о заключении, без которого цепь — всего лишь слиток золота. Интересно, чем же тогда будет цепь вместе с заключением?!

Максим заглянул в окно. Простоквашин не подвижно лежал в луже крови, страшный и не подвижный. А географический атлас, в который он спрятал те бумаги, валялся в дальнем углу на полу, под торшером.

Максим тяжело вздохнул и прыгнул на подоконник.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВЕДЬМА И ЕЁ НАПАРНИК

«Могущество заговорного слова безгранично: оно может управлять стихиями, вызывать громы, бурю, дожди, град и задерживать их, вызывать неурожай и бесплодие, умножать богатства, плодить стада и истреблять их чумной заразой...»

Ночь опустилась на посёлок, окутала взметнувшиеся в небо деревья, припала к тёплым прямоугольникам светящихся окон. День закончился, а с ним закончились ясность и простота. Ночью всё стало другим — загадочным и таинственным.

«...Слово заговорное может творить чудеса, давать оружию меткость и делать воина неуязвимым ни пулям, ни стрелам, ни мечам; заживлять раны, останавливать кровь, превращать людей в животных... Превращать людей в животных...»

Алина сбилась с ритма. Сейчас цитаты из «Молота ведьм» давались ей с трудом. Девочка тенью кралась за подозрительной парочкой — серая тень позади двух других серых теней в сумраке ночи.

Посёлок ещё не спал. Где-то неясно бубнил телевизор, слева слышалась танцевальная музыка, а справа чья-то одинокая, грустная песня рвалась в дальние дали, горные выси.

Они шли рядом, взявшись за руки. Чёрный Яша тяжело дышал, сумка с золотой цепью заметно оттягивала его плечо. А вот Анна шла легко и мягко, как кошка.

За посёлком дул холодный ветер. Он налетал порывами, гнал по дороге песчаную пыль, шелестел тополиной листвой. Погода была такая, что Алина позавидовала Максиму, притаившемуся сейчас под уютным кустом жасмина. Он не рисковал так, как она: не боялся споткнуться, топнуть, чихнуть... А она даже вздохнуть полной грудью не могла: у Анны, как оказалось, был превосходный слух. Несколько раз ведьма останавливалась, оглядывалась, всматривалась в темноту, и тогда девочке приходилось замирать на месте, стараясь унять бешеный стук собственного сердца, и ждать.

Наверное, у Анны тоже было «чувство стороннего взгляда». Оно возникает неожиданно, без видимых причин. Просто ты вдруг чувствуешь, что за тобой наблюдают, что ты не одна. Не то чтобы кто-то маячил на горизонте или за спиной раздавался посторонний звук. Просто возникает смутное беспокойство, будто кто-то шепчет на ухо: ты здесь не одна.

Вот и Анна... Впрочем, ведьма не особенно тревожилась: Алина вела себя крайне осторожно. Но каждый раз, когда ведьма останавливалась и оглядывалась по сторонам, девочка отводила взгляд в сторону и превращалась в статую.

Чёрному Яше не очень нравились эти остановки. Он торопил свою спутницу, убеждал, что для беспокойства нет причин, бормотал что-то о женской мнительности. Анна только хмыкала в ответ и как-то странно, презрительно, что ли, встряхивала волосами.

— «Остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла действуют безраздельно», — пробормотала Алина.

Она не боялась. Просто беспокоилась, что её заметят и тогда ведьма будет её держать, а Чёрный Яша превратится в вампира. Острые клыки, молочно-белая кожа, горящие глаза... «Мне нужна твоя кровь. Всего один глоток. Я хочу уголить жажду...»

«Дудки, — успокаивала себя великая заклинательница демонов. — Вон железнодорожная станция. И автостоянка. Там всегда кто-нибудь околачивается. Не будут же они выпивать меня прилюдно. К чему им лишние свидетели? Вечно я пугаю саму себя, как маленькое дитя. Они ничего не смогут мне сделать. Главное, не забыть защитное слово заговора. Главное, не забыть...»

Она начала повторять про себя оберёт от колдовских чар, увлеклась и, наверное, поэтому на миг утратила бдительность. А когда она закрыла молитву заключительным «аминь», то едва не наткнулась на Анну. Алина замерла, а потом на цыпочках, с замиранием сердца, скользнула в тень.

Удивительно, но ведьма её не заметила. Она смотрела на своего напарника, а тот бегал вокруг белого «Мерседеса» и проклинал всё на свете.

— Мать твою!.. Да что это в самом деле?! Какой козёл это сделал? Я ему... Я его...

Причина Яшиного гнева была очевидна. В свете уличного фонаря Алина заметила, что у машины проколоты все четыре колеса. Причём пострадал не только «Мерседес». Точно так же уныло лежали на асфальте остальные автомобили: «Москвич», два «Форда», «Ауди» и даже фургончик, на котором привозили продукты в поселковый магазин.

Минут через пять поток ругательств иссяк. Яша открыл переднюю дверцу и рухнул на место водителя. Анна усилась рядом. Великая заклинательница демонов подкралась поближе, к самой проволочной ограде, и прислушалась.

— Сегодня нам не уехать, — мрачно констатировал Яша. — Запаска у меня только одна. Нужно вызывать работяг из сервиса, а пока они дотащатся... Чёрт!

Он ударил по рулевому колесу.

— Это всё жирный Никифор! Больше некому. Его работа!

— Не пыли, — с холодным раздражением произнесла Анна. Голос у неё был низкий, почти мужской. — Покатим на электричке. Тачку заберёшь попозже.

— Попозже от неё останется только четыре проколотых колеса! Да и то потому, что такие они никому не нужны. Публика нынче — оторви да брось! По винтику разберут. Ну нет!..

— Так что же делать будем? В кабине куровать?

— Посидим, — мрачно кивнул Чёрный Яша. — Отдохнём... Ничего с нами не станется.

— А вдруг станется? — Анна достала из сумочки сигарету, щёлкнула зажигалкой. Алина заметила, что сейчас ведьма была без очков.

— Кто-то же проколол колёса, причём во всех тачках. Тебе это не кажется странным?

— Никифор «шестёркам» своим звякнул, те и прокололи. Вот жирный боров!. Отыгрался, гад.

— Думаешь? — лениво протянула Анна. Она пускала дым колечками, и те растекались по лобовому стеклу, словно волны от брошенного в воду камня. — Значит, всё так просто? И ничего странного, да?

— А что?

— А то, что всё это слишком мелко. Толстяк отлично знает, что для нас колёса поменять — тьфу! Знает он, что мы можем разозлиться и вернуться к нему для разговора. Тем не менее он режет колёса. Вот это мне и кажется странным.

— Всё равно не понимаю. Выражайся яснее. Вечно ты!..

— Говорила мне мама: не связывайся с дураками, — вздохнула Анна.

— Ну ты!..

— Ладно, ладно... Слушай. В Москве Никифор нас не достал бы, верно?

— Ну, — согласился Яша.

— Но мы в посёлке, наша тачка на приколе и мы никуда не можемрыпнуться до прихода электрички, верно?

— Ну?

— Он этого и добивался, — заключила Анна. — Чтобы мы задержались на несколько часов. Пока, значит, к нему не прибудет подмога. Уверяю тебя, нас уже ищут его ребята.

Некоторое время Яша молчал. Потом спросил, что, по мнению Анны, им нужно делать. Алина напрягла слух. Выяснилось, что, по мнению Анны, события могут развиваться в двух направлениях. Если они останутся в машине, то очень скоро налетит кодла с перьями и, в лучшем случае, у них отнимут золотую цепь и сумку с деньгами, а в худшем, их порежут на ремешки и всё равно отнимут цепь и деньги.

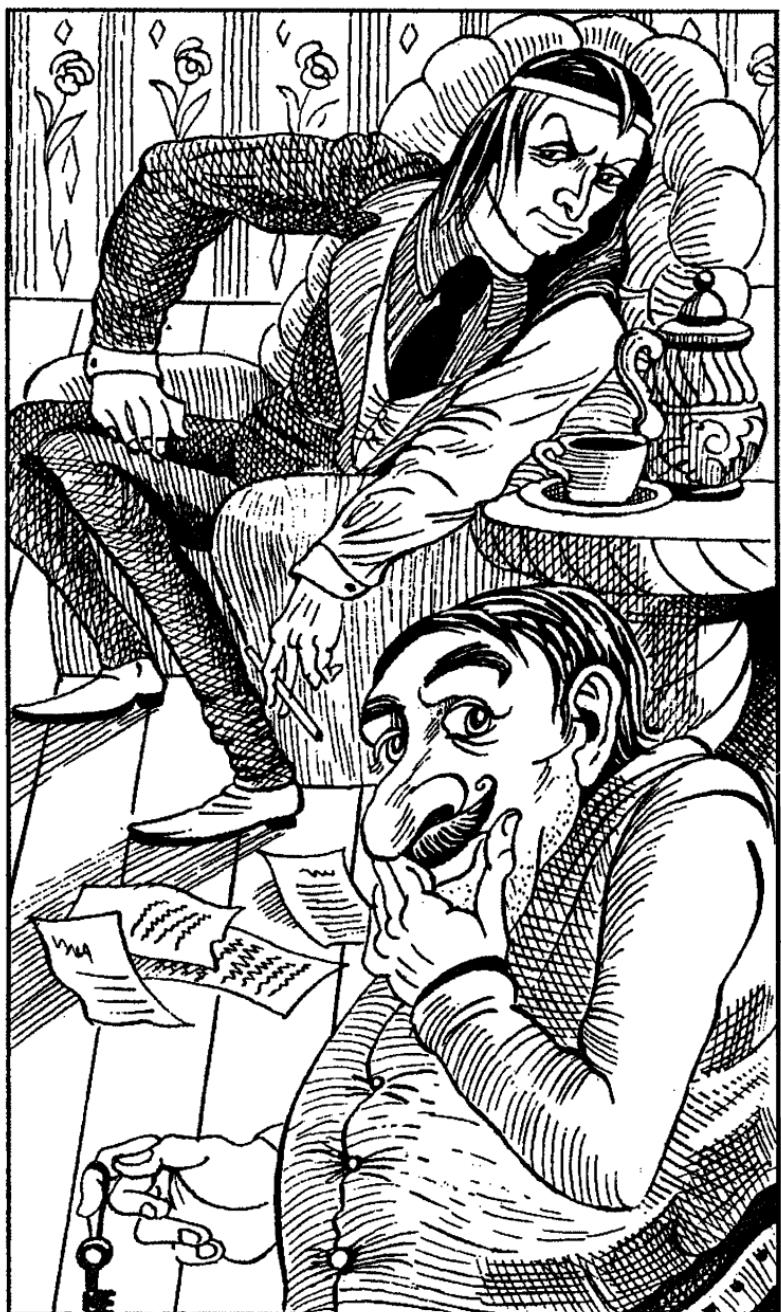
Похоже, это направление никак не устраивало Чёрного Яшу. Тогда Анна сказала, что им нужно сваливать со стоянки и вообще со станции и на время затаиться в посёлке. На электричку надеяться нечего, потому что им не дадут на неё сесть. Кое-какие деньги у них есть, комнату в посёлке снять несложно, а дня два вынужденного заточения пойдут только на пользу. И отыскать их будет не просто: посёлок слишком большой. Так они сохранят цепь и, что важнее, свои драгоценные шкуры.

Такой вариант тоже не устраивал Яшу. Он беспокоился за машину.

— Ты представляешь, что они сделают с тачкой? — спрашивал он. — А она мне круто обошлась, сама знаешь.

— Никто не знает, что мы прикатили на этой машине, — заметила Анна. — Если бы знали, не резали бы колёса у всех машин. Впрочем, решай, что важнее: машина или жизнь?..

Этот довод убедил Чёрного Яшу. С тяжёлым сердцем он вынужден был согласиться с Анной. Оставался только один вопрос: что им делать с цепью? Таскать с собой? Опасно. Если их всё-таки отыщут, то цепь будет единствен-



ным козырем, который остановит расправу. Значит, цепь нужно спрятать, и спрятать так, чтобы её никто не нашёл. Но где?

— На станции должна быть автоматическая камера хранения, — подсказала Анна.

Алина отползла от сетки забора и помчалась к станции. К приходу Чёрного Яши она уже заняла стратегически выгодную позицию у окна. Отсюда как на ладони были видны распахнутые дверцы ячеек. Девочка достала подзорную трубу и навела резкость.

Минут через пять появился Чёрный Яша. Он прошёл по пустому залу, ещё раз выглянул на перрон, а потом быстро подошёл к одной из ячеек, засунул в неё спортивную сумку с деньгами и золотой цепью и начал набирать код. Алина затаила дыхание. Она отчётливо видела каждую цифру, код в целом и повторила его про себя, чтобы не забыть. Наконец Яша захлопнул дверцу, оглянулся по сторонам. Не дожидаясь, пока он выйдет, девочка отпрянула от окна и — о ужас! — столкнулась с Анной!

— Осторожнее, милочка! — вскрикнула та. — Ты меня чуть с ног не сбила!

— Извините, — пролепетала Алина. — Я нечаянно...

— За нечаянно бьют отчаянно, — назидательно произнесла ведьма, разглядывая девочку. — О, да ты ещё совсем дитя! А почему не в кроватке?

Алина молчала как убитая.

— Что молчишь? Язык проглотила? А-а, испугалась?

— Ничего я не испугалась, — выпалила ве-

ликая заклинательница демонов. — Просто мне не разрешают разговаривать на улице с незнакомыми людьми.

— Это правильно, — согласилась Анна. — А кто не разрешает?

— М-м... Бабушка. Она здесь работает кассиром, — брякнула Алина, хотя, конечно, никакой бабушки-кассирши у неё не было.

— А гулять так поздно бабушка тебе разрешает? — ведьма сняла свои очки, и Алина увидела, что глаза у неё на этот раз самые обыкновенные, человеческие. — Что молчишь-то?

— Я не гуляю, — нашлась Алина. — Я бабушке «на после ужина» несу. Пирожки и чай. Вот.

Девочка потрясла в руке подзорной трубой, которая в темноте вполне могла сойти за термос.

Из-за угла вышел Чёрный Яша, настороженно замер, потом приблизился.

— С кем это ты разговариваешь?

— Да вот... — усмехнулась Анна. — С местной Красной Шапочкой. Пирожки бабушке несёт.

— А она не боится повстречаться с Серым Волком? — вроде как в шутку поинтересовался Яков.

Сердце девочки затрепетало, как птичка.

— Говорит, что не боится, — в тон напарнику ответила Анна. — Впрочем, сегодня все волки сыты. Беги, милочка. Неси свои пирожки, да только внимательно присмотрись к своей бабушке — вдруг это переодетый волк... Волки, знаешь, очень легко могут притворяться людьми.

Алина стояла, не в силах пошевелиться. Яша взял Анну под руку, они направились к авто-

стоянке и, судя по хлопнувшим дверцам, опять уселись в «Мерседес». Алина попятилась, забежала в зал ожидания и бросилась к автоматическим камерам хранения.

Код она набрала не задумываясь. Цифры намертво отпечатались в её мозгу. Щёлкнул замок, и дверца, предательски поскрипывая, открылась. Алина схватила сумку, рванула её на себя и ... чуть не уронила. Сумка была очень тяжёлая. Тогда девочка раскрыла «молнию», достала из сумки цепь, повесила её себе на шею. Некоторое время она смотрела на пачки зеленоватых банкнот.

Двадцать пачек, по тысяче долларов в каждой. Таких денег девочка никогда не видела и даже не представляла себе, что на свете может быть такая сумма. Она коснулась денег пальцем, потом отдернула руку. Эти деньги Никифор сам отдал как часть долга. Значит, они ему не принадлежат и брать их нельзя. Поэтому Алина задёрнула «молнию» и затолкала сумку обратно в ячейку. Потом захлопнула дверцу и прислушалась. Было тихо. Издалека постепенно нарастал шум — приближался скорый «Москва—Минск».

Наверное, со стороны это было потрясающее зрелище: полуутёмный зал ожидания, пустые скамейки и тоненькая девочка с подзорной трубой в руке и массивной сверкающей золотой цепью на шее. Алина выбежала из зала ожидания и помчалась домой.

«Странно, — думала она на бегу. — С Яшой всё понятно. Он обыкновенный бандит, которого использует в своих целях злая ведьма. Та-

кое случается сплошь и рядом. Но Анна?! Почему она боится каких-то жалких бандитов? Что ей стоит околдовать их, превратить в тараканов и раздавить каблуком или сотворить с ними ещё что-нибудь, похоже?..»

Бежать с цепью на шее было очень неудобно, и Алина перекинула её через плечо, как сумку.

Наверное, ведьма не может справиться со стальными ножами, решила великая заклинательница демонов. Нечистая сила не любит холодного железа и не властна над ним. В этом всё дело. А цепь нужно забрать и вернуть Никифору. Хотя, конечно, он мерзкий старик. Зато спрячет цепь понадёжнее, чтобы ведьма не могла использовать её в своих чёрных делах. Жаль, что Максима нет. Цепь такая тяжёлая... И тётя... Уже половина третьего! Ох и задаст она ей трёпку!..

Ах, если бы великая заклинательница демонов не торопилась так домой, а вернулась на свой наблюдательный пост, она бы была в курсе дальнейших планов зловещей парочки. Но Алина решила, что основное уже было сказано. И ошиблась. Потому что в голову Яше, закурившему очередную сигарету, пришла интересная мысль, «великую пользу обещающая».

— Нужно избавиться от цепи к чертам собачьим, — заявил он.

— Да?.. — Анна удивлённо подняла брови.

— Что нам с ней делать?! В скупку не понесёшь — вопросы начнутся. С переплавкой — мороки не оберёшься, сплошная головная боль. А отдашь её хозяину — тот тоже по голо-

вке не погладит: ему живые бабки нужны, а не груда золота, которое в дело не пустишь. Вот я и предлагаю... Помнишь, мы с тобой от Жирного с цепью вышли, а около моста повстречали одного мужика? Я тебя ещё в тень уволок, чтобы он нас не заметил.

— Пузатый такой? — кивнула Анна.

— Я его узнал, — сказал Яша. — Он, конечно, изменился, потолстел малость, но я его узнал. Это Александр Иванович Санеев, Большой Санчо.

— Кто такой?

— Ну ты даёшь! Не знаешь Большого Санчо?! Это ж мастер спорта по боксу в тяжёлом весе, победитель чёрт знает скольких соревнований, его золотые медали перевесят нашу грёбаную цепь! Я у него пацаном занимался.

— Неужели?! — недоверчиво повела плечом Анна. — Никогда бы не подумала... С виду такой увалень.

— Увалень! — хмыкнул Яша. — На ринг он тоже выходил увальнем. А потом — раз, два!. Невозможно проследить удары. Противник в глубоком нокауте, а Санчо — снова увалень. Идёт в развалочку, чуть не спотыкается, ещё плечами пожимает, мол, сам не понимаю, как это получилось. Опасный тип... Уж я-то знаю. А удар у него!..

— Ну, дальше, дальше, — нетерпеливо сказала Анна.

— Когда он из большого спорта ушёл, некоторое время тренером работал. Только зарплаты там... Потом телохранителем у хозяина был... Долги вышибал, дела улаживал, с коллек-

ционерами договаривался... Если те рогом упирались. Это ещё до меня было. А потом они с хозяином расстались — мирно расстались; ничего такого... Санчо своё дело начал: антиквариат, ссуды под залог — всё законно... Дело у него, насколько я знаю, гладко идёт. И бабки водятся.

— Ну и что?

— А то! Нужно ему цепь толкнуть. Если договоримся по уму, хозяину долг с Жирного Никифора вернём и ещё нам на клювик останется.

— Хм... И много останется?

— Всё зависит от пробы. Ты цены на золото знаешь?

— Обижаешь.

— То-то. А у нас три с лишним килограмма в камере хранения. Не железнодорожная станция, а форт Нокс.

Раздумывала Анна недолго. Навар действительно обещал быть очень приличным. Годик-другой можно позволить себе всё, что душе угодно, и при этом не считать копейки.

— Как мы его найдём? — спросила она.

— Найдём, — заверил её Чёрный Яша. — Я знаю Большого Санчо. Он не на прогулку приехал. Наверняка у него какие-то дела с Никифором. Надо поговорить с толстяком ещё раз — он всё выложит. Найдём.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РАЗБОРКА У РЕКИ

Квадратный Санчо был предельно осторожен: ступал почти бесшумно, чтобы не треснули один сучок, не покачнулась ни одна ветка. Посёлок ещё спал, однако предосторожность никогда не бывает лишней. Какая-нибудь влюблённая парочка или страдающий бессонницей пенсионер могли его заметить и потом сказать: «Да, мы видели этого человека, и руки у него были в крови...»

Поэтому Санчо шёл вдоль берега, по самой кромке, между зарослями и тёмной водой, над которой плыла утренняя дымка. Лодочная станция осталась позади: слишком рискованно было брать лодку. Гораздо безопаснее пройти вдоль реки, перейти мост, сделать крюк по лесу — и к электричке. Затем махнуть в Москву, отсидеться день-два, оценить обстановку и, судя по обстоятельствам, вернуться. Цепь слишком ценна, чтобы вот так просто от неё отказаться. У Никифора есть племянник, который поможет вернуть цепь... Если, конечно, его об этом убеди-

тельно попросить. А Квадратный Санчо умел быть убедительным, ещё как умел.

С каждым шагом рюкзак становился всё тяжелее. И лямки уже начинали натирать плечи. Было тепло, даже жарко, и очень тихо. И густая дымка двигалась рядом, белёсими разводами скользила по водной глади, касалась берегов и местами выползала на прибрежную полосу. Тогда Квадратный Санчо переставал видеть свои ноги, словно туман съедал их заживо.

До моста было рукой подать. Квадратный Санчо ускорил шаг, засуетился. Наверное, поэтому он оступился и с шумом рухнул в реку. А когда выбрался на берег и ступил на мост, отчаянно матерясь и обвиняя чёртов туман и чёртов рюкзак, из-за которого потерял равновесие, и чёртова толстяка, из-за которого всё пошло наスマрку, он увидел четверых парней и сразу понял, что встреча не случайна.

Определённо они ждали именно его. Двое впереди, в конце моста, а двое в начале. У тех, что в начале, была собака. Только милиционерами эти парни не были. Не бывает у милиционеров таких кривых ухмылок. И глаза... Холодные, отстранённые... Такие глаза бывают только у наёмных убийц.

Квадратный Санчо снял с плеч рюкзак, отряхнулся с независимым видом.

— Привет, — сказал он. — Как дела?

— С этой цепью я убежала, — закончила рассказ о своих приключениях Алина. — Еле

дошла! Никогда бы не подумала, что золото такое тяжёлое.

Девочка примостилась на кровати брата и шептала ему на ухо: то ли не хотела говорить о нечистой силе вслух, то ли боялась, что услышит тётя. Было тепло и уютно. Все опасности остались там, за окном. Теперь даже не верилось, что всё это было на самом деле: ночное преследование, разговор с ведьмой, похищение цепи...

— Она настоящая ведьма, — уверенно заявила Алина. — Может прикинуться обычным человеком — ни за что не отличишь. Даже глаза меняет.

Девочка обхватила ладошками щёки.

— Ужас! Я с ней разговаривала, стояла рядом, близко-близко! А Яша на самом деле — чёрт. Я так думаю.

— С чего ты взяла?

— Потому что ведьмам всегда прислуживают черти. Так им по рангу положено. Хотя... Может, он и человек. Вернее, был когда-то человеком. Ведьма кого хочешь быстро укатает: был человек — нет человека. Только оболочка осталась, одна видимость. А внутри пустота. Понимаешь?

— Угу, — кивнул Максим, хотя понимал далеко не всё. Да и как можно согласиться с тем, что рядом с тобой, свободно, не скрываясь, бродят ведьмы, черти, вурдалаки?.. Это не лезло ни в какие ворота! Хотя, конечно, сестре виднее... Она ведь великая заклинательница демонов!

— Но я выяснила одну вещь! — прошептала Алина. — Ведьма боится холодного железа.

А ещё она должна бояться огня. На этом мы можем сыграть!

— Ну ты совсем как инквизитор, — поморщился Максим. — Пытки раскалённым железом, сожжение на костре... Что за средневековье?!

— Она ведьма, — напомнила Алина. Иногда она могла быть безжалостной. — Не человек — чистое зло, нечисть.

— А вдруг ты ошибаешься?

— Да?! А кто же она, по-твоему?

— Ну... Инопланетянка, к примеру.

— Ха, ха, ха, — раздельно сказала великая заклинательница демонов. — Инопланетянка, значит? С Марса?

— Может, и с Марса, — набычился Максим. — Только вряд ли. На Марсе мало света, а у Анны узкие зрачки. Значит, она с планеты, которая вращается вокруг какого-нибудь голубого гиганта. Например, вокруг Бетельгейзе. Это в созвездии Ориона. Впрочем, не знаю... Это и не очень-то важно. Только никакая она не ведьма. Ведьмы на мётлах летают или в ступе, как баба-яга. А у Анны ничего такого нет. А вот космический корабль у неё должен быть. Если бы его найти...

— Дурак! — веско сказала Алина. — Помешался на своих пришельцах. Анна — ведьма, уверяю тебя!

— Анна — инопланетянка! — упорствовал Максим. Сейчас отстоять своё мнение было для него делом принципа.

— У неё мама была, которая запрещала ей связываться с дураками, — сказала Али-

на. — А это значит, что Анна родилась здесь, на Земле.

— А вдруг это была космическая мама, с Бетельгейзе? — парировал Максим.

— Хорошо, — взяла себя в руки Алина. — Пусть это была космическая мама. Тогда скажи мне, братец, зачем пришельцам из созвездия Орион понадобилась золотая цепь? Неужели они пролетели полмиллиона световых лет только для того, чтобы свистнуть у Никифора три килограмма золота?

Крыть было нечем. Максим понял, что проиграл, и прикусил язык. Алина снисходительно похлопала его по плечу.

— Она ведьма, и с этим придётся мириться, — сказала великая заклинательница демонов. — Но управу мы на неё найдём: отыщем, где она прячется, выждем момент и устроим ей... Варфоломеевскую ночь! А потом разберёмся с Квадратным. Оборотни в посёлке нам тоже ни к чему!

Она хохотнула, спросила с ехидцей:

— Может, ты считаешь, что и Квадратный — не оборотень?

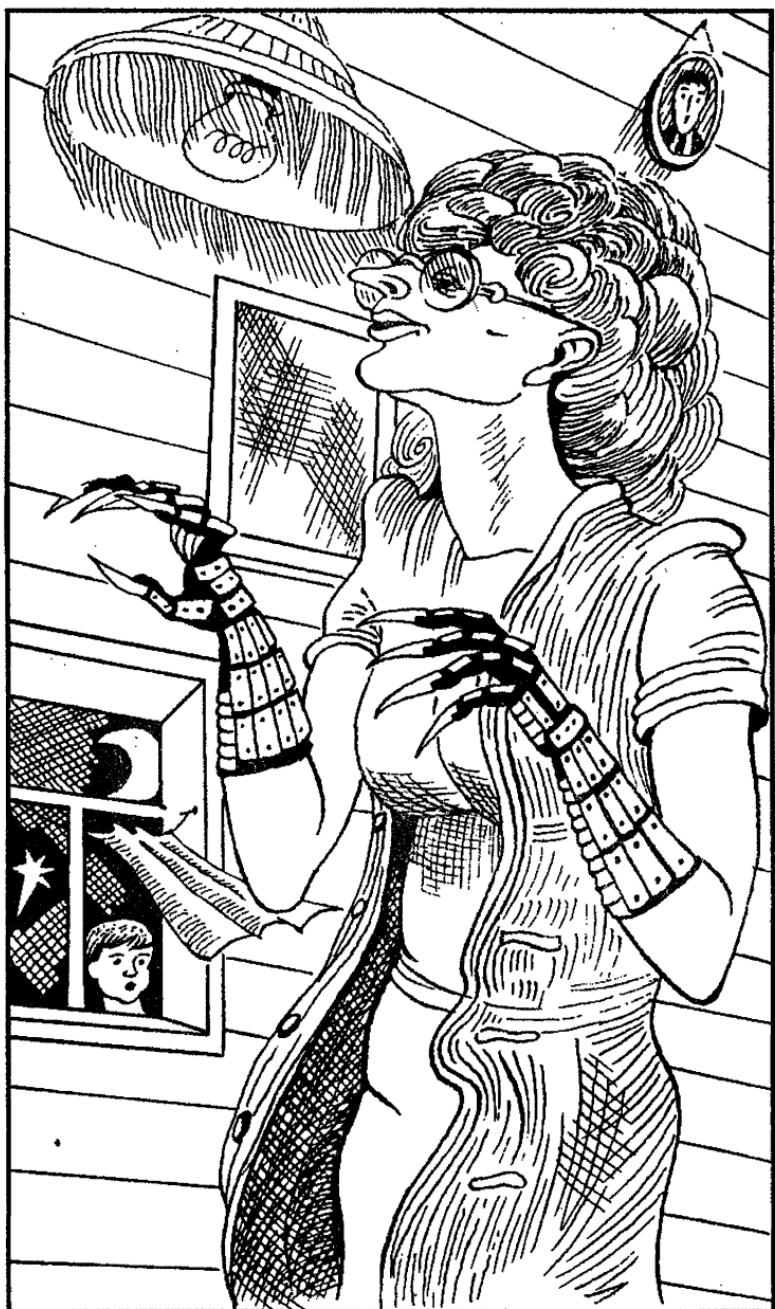
— Не оборотень, — кивнул Максим. — Он убийца.

— Тяжело с тобой, — вздохнула Алина. — Ничему-то ты не веришь.

Она сладко зевнула, потянулась.

— Как спать хочется.. Давай укладываться. Завтра у нас полно дел. Для начала вернём цепь дяде Никифору. Потом...

— Мы не можем вернуть цепь Никифору, — тихо сказал Максим. — Она ему уже не нужна.



- Это почему?
- А зачем покойнику золотая цепь?
- Максим! Ты шутишь?! — Алина перебралась на свою кровать и закуталась в одеяло. — Тогда должна тебе сказать, что это дурацкая шутка, особенно на ночь! И вообще...
- Никифор мёртв, — прервал сестру Максим. — Он лежит на полу, и у него в спине торчит тесак, а виновник его смерти — Квадратный Санчо. Я всё видел.

Алина была потрясена. Она уже не хотела спать. Теперь она просто не могла уснуть до тех пор, пока Максим не расскажет всё, что ему удалось увидеть. И Максим всё рассказал. Говорил он долго, почти целый час, а когда описал приятелей Лютика и то, с каким рвением они бросились в погоню за Квадратным Санчо, за окном уже начало светать. Ночь была на исходе.

— Думаю, они его догонят, — закончил рассказ индейский разведчик. — А если догонят, то обязательно его... Мне даже говорить не хочется, что они с ним сделают. За три с лишним килограмма золота эти ребята любому голову отрежут... А если им станет известно, что цепь у нас!.. Н-да... Вот и думай, что нам теперь делать!

— Спать, — устало сказала Алина. — Спать. Хоть пару часиков. А утром пойдём на речку. Надо всё разузнать у Петровича. Он постоянно вертится у реки. Бедный Лютик. Он, хоть и гусь лапчатый, а жалко: один остался... А теперь — спать...

Квадратный Санчо молчал. Молчали и четверо парней. Похоже, они никуда не торопились. Ни один не вытащил пистолета. Только у Блондина в руке блеснуло лезвие ножа. И взгляд у него был таким же узким и холодным, как отточенная сталь. А у Коренастого в руке змеилась велосипедная цепь. Он поигрывал ею как чётками и улыбался. Квадратный Санчо оглянулся.

Позади стояли вертлявый и черноглазый парнишка, видно, самый молодой из этой четвёрки, и лысый, как колено, парень. Вертлявый держал на поводке собаку. Собака была похожа на восточноевропейскую овчарку, но странного окраса — шерсть серая, без характерных подпалин. Самым опасным был Лысый. Это Квадратный Санчо понял сразу.

Лысый даже не смотрел на Санчо — жевал соломинку и мягкими звериными шагами крался вдоль деревянных перил моста, хотел подобраться поближе. Настораживало то, что у него в руках ничего не было. Значит, он не нуждался в оружии.

Собака зарычала. Квадратный Санчо поморщился. Он не любил собак. Более того, он боялся их. Его пугали даже мелкие шавки размером с кулак. Это был необоснованный, инстинктивный страх, сродни женскому ужасу перед мышами и крысами. Вертлявого он уложил бы одним щелчком, но эта собака... Санчо прижался к перилам, чтобы держать всю четвёрку в поле зрения.

Видимо, Блондин заметил его страх и истолковал его в свою пользу. Парень прищурил

глаза и скривил рот в ухмылке. Он направился к Санчо, а Коренастый с пышными усами двинулся по другой стороне моста, обходя противника слева. Лысый уже топтался справа, и только тот, со странной собакой, остался на месте — всё оглядывался по сторонам, прислушивался, стараясь определить, нет ли поблизости каких-нибудь дачников.

Блондин совсем не понравился Квадратному Санчо. Бледный, как ночная бабочка: белёсые ресницы, прозрачные глаза, белая щетина на подбородке. Парень всё время шурился, будто смотрел сквозь щель прицела. Не слишком хороший взгляд. Недружелюбный.

Блондин подошёл к Санчо и остановился напротив него. Окинул взглядом рюкзак, покачал головой. Квадратный Санчо стоял на месте, не двигался. Да и некуда ему было отступать: за спиной — река, слева — Коренастый и Блондин, справа — Лысый и Вертлявый с собакой.

— Искупаться решил, приятель? — поинтересовался Лысый.

В голосе звучала вежливая издёвка.

— Да вот... Рыбки решил половить, — ответил Квадратный Санчо. — Говорят, клёв здесь знатный.

— А в рюкзачке у тебя мотыль? Или, может, опарыш? Дай посмотреть.

Квадратный Санчо вздохнул, глянул по сторонам. Что за день сегодня?!.. Сначала толстяк решил по-дружески тесаком пощекотать, а теперь вот эти четверо определённо решили его немножко убивать... Боксёр размахнулся и кинул рюкзак под ноги Блондину.

— Смотри, если интересуешься.

Блондин открыл рюкзак, вытряхнул содержимое на настил и начал его с интересом рассматривать. Потом сплюнул и пренебрежительно отбросил пустой рюкзак в сторону.

— Где цепь, приятель?

Квадратный Санчо был удивлён. Значит, толстяк не лгал. Значит, цепь у него действительно забрали. Но кто? Впрочем, это можно выяснить. Только почему ребятки думают, что цепь у него? Не ведёт ли Лютик свою игру: спрятал цепь и указал на другого? Приём известный.

— Какая цепь?

— Ты дурака-то не валяй!

Квадратный Санчо понял, что пока парни не выяснят про цепь, они его не убьют — ограничиваются переломами. Поэтому можно блефовать.

— Помощнику своему отдал. Он уже в Москве. Уплыла цепь, мальчики, — не достанете. Но мы можем поговорить — вдруг до че-го-нибудь договоримся?..

— Да один он, — пробасил Коренастый. — Нет у него никаких помощников. Врёт он всё. Рыбку половить собрался... Мочить его надо, и все дела.

— Мочить, говоришь?.. — процедил Квадратный Санчо. — Зачем меня мочить?

Он провёл рукой по одежде.

— Я и так весь мокрый.

— А-а, толстый!.. — рассмеялся лысый главарь. — Очко заиграло?

— Шли бы вы восвояси, — устало сказал Квадратный Санчо. — Жалко мне вас. Молодые ещё.

Коренастый хохотнул, а Блондин взмахнул ножом, да ловко так — Санчо едва успел увернуться. Однако щёку словно крапивой обожгло. Предупредил, значит.

— Некогда нам тут с тобой лясы точить, дядя, — хмуро сказал Лысый, разминая кисти рук. — У нас дел по горло, а ты...

— У меня тоже дел по горло.

— Нет у тебя никаких дел, — отрезал Лысый. — Кончились твои дела. Где цепь, морда?

Квадратный Санчо почувствовал, как забилось в его груди сердце. Так всегда было перед выходом на ринг. Сейчас начнётся...

— Говори, приятель, — сказал Блондин. — Если, конечно, не хочешь, чтобы твои кишки понесло вниз по реке.

Он вертел в руках нож, и Квадратный Санчо видел, как тускло блестит сталь. Солнце ещё не поднялось, но даже в полумраке было видно, как хорошо заточено лезвие. А на самой кромке едва заметная паутинка от точильного камня.

— Отличный у тебя кишкорез, — сказал Квадратный Санчо. — Таким ножом бриться можно.

— Вот я тебя сейчас и побрею, — хохотнул Блондин.

Он шагнул вперёд. Квадратный Санчо вздохнул, огляделся по сторонам.

Туман, поднявшийся над рекой, размыл

предметы. Всё казалось иллюзорным, призрачным, словно мираж в пустыне. И деревья, и нож в руках Блондина, и лысый парень, который, судя по ужимкам, считал себя мастером боевых искусств.

Санчо включился с места на полные обороты. Парни даже не успели сообразить, что, собственно, происходит. Он и сам ни о чём не размышлял. Сердце захлёбывалось от злости, а тело... Тело отлично помнило, что и когда нужно делать.

Всё шло как по маслу. Бывший боксёр словно смотрел на самого себя со стороны, отмечал промахи, аплодировал удачным выпадам. Вот он ударом ногой в живот отбросил Коренастого с его велосипедной цепью, вот он закружился между Блондином и Лысым, стараясь обоих удержать в поле зрения, не дать зайти за спину.

Удар, ещё удар...

А запястье обожгла резкая боль — Блондин всё-таки достал. И плечо онемело — он пропустил удар, и Лысый едва не сломал ему ключицу. Чёртов каратист... Квадратный Санчо разозлился всерьёз.

Вот он перехватил кисть с ножом, развернул её и дёрнул Блондина на себя. Тот глухо охнулся, закачался, а в груди у него торчала рукоятка ножа.

Вот он схватился с Лысым — парирует его удары, наносит свои и всё время держит его на одной линии с Коренастым, чтобы тот не мог дотянуться до него велосипедной цепью. А Лысый оказался крепким орешком... И удар у него был поставлен совсем неплохо.

Вот мимоходом ударом двумя пальцами по глазам Квадратный Санчо ослепил Коренастого, и тот завыл дурным голосом, закружился на месте. А Блондин всё стоял — качался на полусогнутых ногах. Он изумлённо коснулся своей груди, дотронулся до рукоятки ножа, потянул за неё, но лезвие вошло глубоко и сиделоочно. Тогда Блондин схватил рукоятку обеими руками, рванул, и это усилие отняло его последние силы. Он рухнул на колени и начал валиться набок, как срубленное дерево, и наконец упал.

А Коренастый уже не кричал — хрипел, и лицо его было измазано кровью и чем-то чёрным. Он метался с вытянутыми вперёд руками между Санчо и Лысым, что-то искал, может, свои глаза. А потом Лысый оттолкнул Коренастого и на миг открылся. Этого было достаточно. Удар правой, ещё один... И прямой в горло.

Лысый покатился по деревянному настилу, забился в конвульсиях, и было в этих его движениях нечто комичное. Будто проглотил человек горячую картошку и теперь катается по земле, пытаясь её выплюнуть, только ничего у него не получается, потому что картошка застряла намертво и выплюнуть её можно только вместе с гортанью.

А четвёртый, вертлявый со странной собакой, всё так же стоял под деревом и ошеломлённо смотрел на поверженных приятелей. Потом он снял ременную петлю со своей зверюги и указал рукой на Квадратного Санчо.

— Взять! Это обед! Рви его...

Собака ринулась в атаку, а Вертлявый побежал, спотыкаясь, по мосту обратно, в сторону посёлка. Квадратный Санчо оторвал от перил перекладину и метнул её вслед беглецу. Тяжёлый деревянный брус догнал вертлявого парнишку, ударил в спину, и тот упал на землю, проехался лицом по настилу, но приподнялся и на четвереньках шмыгнул в кусты. А собака мчалась вперёд и уже распласталась в прыжке. Квадратный Санчо вдруг понял, что никакая это не собака, а самый настоящий волк, вернее, волчица. Он закричал, попятился, но зверь сбил его с ног. Квадратный Санчо опрокинулся на спину, перила моста сломались, и туго-сплетённым клубком человек и волчица рухнули в реку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

УЛОВ

Петрович посмотрел на светлеющее небо и усёлся на бревно. Клёв обещал быть просто отличным. Три «кружка» на середине реки да удочка должны были обеспечить улов. Может, и мальцы что-нибудь поймают... Всё в один котёл пойдёт. На многое старик не рассчитывал, но на уху должно было хватить. Даром он, что ли, вчера место прикармливал?!

— Опять же наживка у меня знатная: мучной червь, — сказал старик Алине.

К Максиму он обращался редко, только по необходимости. Потому что тот был слишком легкомысленным и не понимал очевидных вещей. Иное дело Алина. Та разбиралась в жизни, стояла на ногах твёрдо и придерживалась принципов.

— Иной рыбак скажет, что дождевики или опарыши лучше, только брёхня это всё. А почему? А потому что на мучного червя карась идёт смелее, и насаживать на крючок такого червя сподручнее, потому как он твёрже. Вот. Я на

мучного червя кого только не ловил: и окуня, и плотвичку, и карпа, и уклейку... Всех ловил.

Петрович покосился на лёгкий полотняный мешочек с отрубями и сухими опилками, в котором хранилась наживка, и уставился на поплавок Максима. Не доверял.

Сам Петрович удил без поплавка, который, по его мнению, только мешает мастеру. Время от времени он посматривал на свои «кружки», что замерли посреди реки, поглядывал на поплавки близнецов. Те без поплавков не обходились. А как иначе? Поплавок стережёт момент начала осторожной поклёвки, он вовремя подаст сигнал для подсечки.

— Петрович! А вы русалку никогда не ловили? — поинтересовался Максим. — Настоящую, с зелёными волосами и рыбьим хвостом.

Старик ничего не ответил — решил, что издевается над ним пострелёнок, смеётся.

— А я вот думаю, что не бывает русалок, — не дождавшись ответа, уверенно брякнул Максим. — Может, раньше и были, а теперь — дудки. Все повывелись. И водяных тоже нет. Верно, Петрович?

— Как сказать, — откликнулся старик. — Многое человеку неведомо. А кое-что лучше человеку и вовсе не знать. Иной раз такое померещится... А надо сплюнуть через левое плечо и мимо пройти, словно и не видел ничего, и не слышал. Бог-то один, наверху, а нечисть всякая — рядом. Так и шныряет под ногами, попутать норовит.

— Значит, всё-таки есть нечистая сила? — уточнил Максим.

— А то, — снизошёл до кивка Петрович. — Вы же книжки про средние века читаете: процессы против ведьм, инквизиция, девять миллионов костров — всё небо чёрным было от дыма. Всплеск религиозного фанатизма. Думаете, это случайно, на пустом месте и никаких ведьм не было?

— Нам учительница объяснила, что инквизиция боролась с инакомыслием, — сказал Максим. — Церковь теряла былое влияние, и нужен был инструмент для укрепления позиций. Таким инструментом и стала инквизиция.

— Глупости, — фыркнул старик. — Ваша учительница сама ведьма. Бешает вам, дуракам, лапшу на уши. А нужно меныше слушать вранье и побольше думать самому. А вдруг на самом деле всё было не так?

— А как?

Нехотя, с многозначительными паузами, покашливаниями, длинными отступлениями от главного старик начал излагать свою философию. Казалось, он и сам не слишком уверен в своих рассуждениях — говорил медленно, словно проверял значимость каждого слова. Но теория его была интересна и многое объясняла.

По мнению Петровича выходило, что всплески религиозной нетерпимости достигали своего пика в моменты великих изменений человека как вида. Вот учёные ломают голову, почему человек перестал эволюционировать, объясняют это возникновением второй, искусственной природы, которая завершила биологический прогресс. Только всё это глупости. А дело в том, что с определённого момента своей истории



человек начал бороться с любыми отклонениями от своего образа и подобия. Малейшее отклонение от нормы безжалостно уничтожалось. А инструментом борьбы с отклонениями от нормы служила религия.

— Только подумайте, — повысил голос Петрович. — Люди расселились по всей планете. Сотни народов, тысячи племён, часто ничего не ведающих друг о друге. Разные уклады жизни, разные культуры. Ну что общего могло быть у эскимоса и бушмена?.. А общее есть — это наличие религии! Заметьте, ни одно государство, ни одна нация, ни одно самое захудалое племя не обошлось без религии. И я думаю, что религия для человечества была чем-то вроде природного естественного отбора. Не человек выдумал религию! Сама природа внедрила её в сознание людей, отшлифовала, довела до совершенства. С какой целью, спросите вы. А я отвечу, что природа всегда действует вслепую, эволюция не имеет цели и жизнь лишена смысла. Нельзя рассматривать Природу как разумное существо. Однако факт налицо — механизм сохранения вида был создан.

Было очевидно, что старик сел на любимого конька. Он уже не говорил — вещал. Речь его становилась всё более плавной, каждый эпитет, каждая интонация были преисполнены глубины и значения. И сам старик преобразился: глаза загорелись, профиль заострился и даже рост увеличился.

И получалось, что религия зажигала костры тогда, когда среди общей массы начинали появляться люди другого типа — мутанты. Иная

структурой организма, иные способности. Например, умение летать, превращаться в животных, обходиться без воздуха... Недаром испытанием ведьмы было погружение под воду. Если женщина тонула, значит, вышла ошибка и утопили честную христианку, а если продолжала жить, значит, можно было разжигать для неё костёр.

— А ведь это была эволюция! — разводил руками по-своему мудрый старик, местный философ и книголюб. — Возникал новый тип человека, более высокий тип, обладающий способностями, о которых можно только мечтать... Конечно, со временем новый тип вытеснил бы обыкновенных людей. И люди это понимали. А кому охота исчезать без следа? Поэтому была создана инквизиция, поэтому запылали костры средневековья. Это была первая попытка скачка человеческой эволюции. И кто знает, может, сейчас начинается вторая попытка?.. Более того, я просто в этом уверен. Одно меня беспокоит... А вдруг эта нынешняя попытка эволюции человека — последняя? Вдруг больше никогда природа не повторит эксперимент? Вдруг мы, обыкновенные люди, уже исчерпали свои генетические резервы и скоро исчезнем, как в своё время исчезли неандертальцы?.. Забавно. Ведь этим неандертальцам люди современного типа тоже казались колдунами и ведьмами — отклонением от нормы. Вот и думай теперь, что же такое нечистая сила: добро или зло.

— Но ведь ведьмы творили одно только зло, — робко возразила Алина.

В принципе, она была согласна с Петровичем. Да, нечистая сила существует. Она прячет-

ся среди людей, чтобы творить злые дела. В этом суть нечистой силы. И она не новая ветвь человечества, старик ошибается. Нечистая сила вообще не имеет с человеком ничего общего. Это адские создания, которые рядятся в личину человека, как модницы в платье.

— Если тебя преследуют, если тебя ненавидят, боятся и презирают, если тебя хотят сжечь на костре, сохранишь ли в своём сердце доброту и милосердие? — ответил вопросом на вопрос Петрович. — Они защищаются, потому что хотят выжить. И потому они злы и агрессивны. Раз люди их ненавидят, за что им любить людей? Вот они и мстят, прячутся среди людей. Внешне — никаких различий, но опытный глаз сразу их отличит. Я вот не раз их замечал. Повсюду.

— А в поле замечать приходилось? — поинтересовался Максим. События прошлой ночи не давали ему покоя. — Например, возле дуба. Может, оборотни какие? Или ведьмы?

— Врать не буду, потому как не привычен к вранью, — солидно ответил Петрович. — Возле дуба не приходилось. А вот в лесу было дело. Только давно очень. Теперь в лесу, поди, никого и не осталось, кроме туристов. Шумно и суетно. Потому нынче вся нечисть из лесу в города подалась. Что ей в лесу делать? Да и ничего, считай, почти не осталось от прежних-то чащоб. А в городе иное дело. В городе нечистой силе самое раздолье. Вот.

— А вы откуда про это знаете, Петрович? — засомневался Максим. — Вы ведь в городе почти не бываете, всё в посёлке да в посёлке. А мы

вот весь год в городе учимся, а ни разу ничего такого не видели.

— А математичка наша?! — запротестовала Алина. — Настоящая кикимора! А лаборантка по химии?.. Вся в пудре, губы красные и всё время смотрит на физрука и облизывается. Вампирша! А физрук-то как зачах в последней четверти... На ходу засыпал. Она у него кровь пьёт, точно! Помяни моё слово, конец физруку. Не жилец он больше на белом свете.

— Вот я и говорю, — кивнул старик. — В городе полно нечистой силы. А летом она выезжает на природу. А почему? А почему — не знаю. Может, скучает по прежним местам — мне неведомо. Только летом её везде полно, нужно только глаз намётанный иметь: и в поле, и в лесу, и, оказывается, в реке тоже...

Петрович почесал затылок и замолчал.

Максим был несколько разочарован. Он был уверен, что старик подтвердит его мнение, скажет, что нет, не бывает нечистой силы, всё это сказки для сосунков. А теперь выходило наоборот: оказывается, Петрович не раз встречался с ведьмами, а оборотни так и шныряют в поле около дуба. Теперь Алину не изменит своё мнение и ни за что не поверит в существование пришельцев. Эх, подвёл старик — встал на сторону Алины. Он с ней давно уже спелся, нашёл родственную душу. Странно, почему он замолчал?.. Крайне подозрительное молчание... Обычно он рта не закрывает.

— Петрович! Я не совсем понял. Что вы там про реку-то говорили?

— Раньше думал, что в нашей реке никакой

нечисти не водится, — нехотя ответил старик. — Ни разу замечать не приходилось. А я ведь всю жизнь при реке. А поди ж ты... Теперь даже не знаю, что и думать... Иногда такое померещится! ..

Старик опять замолчал.

— Вы кого-то видели? — подтолкнула его Алина. Теперь в атаку перешла великая заклинательница демонов. Разговор с Петровичем мог развеять последние сомнения Максима. — Может быть, водяного?

— Нет, — покачал головой Петрович. — Водяного легко узнать. У него усы и борода зелёные, сам опутан тиной, на голове рога, а вместо рук — утиные лапы... Только не водяной это был. Водяной болота любит, где вода чёрная. А у нас в реке вода чистая, золотистая. Нет, не водяной, точно.

Близнецы навострили уши. Было ясно, что Петрович что-то видел и это «что-то» могло иметь непосредственное отношение к событиям вчерашней ночи.

— А кто тогда? — осторожно спросила Алина. — Как он выглядел?

— Сам не пойму, пожал плечами старик. — То так, то этак... Не разберёшь. Да и темно ещё было. Я ведь здесь почти с пяти утра. Опять же туман был.

— Может, турист какой купался, — махнул рукой Максим.

— Вот и я поначалу думал, что туристы, — оживился Петрович. — Шумят на мосту, понимаешь, словно гопака отплясывают. Только ни магнитофона тебе, ни песен, ни криков... Чудно. Я даже засомневался. Думаю, корова о перила моста спину чешёт.

— Но в посёлке никто коров не держит, — заметила Алина.

— То-то и оно, — многозначительно кивнул старик. — Не держит. Так что корова здесь ни при чём. Корову бы я вмиг узнал. Человек это был. Или не человек...

Петрович опустил голову, даже о поплавках забыл. Видно он находился в полном замешательстве и никак не мог решить, почудилось ему или, действительно, он в очередной раз столкнулся с нечистой силой.

— Расскажите, Петрович! — попросила Алина. — Толком расскажите, не темните.

— Сначала был шум. Вон там, на мосту, — нехотя ответил старик, кивая вверх по течению. — Но не туристы. Потом вроде всё поутихло, и вдруг — раз, кто-то в воду плюхнулся. Да шумно так! Всю рыбу мне распугал! И баражается, и воет, и стонет... Кто — не вижу. А почему? Потому что туман. Я сижу тихонько, молчу. А баражтанье всё ближе и ближе. Гляжу — глазам своим не верю. Проплывает мимо что-то тёмное — брызги во все стороны, волна поднялась... А из воды вроде как морда волчья зубами щёлк — тихий ужас. Я перекрестился, гляжу — ба! Не волк это, а человек. Здоровенный такой — морда, как блин. Думаю, тонет мужик, подсобить нужно. Только я собрался помочь — гляжу, опять волк. Я и сел на место. А почему? Потому что ноги не держали. Думаю, снится, что ли?.. Даже ушипнул себя. А этот так мимо и проплыл: то мужик, то волк, то мужик, то волк... Такая, понимаешь, оказия!

— А дальше-то что было, Петрович?

— Ничего не было. Проплыл он мимо, да и исчез в тумане. Говорю же, темно было. Только не водяной это был. А почему? Потому что водяной после такой карусели на дне бы за-лёг, а этот на берег выбрался. Я слышал. Далеко, правда. Выбрался, значит, и назад бегом помчал-ся, только кусты трещали. Думал, это он по мою душу возвращается. «Отче наш...» уже читать начал. Но нет. Не заметил он меня, мимо промчал-ся, видно, спешил обратно на мост. Вот.

— Оборотень это был, — уверенно сооб-щила Алина. Она посмотрела на брата, чуть за-метно подмигнула. При Петровиче близнецы не могли ничего обсуждать, только перегляды-вались с видом таинственным и тревожным. — Здоровенный, рубаха клетчатая, волосы ёрши-ком... Верно, Петрович?

— Может, похож, — неопределённо ответил старик. — Может, нет. Тёмное это дело, нечистое. Вы не говорите никому, что я вам тут наплёл. Впрочем, всё равно никто не поверит! Ого!

Петрович встрепенулся, наклонился к удоч-ке, яростно зашипел:

— Смотри, клюёт! А-а... Сорвался.

Туман над рекой постепенно таял. Светало. Поднялся спокойный, ровный ветер, и потому комаров почти не было. Вода на середине реки блестела, отражая расцветающее небо, а у противоположного берега, в тени бурьяна, среди корней и замшелых валунов, была чёрной, как ночь.

Максим приуныл. Ему больше не хотелось ни о чём расспрашивать Петровича. Ему вообще больше не хотелось разговаривать. И смер-тельно хотелось спать.

«Значит, Алина права, — подумал мальчик. — Оборотень! Надо же... Какая досада. Космический корабль всё-таки лучше метлы и ступы...»

— А место здесь для рыбалки хорошее, — переменил тему беседы Петрович. — Берег высокий. Это ниже по течению земля становится топкой — ни встать, ни присесть. Чистое болото! Вот там, может, и водятся настоящие водяные и русалки. А здесь ничего такого не...

Ближайший «кружок» покачнулся и вдруг плавно, неспешно исчез под водой.

— Клюёт!.. — опять зашипел старик. — Точно, клюёт!

Он схватил шнур, привязанный к «кружку», и начал тянуть на себя.

— Тяжёлая... Неужели сом?.. А ну подсобите, пострелята! Давайте вместе... И раз! И раз!..

Так они и тянули на себя шнур, втайне мечтая, что им попался кит или трёхметровый сомище, а может быть, зелёная, покрытая водорослями десятикилограммовая щука. Как здорово было бы пройти по посёлку с таким уловом на плечах! Даже Лютик бы помер от зависти. А ещё можно сфотографироваться с уловом и послать снимок в журнал «Рыболов». Люди должны знать своих героев в лицо. Хоть бы это был кит, или сом, или щука...

Только это был не кит, не сом и не щука. Это был труп молодого парня с белым лицом и такими же белыми волосами, а из груди покойника торчала рукоятка ножа. Максим сразу узнал его. Это был Блондин.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗАПИСКИ НИКИФОРА

— А дальше-то что было? — не отставала тётя Клава.

— Петрович запричитал, — ответил Максим. — Молился, что ли... Сказал Алине, чтобы она сбегала позвонить участковому. Но тут под воду ушёл второй «кружок». Мы не знали, что делать, а Петрович сказал, что утопленник никуда не уплывёт, а вот сом может сорваться. И мы начали вытягивать сома, только это оказался не сом, а ещё один утопленник — коренастый такой, с дырками вместо глаз.

— Какой ужас! — выдохнула тётка.

Было заметно, что рассказ Максима доставляет ей истинное удовольствие. Тётка ахала, охала, хваталась за сердце, закатывала глаза, но требовала всё новых и новых подробностей, словно ей читали захватывающий детектив.

Максим был удивлён. В тётке совершенно отсутствовала брезгливость, та гадливость и то отвращение, которое женщины испытывают к мышам, змеям, жабам. И к мертвецам. Она

уточняла детали, она требовала и указывала, и Максиму приходилось послушно подчиняться, уступать, соглашаться. Он был растерян напором этой женщины и её полной невозмутимостью. Будто речь шла не о погибших людях, покойниках, а о последних парижских модах. Казалось, описание страшного ужаса. Странные, однако, люди эти женщины!..

Максим посмотрел на Алину. Та наклонилась над тарелкой с салатом, однако к блюду даже не притронулась. Кусок в горло не лез. Она знала тётю Клаву лучше брата. Алина подняла на него глаза и чуть заметно пожала плечами. Мол, тётя Клава — она тётя Клава и есть. В ней бушуют космические силы созидания и равновеликие силы разрушения, и поэтому удивляться её поведению — всё равно, что соловить на пламя, пожирающее лес. Это стихия. А в тёте Клаве — все стихии природы.

— Петрович уже не молился — только стонал да дёргал себя за усы. Наверное, думал, что это всё сон, — продолжал рассказ Максим. — А когда мы вытянули третьего утопленника, старик и вовсе сник. Алина не знала, что ей делать: то ли звонить участковому, то ли вызывать «скорую помощь» для Петровича... А потом клюнуло на удочку.

— Ещё один покойник? — замерла тётка.
— Нет. Окунёк. Только я его отпустил.
— Отличная рыбалка! — откинулась на спинку стула тётя Клава. — Три утопленника и окунёк. Как жалко, что меня там не было!.. Как жалко...

Она вскочила со стула и понеслась к телефону.

— Нужно позвонить Николаевне. Она раскроет рот от изумления!..

— Что-то аппетита совсем нет, — кисло поморщилась Алина, отодвигая тарелку с салатом. — Значит, это те самые головорезы, которых вызвал Никифор?

— Они самые, — уверенно кивнул Максим. — Я их сразу узнал.

— Нашли, значит, они Квадратного Санчо. Догнали. А он их...

— Там ещё Лютик должен быть, — отвёл глаза Максим. — Может, ещё выловят. Милиции понаехали. И дядя Гоша тоже там. Надо ему всё рассказать. И про Никифора, и про чёртову парочку, и про Квадратного Санчо...

— Надо бы, — согласилась Алина. — Только вот тонуть неохота.

— Как это «тонуть»? — удивился Максим. — Зачем «тонуть»? Я тоже не хочу тонуть!

— А Квадратный Санчо тебя и спрашивать не станет! Ты кто? Ты свидетель против него. Нет свидетеля — нет и дела. Значит, нужно спрятать концы в воду — и все дела. А если с Квадратным Санчо три головореза не справились, то уж мы и подавно. Он же оборотень. Утопит нас, как котят, — мяукнуть не успеешь.

— Что же делать?

— Думай, — посоветовала Алина.

И близнецы замолчали — думали. Из прихожей слышался голос тёти Клавы. Она уже успела рассказать Николаевне об утренней рыбалке и теперь выслушивала последние поселковые



новости. Тётя поминутно восклицала и ахала. Видимо, соседка зацепила её за живое.

— Что ты говоришь!.. Не может быть!.. А они?.. А он?.. Вот это да!..

Максим вздохнул. Никаких идей в голову не приходило.

— Кто бы мог подумать, что из-за какой-то паршивой золотой цепи начнутся ~~мертво~~убийства, — сказала Алина. — Трупы валятся, как яблоки с яблони в ветреный день. Не простая это цепь. Точно говорю!

И тут Максим вспомнил, что у него под подушкой хранятся записи Никифора, без которых, по его словам, цепь теряла половину своей стоимости. В круговорти последних событий он совершенно о них забыл — даже не похвастался перед сестрой, как он их ловко добыл. Мальчик охнул, сбежал наверх и принёс стопку листков.

— Вот, — сказал он. — Это про цепь.

Они уселись рядышком и начали читать первую страницу, но из прихожей влетела раскрасневшаяся тётя Клава. Она тяжело упала на стул и простонала:

— Какой ужас! А вы знаете, что случилось этой ночью с Никифором Простоквашным?

Близнецы пожали плечами. Мол, не знаем. Откуда, мол, нам знать. Ночью мы, как вселичные дети, спали. Не говорить же, в самом деле, что убийство Никифора произошло на их глазах!..

— Его убили! — трагическим голосом сообщила тётя Клава. — Утром его племянник вернулся с ночного дежурства в клинике, хо-

тел войти — дверь нараспашку. Он испугался, начал звать дядю, но тот молчал. Тогда Лютик вошёл в дом, видит — в комнате страшный беспорядок, пол по колено залит кровью, а его дядя лежит на полу с кинжалом в сердце!

Близнецы по-прежнему хранили гробовое молчание. Тёте Клаве это совсем не понравилось. Она подумала, что дети нынче пошли чёрстевые, бездушные — не интересуют их чужие несчастья. Их ничто не интересует. В их годы она была совсем другая.

— Вы понимаете?! Произошло убийство! Это же классический детектив. Лютик, конечно, не растерялся, сразу позвонил Григорию, участковому нашему. Знаете его?

— Конечно. Кто не знает дядю Гошу? Настоящий Шерлок Холмс.

— Вот этот Шерлок Холмс заявил Лютику, что убийство ему раскрывать не положено по должности и вызвал следователя из Москвы. А тут ещё три утопленника! Представляете?!

Тётя налила себе полный стакан минеральной воды и выпила её залпом.

— Пока следователь-то московский добирался, уже все про утопленников знали. Петрович-то на весь посёлок про них растрезвонил. Хорошо, участковый дом Никифора осмотреть успел. Потом, когда он уже с утопленниками разбирался, обратил внимание на их обувь. А ботинки одного из них, лысого такого, точно совпадают с отпечатками на полу возле тела Никифора. Понимаете?

— Нет.

— Что за молодёжь нынче! — всплеснула

руками тётя Клава. — Эти трое и есть убийцы Никифора! Бандюги! Прикатили ночью из города, узнали, что человек один живёт да и убили его. А потом — дёру. На мосту, видать, начали добычу делить — Петрович шум слышал — да не поделили, разругались. Поранили в драке друг друга, а как в речку упали, выплыть и не смогли. Я так думаю. Понимаете?

— А дядя Гоша тоже так думает?

— Не знаю, что он там себе думает, — фыркнула тётя Клава. — Они заперлись с городским следователем и допрашивают Лютика в доме Никифора, никого не впускают. А когда Лютик во двор по нужде выбегал, то шепнул, будто не трое бандитов было, а четверо.

— Вот так Лютик! — удивился Максим. Он не верил, что Лютик так быстро раскололся. — И кто же был четвёртым?

— Судя по следам на полу, это был карлик, — ответила тётя Клава. — Или подросток. Следы от кроссовок маленькие, тридцать седьмого размера. Эксперты сделали слепок.

— Или женщина, — выдвинула версию Алина.

— Точно! — тётка вскочила со стула и понеслась к телефону. — Это могла быть женщина...

На Максима было жалко смотреть. Он сидел сгорбившись и просто сгорал со стыда. Вот тебе и индейский разведчик! Вот тебе и мастер скрадывания!.. Так опростоволоситься! Теперь его в два счёта вычислят и, как говорил Лысый, доказывай ментам, что это не ты пришил Никифора.

- Кроссовки нужно немедленно сжечь, — шепнула Алина. — Немедленно! Это улика.
- Жалко, — протянул Максим. — Они совсем новенькие... Если тётка узнает — мне конец.
- Тогда суши сухари, — отрезала Алина. — Тебя посадят в тюрьму.

Максим прикусил язык. Перед глазами встали бетонные стены, решётки на окнах, деревянные нары и чёрствый сухарь, который он грызёт, отбиваясь от крыс. Нет, в тюрьму Максиму совсем не хотелось.

— Надо — так надо, — уныло согласился он, начиная развязывать шнурки. — В печку кинем?

— Нет. Тётка заметит. Побежали к сараю, — Алина схватила записки Никифора Простоквашина и выскочила из-за стола. — Спички не забудь.

Они сидели в тени сарая, между деревянным забором и поленницей. Место было укромное — никто не мог увидеть, чем они занимаются, никто не мог проникнуть в их тайну. Тем не менее Максим торопился уничтожить улику — кроссовки. Вот только костёр никак не разгорался. Мальчик уже и щепки подкладывал, и дул на угли — никак «Дрова сырье», — оправдывался он. Но это было слабое оправдание: индейский разведчик должен уметь развести огонь даже на болоте. Алина тактично делала вид, что не замечает трудностей Максима. Великая заклинательница демонов разбирала записи Никифора.

— Не пойму, — с досадой произнесла она. — Здесь написано про Прометея.

— Это который огонь у богов похитил?

— Ага. И они приковали его к скале цепью. Согласно легенде, цепь эта была из железа. Но в те времена во всей Греции столько железа бы не нашлось. Не умели тогда делать железо, поэтому оно было дороже золота. Очень часто в золотые украшения вставляли кусочек метеоритного железа, и это считалось шиком. Даже не верится...

— Так ведь Прометея к скале сами боги приковали. У них наверняка железа было в избытке, — предположил Максим.

— Вряд ли. Боги любили золото. Греческие боги жили на Олимпе, в золотых чертогах, и сам Зевс сидел на золотом троне, а не на железном. Скорее всего, Прометея действительно приковали к скале золотой цепью, и стоял он там, прикованный, около миллиона лет. Не слабо, да? Особенно, если каждый день прилетает орёл и клюёт твою печень!

— Миллион лет! Да... — задумался Максим. — В прошлом году меня тётка в угол поставила, помнишь? Два часа стоял, чуть ноги не отвалились. А тут миллион лет, и орёл, и цепь...

— Прав Никифор, — сделала заключение Алина. — Миллион лет ни одна железная цепь не выдержит — заржавеет.

Костёр постепенно начал разгораться. Оранжевые язычки, прозрачные в свете наступающего дня, заплясали на щепках, и Максим подбросил несколько полешек.

— Значит, этой нашей цепью был прикован Прометей? — спросил мальчик, щурясь от дыма. — Не коротковата ли она?

— У нас не вся цепь, — пояснила Алина, переворачивая страницу. — Только несколько звеньев. Э-э. Ага, понятно. Дальше здесь про Геракла написано. Одиннадцатый подвиг — добыча золотых яблок в саду Гесперид. По ходу дела Геракл убивает орла и освобождает Прометея. Естественно, он забирает и цепь. Этот парень никогда не упускал то, что плохо лежало. Так... А на обратном пути Геракл останавливается у стен Трои. Помнишь, мы по истории проходили?

— Помню, — кивнул Максим. — Троянская война, Ахилл и Гектор, «бойтесь данайцев, дары приносящих...» Так ведь этот город полностью разрушили.

— Разрушили, только позже. А Геракл появился там лет за десять-двадцать до начала Троянской войны. Это было по пути в Микены. Гераклу нужно было передохнуть, а заодно узнать у своего приятеля троянского царя Приама, какое новое задание придумает ему трусивый Эврисфей.

— Геракл и Приам были приятелями?

— Ещё какими!.. — Алина отложила записи и наморщила лобик. — Насколько я помню, во время девятого подвига Геракл добыл пояс царицы амазонок Ипполиты и возвращался в Микены. Проплывая мимо Трои, он увидел прикованную к скале Гесиону — дочь троянского царя Лаомедонта. Её принесли в жертву морскому чудовищу.

— Везёт Гераклу, — буркнул Максим. Костёр наконец разгорелся, и мальчик бросил в него кроссовки. — Что бы этот парень ни делал, обязательно натыкался на прикованных к скале узников.

— Наверное, тогда это было обычным делом, — пожала плечами Алина. — Чуть что — сразу приковывали на цепь, и пишите письма... Геракл, конечно, победил чудовище и спас девушку, за что Лаомедонт пообещал подарить ему волшебных коней. Пообещал, но не подарили. Зажилил. Гераклу это не понравилось. Он собирает войско, двенадцать кораблей, и с ходу берёт Трою.

— Как это «с ходу»? — удивился Максим. — Греки её десять лет в осаде держали, взять не могли, а он — «с ходу»!

— Крутой парень был. Долго не думал и обид не прощал. Лаомедонта, помнится, и всех его сыновей зарезал, а младшего Приама оставил в живых и сделал царём Трои. Так что Приам обязан Гераклу жизнью и троном.

— Понятно.

Кроссовки никак не хотели гореть. Они покрнели, стъёжились, но упорно сохраняли свою форму. Максим положил сверху ещё несколько поленьев.

— Ага... — Алина снова уткнулась в запись. — Дружба дружбой, а приличия соблюдать всё-таки приходилось. Приам, хоть и ставленник Геракла, но царь. К нему без даров не подходи. А какие у Геракла были дары? Только цепь Прометея. Поэтому, скорее всего, он оторвал небольшой кусок — несколько звеньев

весом в три с лишним килограмма. Этот кусок он и преподнёс Приаму. Тот, естественно, не отказался.

Девочка оторвала от бумаги, удивлённо посмотрела на брата.

— Вот это да!.. У нас в руках цепь, сделанная древнегреческими богами. Она помнит Геракла, Приама, пережила пламя Троянской войны!..

— А остальной кусок цепи? Куда он подевался?

Алина лихорадочно зашуршила записками.

— Не знаю... Здесь ничего о втором куске не сказано. Наверное, его Эврисфей прикарманил. А потом, скорее всего, цепь переплавили на деньги. Начиналась Троянская война, а любая война требует средств.

— Жаль! — Максим схватил прут и перевернул обугленные кроссовки вверх подошвами. Рифлённый резиновый протектор почернел и начал дымиться, а пластмассовые вставки распухали, вздувались пузырями и лопались. — А как наша цепь попала к Никифору?

— Наша?.. — нахмурилась Алина.

— Ну... Никифору она уже не нужна, — смущался Максим. — Не отдавать же цепь этим упырям?! Значит, цепь наша! Можем её продать и купить себе двойной велосипед, tandem называется. Рыцари Золотого Льва с соседней улицы умрут от зависти! А ещё можно купить ящик бананов, дельтаплан с мотором, надувную лодку, пару лазерных фонариков...

— Максим!.. — строго сказала Алина.

— Хорошо. Я понимаю, что цепь загово-
рённая. Так найди заветное слово, ты же мо-
жешь! Научимся понимать язык зверей и птиц,
будем нырять на океанское дно без акваланга
или летать, как птицы. Вдруг мы сможем ви-
деть сквозь стены, читать мысли, находить
клады?..

— Бесплатных пирожных не бывает, — на-
помнила Алина папину фразу. — Если мы най-
дём заветное слово и цепь даст нам все эти
умения, то она и потребует что-то взамен.

— Что?

— В том-то и дело, — веско произнесла
Алина. — Но что-нибудь равнозначное. Может,
совесть. Может, жизнь. От этой цепи одни не-
приятности. Прометей миллион лет мучился,
Геракл вынужден был сам себя сжечь, город
Приама разрушили до основания...

— Ладно, — не унимался мальчик. — Тогда
давай потратим цепь не на себя. Давай купим
тёте Клаве новый фартук, маме — моющий пы-
лесос и кофеварку, папе — цепочку для очков,
вечно он их теряет. Петровичу можно пода-
рить спиннинговое удилище и японскую ка-
тушку с набором блёсен, дядё Гоше — журнал
с кроссвордами...

— Максим!

Максим замолчал, понял, что его заманчи-
вые проекты не произвели на сестру должно-
го впечатления. Какая жалость! Ведь такое быва-
ет только раз в жизни! Никогда им больше не
представится возможность изменить мир к луч-
шему в масштабах посёлка, никогда больше они
не станут обладателями баснословного сокро-

вища, с помощью которого можно выполнить любое желание!.. Но у сестры были твёрдые принципы, которые исключали компромисс. Ох, неудобное это дело — принципы.

- Так чья у нас цепь? Наша?
- Ну... Нет. Цепь просто у нас хранится, — сдался Максим. — Временно.
- То-то! — Алина опять зарылась в записи. — Цепь, которая у нас временно хранится, попала в наши края... Попала в наши края... Ага. Вот. Чёрт... Здесь о миграциях народов после падения Трои. Сейчас, дай разобраться...

Алина замолчала, вчитываясь в содержание, и Максим вплотную занялся кроссовками. Теперь это были две головешки, лишь отдалённо напоминающие обувь. Ещё немногого, и они рассыплются в чёрную пыль, смешаются с углами и невозможно будет отделить одно от другого. Максим взял прут, подцепил кроссовки и начал жарить их, как шашлык.

— Здесь написано, что Троя расположена в Малой Азии, но Малая Азия составляла в древности единое целое с Фракией. А фракийские боги — это боги восточных славян: фракийский Перкон — Перун, Сатре — это Стрибог, Тадж — Даждьбог, Кибела — Купала... Одно из фракийских племён греки называли одрисами. Это русы. Хм... Получается, что наши предки пришли сюда из Фракии, то есть из Трои. Здесь ссылки. Так.. В «Слове о полку Игореве» упоминаются тропа Троянова, земля Троянова, века Трояновы... Но это не от имени римского императора Трояна, до которого славянам не было никакого дела. Это тропа из разрушенной

Трои. Часть племени пошла на запад и вскоре растворилась. Их называли этрусками. А другая часть пошла на север и образовала государство русов. Скорее всего, они и забрали с собой цепь Приама. Это было в пятом веке до нашей эры, задолго до образования Киевской Руси. Правил этим государством русов некий Садко или Садок.

— Подожди... Садко... Что-то знакомое имя. Это богатырь какой-то?

— Ага. Здесь написано, что он был хранителем цепи. Вскоре началась война с Римом, и Садко проиграл. Поэтому он увёл свой народ дальше на север, за Днепр. Так образовалась Киевская Русь. А на севере возникла Новгородская Русь, тоже преемница Руси фракийской.

— Нет, — покачал головой Максим. — Былинный Садко не был царём. В Новгороде вообще царей не было. Ерунда какая-то... Наверное, это другой Садко, не царь. А может, и не было никакого Садко?..

— «На ту же весну заложи Садко Сытинец церковь камену святую мученику Бориса и Глеба, при князи Святославе Ростиславовиче, при архиепископе Илии», — процитировала Алина. — Первая Новгородская летопись, тысяча сто шестьдесят седьмой год. Значит, этот Садко вполне историческая личность, богатый купец, не исключено, что он потомок царя Садко — хранителя цепи Приама.

— Вот это да!

— Продолжим наши игры. Так... — Алина зашевелила губами, вчитываясь в записки. — Ага... Не густо. Есть всего три былины о Садко:



Садко получает богатство, Садко состязается с Новгородом, Садко у морского царя.

Алина перевернула страницу.

— Здесь отмечено, что богатство он получает странным образом: от морского царя. А снизу пометка, что покровителем Трои был бог морей Посейдон. Понимаешь?

— Что?

— Что это ещё один намёк на то, что цепь принесена из Трои, — пояснила Алина. — А в последней баллине Садко после чудесного спасения строит церковь соборную на свою «несчетную золоту казну». Скорее всего, цепь он принёс в дар церкви, потому что больше о цепи ничего не написано. О том, как она попала в руки Квадратного Санчо, можно только догадываться. Ну как?

— Всё отлично, — удовлетворённо вздохнул Максим. — Подошвы полностью расплавились. Никаких улик. Вот только что мне сейчас на ноги надеть?

— Да я не о том! Я о цепи. Представляешь — цепь, выкованная богами! Недаром за ней ведьма и оборотень охотятся. Не простая это цепь, а заговорённая! Я сразу это почувствовала. Только подумай, какой ценностью она обладает в глазах нечистой силы?! Подумал?

— Ну...

— А теперь подумай, сколько будут стоить наши с тобой жизни, если они узнают, что цепь у нас.

— Сколько?

— Гроша ломаного не будут стоить, — мрачно сказала Алина. — Такие, брат, дела!

Она перевернула страницу, ещё одну, ещё...

— Всё, — разочарованно сказала девочка. — Больше ничего толкового нет. Одни свидетельства да отчёты. Содержание примесей в сплаве, подпись, печать... Сравнительное сопоставление цепи с золотыми изделиями крито-микенской эпохи, подпись, печать... Приблизительный возраст изделия... Ого! Этой цепи четыре с половиной тысячи лет! Не слабо!

— Дети! — раздался крик тёти Клавы. — Что вы там палите?

Она вышла из-за сарая и с подозрением уставилась на Максима, который всё ещё держал над углями на палке остатки кроссовок.

— Вот... — смущился тот. — Хлебушек жарим.

— Выкинь сейчас же эту гадость. Продукты только переводиши! Обед. Быстро мыть руки и за стол!

Тётя развернулась и пошла в дом.

— Пронесло, — перевёл дух Максим. — Даже не заметила, что я босиком.

— Пошли, — Алина отряхнула подол пальто. — А после обеда начнём охоту.

— На кого?

— Начнём охоту на ведьм, — страшным голосом ответила Алина, а потом добавила шёпотом: — Нужно узнать, где прячутся Анна и Чёрный Яков. Но нам нужны союзники. Придётся всё рассказать дяде Гоше.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

УЧАСТКОВЫЙ

Мост был перекрыт. Чтобы добраться до станции, поселковым жителям приходилось перебираться через реку выше по течению, по мосткам. Следователь, присланный из города, уже уехал. Исчезли и трупы, выловленные Петровичем на «кружки». Вероятно, их увёз с собой следователь. На берегу стояли две старушки, чуть поодаль — «рыцари Золотого Льва» — ватага подростков с соседней улицы и тощий старик с козой. Все они внимательно следили за действиями дяди Гоши.

Некоторое время близнецы переминались с ноги на ногу рядом со старушками, не решаясь отвлечь участкового от размышлений. Дядя Гоша стоял на середине моста и хмуро смотрел на сломанные перила. Иногда он грозно сдвигал брови, шевелил губами, дёргал себя за ухо — вероятно, восстановливая сцену преступления. Вид у него был важный и донельзя занятой. Близнцов он принципиально не замечал: мало ли какая мелочь путается под но-

гами. И только когда Алина ступила на мост, участковый поправил фуражку и строго приказал не мешать следственному эксперименту — нельзя, мол, затаптывать следы, оставленные правонарушителями.

— А мы как раз по поводу правонарушения, — робко сказала Алина. — Можем пролить свет на некоторые обстоятельства.

Было жарко. Белый раскаленный диск солнца — нестерпимо горячий и злой — висел на блёклом, выцветшем небе, и даже река не несла прохладу. Дядя Гоша снял фуражку, вытер тыльной стороной ладони пот со лба и подозвал близнецов поближе.

— Давайте, — разрешил он. — Проливайте свет.

— Мы знаем, кто убил этих троих, — сообщила Алина.

— Так.. — протянул дядя Гоша. Он давно знал близнецов и не ждал от них ничего, кроме неприятностей. — Значит, ночью вы здесь были?

— Нет, — честно ответила девочка. — Ночью мы были в другом месте, но со всей определённостью можем сообщить приметы убийцы.

Максим с уважением посмотрел на сестру. Умела она ввернуть взрослые словечки: «со всей определённостью», «пролить свет на некоторые обстоятельства»... Такой палец в рот не клади.

— Если я тебя правильно понял, то на месте преступления ты не присутствовала, но кто убийца — знаешь наверняка?

— В самую точку, — кивнула Алина. — Это Квадратный Санчо.

- Квадратный... Кто?
- Санчо, — повторила Алина. — Мы его под дубом вычислили. Мы сразу поняли, что дело нечисто. Вы ведь нас знаете.
- В том-то и дело, — вздохнул участковый.
- Мы просто хотим помочь следствию, — обиделась девочка.
- Ладно, Давай-ка по порядку, во всех подробностях. Кого вы там под дубом вычислили?
- Мы играли в разведчиков, — сказала Алина. — А потом увидели оборотня.
- На дубе? — уточнил дядя Гоша.
- Нет. На дубе была я. А оборотень был под дубом. Приметы такие: похож на собаку, но серый, хвост висит, глаза серые, а зубы — с пальцем. Короче, волчица. А потом оборотень погнался за Максом, но исчез и обернулся Квадратным Санчо. Здоровый такой, боксёр, наверное, грудь — во, а морда, как кирпич. Мы, правда, не видели, как он превращался, но это и ежу понятно.
- Ежу, может, и понятно, — поморщился участковый. Он понял, что толку от этого разговора не будет.
- Оборотень спросил, где живёт Простоквашин.
- Стало быть, волчица молвила человеческим голосом?
- Нет, человеческим голосом молвил боксёр, — пояснила Алина.
- Никогда не слышал, чтобы боксёры разговаривали.
- Теперь уже удивилась Алина.
- Как это? — спросила она.

— Собаки не разговаривают, — ответил дядя Гоша. — У моего знакомого есть боксёр. По описанию подходит: здоровый такой, грудь — во, а морда, как кирпич. Только он всё время лает, иногда рычит, но чаще всего пускает слюни. Ботинок мой сжевал, сволочь. Не люблю боксёров.

— Вы не поняли. Боксёр — не собака, боксёр — человек, который занимается боксом.

— Ага. Понятно. Значит, боксёр с кирпичной мордой молвил человеческим голосом. А волчица где была?

— А волчицы уже не было.

— Куда же она делась?

— Ну, обернулась в Квадратного Санчо, который бывший боксёр.

— Шли бы вы домой, дети, — попросил дядя Гоша. — У меня от ваших волчиц и боксёров голова пухнет. Не доводите до греха.

— Дай я объясню, — выступил вперёд Максим. — Короче, он искал Простоквашина, а мы ему навесили лапши на уши, а сами побежали коротким путём. Оказывается, оборотню нужна была золотая цепь!

— Волчица хотела сама себя посадить на златую цепь? — усмехнулся дядя Гоша. — Иходить вокруг дуба, песни петь, сказки говорить? Ну прямо не посёлок, а «лукоморье». Может, там, на дубе, и русалка сидит?

— Никто там не сидит, — обиделся Максим.

— Не сидит, так посадим, — меланхолично заметил участковый. — А потом составим протокол.

— Это оборотень, — напомнила Алина. —

Его так просто не посадишь. Он кем хочешь может обернуться. Но узнать его можно. Вы бы приметы-то записали, что ли!

— Да слышал я уже, — отмахнулся дядя Гоша. — Похож на собаку, но серый, хвост висит, глаза тоже серые, а зубы — с палец. Верно?

— Это когда он уже был волчицей, — кивнула Алина. — Но он может быть и Квадратным Санчо. Здесь понимать нужно. Мы сами чуть разобрались. Это оборотень специально хотел заморочить нам головы, да только — дудки: мы сами кому хочешь заморочим голову.

— Это точно, — согласился дядя Гоша.

— В облике волчицы он наделён особой силой, — предупредила великая заклинательница демонов. — У вас серебряные пули есть?

— Нет, — опешил дядя Гоша. — А зачем?

— Оборотня только серебряные пули берут, — пояснила Алина. — Или осиновый кол.

— Достали вы меня своей волчицей! Что вы выдумываете? Какая волчица? Зачем волчица? Почему, например, не медведь?

— Не знаю, — пожала плечами Алина. — Действительно, почему?..

Алина задумалась. Только сейчас великой заклинательнице демонов бросилась в глаза одна несуразность: почему Квадратный Санчо превращается именно в волчицу? По всем правилам магии не могут мужчины-оборотни превращаться в волчиц. В волков могут. А в волчиц превращаются только женщины-оборотни. Так во всех книгах написано. Странно, очень странно... Нужно бы над этим поразмыслить. Здесь какая-то тайна.

Но разгадать эту тайну Алина не успела, потому что нить разговора ухватил Максим.

— Всё дело в цепи, — сказал он. — Из-за неё и начался весь этот сыр-бор.

— О какой цепи вы всё время толкуете?

— Её боги выковали, — шёпотом сказал Максим. — Геракл её Приаму подарил. Наверное, в этой цепи заключена великая сила. Иначе зачем, по-вашему, она понадобилась ведьме?

— Опять двадцать пять! — с досадой бросил дядя Гоша. — Оборотни, теперь ведьмы... Кто там у вас ещё на очереди?

— Садко, — с готовностью ответил Максим. — Вам не кажется странным, что он умел разговаривать с животными, при случае принимать их облик, дышать под водой, заговаривать смерть.

Дядя Гоша подтвердил, что это кажется ему более чем странным.

— А Садко тоже оборотень? — поинтересовался он. — Или боксёр? А может, колдун?

— Колдунов мы не встречали, — честно ответил мальчик. — Только ведьму, которой помогает Чёрный Яша. Алина думает, что этот Чёрный Яша — чёрт. Верно, Алина?

— Угу, — кивнула девочка. — Самый настоящий чёрт. С этим не поспоришь! А хозяин у этой парочки — сам Сатана!

— Тяжёлый случай, — сказал дядя Гоша.

— Вот-вот, — согласилась Алина. — Я Максу за обедом о том же толковала. С Квадратным Санчо мы бы ещё справились, но с ведьмой и чёртом... Поэтому мы и пришли к вам. Нужно придумать какой-то план. Чтобы, значит, вывести их на чистую воду.

— Алина говорит, что меня скоро в жабу превратят, — пожаловался Максим. — Жирную. Знаете, не хочется...

— А как вы себя чувствуете? — почему-то спросил участковый. — Может, за обедом что-нибудь не то съели?

— Всё то.

— А что вы перед обедом делали? — тем же участливым тоном поинтересовался дядя Гоша.

— Кроссовки мои жарили, — признался Максим.

— Так. Теперь всё понятно.

Дядя Гоша вдруг погладил их по головам, словно они были совсем малыши, и сказал:

— Идите-ка вы домой. Отдохните немного. Только на солнце не выходите и никакой обуви больше не ешьте. Договорились?

— А как же цепь? Что нам с ней делать?

— Выбросьте её к чертам... Хм. Или отдайте кому-нибудь. Тому же Петровичу, например. У него на колодце верёвка скоро протрётся. А теперь ступайте, ступайте. Мне тут ещё обмеры нужно сделать. И протокол писать.

— Глупо как-то получилось, — признал поражение Максим. — Ох уж этот дядя Гоша! До него всегда так тugo доходит!

— Сами виноваты! — вздохнула Алина. — Задали: оборотни, ведьмы, черти... Он же милиционер. Он же ни во что такое не верит. Если в инструкциях про нечистую силу не написано, значит, её и нет. Вот так! Для него бумажка важнее человека!

— А давай ему письмо напишем, — предложил Максим.

— Он как только увидит наши подписи, сразу письмо в мусорную корзину выкинет, — уверенно сказала Алина.

— А мы не станем подписываться. Мы пошлём ему анонимное письмо.

— Хм...

Сомневалась Алина недолго. В целом идея ей понравилась, и близнецы побежали домой сочинять послание. Они ещё не подозревали, какое это непростое дело — сочинять анонимки. А трудности возникли с самого начала.

Ну как, скажите на милость, обращаться к участковому? «Дядя Гоша»? Нельзя. Он сразу поймёт, что писал кто-то из поселковой детворы, и вычислит близнецов в два счёта. Может быть, «глубокоуважаемый участковый»? Тоже не то. Во-первых, участковый — не звание, а во-вторых, о глубоком уважении не могло идти никакой речи. Сгоряча Максим предложил написать «гражданин начальник», но тут же отвёл своё предложение, как заведомо неподходящее — зачем торопить события, ведь он ещё не в тюрьме. «Господин лейтенант» тоже не годилось, потому что дядя Гоша мог быть кем угодно, но на господина никак не тянулся. В конце концов, отчаявшись, Алина написала «наивный простак», и дело сдвинулось с мёртвой точки.

Не вдаваясь в излишние подробности, близнецы сообщили в письме, что три утопленника — это друзья Лютика, а сам Лютик — мерзкий тип. Три утопленника — приятели Лютика — настоящие головорезы, но Простоквашу они не

убивали; потому что приехали по его же вызову убивать совсем других, но тех других под рукой не оказалось, а Простокваша был уже совсем мёртвый, но он сам упал на тесак; вот и пришлось им убивать Квадратного Санчо, который, по их мнению, убил Простоквашу и забрал цепь, но это не совсем так, вернее, совсем не так, потому что цепь забрали те другие, которых собирались убивать трое лютиковых приятелей. Короче, у тех троих промашка вышла, а Лютик — мерзкий тип, и у него тоже рыльце в пушку. А доказательство истинности написанного в письме находится на станции, в автоматической камере хранения, в ячейке номер три. Надо устроить засаду и взять тех, других, которых собирались убивать, с поличным. А цепи там нет. Цепь в надёжном месте: под буфетом. Вместо подписи — прочерк.

— Кажется, всё, — вздохнул Максим. — Уж яснее не напишешь. А если он всё равно не поверит?

— Тогда нам придётся найти доказательства, действовать на свой страх и риск.

— Понятно. А как мы это письмо отправим?

— Обернём вокруг камня и закинем в окно, — решила Алина. — Это чтобы он нас не увидел. Пошли. И захвати цепь. Нужно вернуть её Лютiku. Пусть он сам расхлёбывает эту кашу.

Близнецы выбежали из комнаты и помчались к дому дяди Гоши.



ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ШАБАШ В «КАМЕРЕ ПЫТОК»

Лютика дома не было. Дверь была заперта, и на стук никто не отвечал. Зато окно было открыто. Близнецы перевесились через подоконник.

— Лютик! Лютик! Мерзкий тип. Это мы. Ты дома?

Тишина.

Тогда они перелезли в комнату, стараясь не замечать засохшее пятно крови на полу. В комнате по-прежнему царил беспорядок.

— Лютик! Ау!

— Уйдём, Алина, — попросил Максим. — Нет его. Да и неохота мне отдавать ему цепь. Он нам яблоки из своего сада не разрешает воровать, а мы ему — цепь. Фигу ему!

— Нужно избавиться от цепи. От неё одни неприятности.

— Давай отдадим её дяде Гоше.

— Нельзя. Он спросит — откуда она у нас. А что я отвечу? Что свистнула её из камеры хранения? Между прочим, это называется ог-

раблением! Так что доставай цепь. Оставим её на столе — и мотаем отсюда.

— Ага! Здесь не дом, а проходной двор. Заходите, люди добрые, берите, что хотите!.. — возразил Максим. — Нет. Лучше цепь где-нибудь здесь спрятать. Например, на чердаке.

— Хорошо. Лезь первым.

На чердаке было прохладно, таинственно и немного страшно. Поистине это было чудесное место, напоминающее брюхо дракона, из которого свешивались разноцветные провода — внутренности. Здесь можно было прыгать на ржавом сетчатом матрасе, продираться сквозь джунгли изогнутой проволоки, взбираться на вершины связанных в пачки старых журналов и газет... Вокруг торчали рёбра стропил и позвонки черепицы, пыльные бутылки скалили зубы, а мотки верёвок-змей замерли, изголовившись к броску.

— Клёво, — выдохнул Максим. — Вот тут бы в разведчиков поиграть... Или в Тарзана.

О, сколько опасностей таилось в этих сумрачных джунглях! Черепки фарфоровых тарелок с неровными зазубренными краями так и поджидали голые щиколотки, а из темноты, казалось, шурились чьи-то глаза — настороженные, оценивающие, злые. И нужно было идти с опаской — красться, обходя обломки шифера, гнутые обручи для теплицы, матовые холмы целлофана... Где-то там, между мешками с известью и пустыми пластмассовыми бочками, таился коварный враг, может, бледнолицый рейнджер, а может, сам граф Дракула, и от предстоящей схватки зависели судьбы всего мира.

Максим почувствовал приятный холодок внутри. Чердак казался ему удивительно прекрасным, загадочным, полным волнующей тайны. А себя мальчик видел «рыцарем без страха и упрёка», отважным вождём своего племени, секретным агентом на страже справедливости... Он даже хотел издать воинственный клич, но Алина схватила брата за руку и приложила палец к губам.

— Тихо! — прошептала она. — Кто-то пришёл.

Максим замер. Снизу раздался грохот, словно уронили что-то тяжёлое, слабый вскрик, а потом раздался голос, тихий, чуть картавый и очень знакомый. Близнецы затаили дыхание. Они узнали голос.

— Закрой дверь, — сказал Чёрный Яша. — А я его пока к стулу привяжу, чтобы не брыкался. Тихо, стервец, я тебя отучу кусаться!..

Близнецы на цыпочках подкрались к люку и посмотрели вниз.

Анна закрыла окно и задёрнула шторы. В комнате сразу стало темно. Солнечный лучик узкой полоской ложился на стол, вычерчивал на полированной поверхности неправильный эллипс. Прямо под собой, в золотистом овале света, близнецы видели только руки Анны.

Красивые руки, изящные. Вот они открыли сумочку. Движения плавные, неторопливые. Тонкая серебряная цепочка игриво вьётся вокруг запястья. На среднем пальце колечко. Тоже серебряное.

— Халат забыла, — произнесла Анна. —

Пойду что-нибудь поищу накинуть. А то пла-
тье заляпаю.

Было слышно, как судорожно всхлипнул
Лютик.

Темнота постепенно рассеивалась, близне-
цы уже привыкли к сумраку комнаты и уви-
дели Чёрного Яшу. Он затягивал узлы на руках
Лютика.

— Нечего было такой инструмент выби-
рать, — заметил он. — Нужно быть проще,
и к тебе потянутся люди. Если объяснить чело-
веку что нужно, то в репу — тресь, и все дела.
А если узнать чего, то лучше использовать бы-
товые приспособления: утюг, проволоку, кус-
ачки... А ты рогом упёrlась: когти да когти!
Здесь тебе не Америка. Это у них там каждый
маньяк со своим наворотом. А здесь тебя с тво-
ими перчатками любой мент элементарно вы-
числит. Да и крови всегда столько!..

Лютик опять всхлипнул, заёрзal на стуле,
хотел что-то сказать, но рот его был заклеен
полоской лейкопластиря.

— А мне это в кайф, — отозвалась Анна.

— Средневековье, — фыркнул Яша. — Два-
цать первый век на носу, а ты... Надо совершен-
ствовать технику, идти в ногу со временем, ме-
няться.

— Люди-то не меняются.

— Но техника-то меняется. Психотропные
лекарства, электричество — прогресс! Это
раньше — отвезёшь упрямца в лес или в под-
вал, ну могилку дашь покопать, ну пакет на го-
лову натянешь... Или уж, если особо сложный
случай, утюг на брюхо или два проводка из ро-

зетки на уши. Врубиши двести двадцать — самый упрямый расколется, ё-моё... Но всё чисто и культурно. Ни крови, ни переломанных костей... И от этого любому ещё страшнее. Ты же в людях разбираешься — настоящий психолог. Неужели не понятно?!

— Это всё — вчерашний день, Яша. Теперь все воспитаны на американском кино. Поэтому мне не нужно никаких утюгов, батарей и прочей ерунды. Я надеваю когти — и всё. И тогда человек ёщё только смотрит на мои когти, а уже видит на них свою кровь. Это самое важное: дать человеку представить... Ну а тех, у кого нет воображения, приходится шинковать. Да... Приносить в жертву.

Алина толкнула брата локтем, многозначительно изогнула брови. Мол, видишь: в жертву. Одно слово — ведьма.

Казалось, Анна не обращала на Лютика никакого внимания. Будто принципиально игнорировала. Будто и не было в комнате никакого пленника, а был только Чёрный Яша, были только поиски рабочего халата и неторопливая беседа о методах работы с людьми. И близнецы поняли, что дела Лютика совсем плохи. Бесовская парочка спокойно обсуждала тонкости своей работы, нисколько не стесняясь присутствия пленника. Значит, они не принимали его в расчёт, значит, были уверены, что он никому ничего уже не расскажет.

Странное это чувство, когда понимаешь, что на твоих глазах сейчас убьют человека. Вдруг отчётливо и ясно доходит, что это не шутки, не сон и не кино, что всё это происходит

дит на самом деле, а ты ничего не можешь по-делать. Губы пересыхают, в груди что-то сжимается, а руки становятся слабыми и словно уже не твоими.

«Никогда больше ноги моей здесь не будет, — подумал Максим. — Первый раз сюда заглянул — хлоп, разобрались с Простоквашином. Второй раз заглянул — хлоп, разбираются с Лютиком. Это уже становится закономерностью. Нет... Ни ногой, никогда!.. Это не дом, а камера пыток какая-то...»

— Ну что, сопляк, — обратился Яша к Лютику. — Ты зачем дядю зарезал? Мы с ним поговорить хотели, расспросить про одного человечка, а ты его пришил. Что нам теперь делать?

Лицо его выражало добродушие и даже весёлость — весёлость хирурга, которому предстоит сложная и интересная операция. Между тем Анна уже облачилась в заплатанный плащ, найденный на вешалке в прихожей, и начала натягивать на руки перчатки с когтями. Лютик задёргался на стуле и едва не опрокинулся на пол.

— Кажется, наш друг готов во всём признаться, — заметил Яша. Он подошёл к пленнику и сорвал пластырь с его рта. — Предупреждаю: вздумаешь орать — это будет твой последний крик. Веришь?

Лютик кивнул.

- Ну тогда рассказывай.
- О чём?
- Чем тебе дядя не угодил?
- Я его не убивал!
- Охотно верю. Возможно, ты здесь ни

при чём, иначе легавые с тебя бы не слезли.
А кто же тогда его убил?

— Не знаю.

— Анна, — позвал Чёрный Яша. — Товарищ не понимает...

— Не надо... Нет. Я действительно не знаю, кто это сделал. Но могу описать. Здоровый такой, в клетчатой рубахе, волосы ёжиком. Турист какой-то.

— Почему турист?

— Рюкзак у него был.

— Послушай... А не тот ли это, кого мы разыскиваем?!. Уж не Квадратный ли это Санчо? Вот это номер! — ахнул Чёрный Яша, однако потом нахмурился и покачал головой: — Нет, не верю. Зачем Квадратному Санчо убивать толстяка? Хороший хозяин не режет курицу, несущую золотые яйца. Что-то ты крутишь, парень! Анна!

— Я правду говорю. Его Блондин видел, когда тот из окошка выпрыгивал. Это он убил... Квадратный Санчо.

— А ты ментам об этом рассказал?

— Нет.

— Почему?

— Это моё дело. Я с ним сам разберусь.

— Какая крутизна, — усмехнулся Яша. — Если ты не солгал и Никифора действительно пришил Квадратный Санчо, то тебе с ним не совладать. Он тебя мизинцем прихлопнет. Это ведь не человек, понимаешь?

Алина опять толкнула брата локтем. Мол, не человек Квадратный Санчо! Я с самого начала была права.

— Плохо твоё дело, малыш. Да... И наши дела тоже не очень... Где теперь Квадратный Санчо? Ищи ветра в поле. Жаль...

Во дворе скрипнула калитка. Чёрный Яша метнулся к окну, осторожно выглянул за занавеску.

— Глазам своим не верю. Анна, присмотри за малышом, я открою.

Послышался щелчок замка, и через минуту в комнату вошёл Квадратный Санчо. Он выглядел очень удивлённым, но старался это скрыть.

— Вся нечистая сила собралась вместе, — шепнула на ухо брату Алина. — Ну держись... Сейчас шабаш начнётся.

Чёрный Яша закрыл дверь, потом подошёл к Лютику, шепнул ему на ухо:

— Этот?

Лютик уверенно кивнул.

— Он. Всех троих положил и Курносую Марту чуть не уделал. Не знаю, оклемается ли...

— Понятно...

Чёрный Яша поднял глаза на гостя.

— Давно не виделись, Санчо, — улыбнулся он. — Вижу, ты не меняешься. Всё так же шалишь.

— Что надо?

— Зачем так, дорогой, — укоризненно покачал головой Яша. — Ты не представляешь, как я рад тебя видеть. И напарница моя рада. Кстати, познакомься. Это Анна.

Квадратный Санчо окинул женщину оценивающим взглядом.

— Она у тебя, гляжу, модница, — криво ус-

мехнулся он. — Ишь, какой плащ оторвала... Заплата на заплате! И очки! Слепая, что ли?

Он скользнул глазами по перчаткам с лезвиями.

— А ноготки-то какие!.. Не пора маникюр делать?

Анна помрачнела, сжала губы и шагнула к обидчику. Звякнули стальные когти.

— Тише,тише, — встал между ними Чёрный Яша. Он опять заулыбался, только улыбка была очень натянутой. — Все мы любим пошутить, да? Но сначала дело. Хорошо? Давайте спокойно поговорим. Ладно?

Анна дёрнула плечом и отвернулась. Яша с облегчением вздохнул.

— Санчо! У нас к тебе предложение. Ты золотишком не интересуешься?

— Нет, — отрезал Квадратный Санчо.

— Какая жалость... А мы хотели предложить тебе цепь. Небольшую, килограмма на три.

Квадратный Санчо чуть заметно вздрогнул.

— Килограмма на три? — переспросил он. — Покажи.

— За показ, конечно, денег не берут... — подумав, произнёс Чёрный Яша.

— Сколько ты хочешь?

— Вот это другой разговор, — оживился Яша. — Пошли на крылечко, потолкуем. А то малыш уши навострил. А зачем ему слышать лишнее?..

— Сейчас я его вырублю, — сказала Анна. Видно, хотела сорвать злость на Лютике.

— Не нужно, — остановил её напарник. — Я думаю, Квадратный Санчо хочет с ним по-

толковать. Иначе зачем он сюда пришёл. Верно, Санчо?

— Пусть малец посидит, — кивнул верзила. — Пошли, Яков, во двор, в баню. Нечего нам на глазах у людей маячить. Там и сторгуемся.

Они вышли, а Анна сбросила плащ, аккуратно, с видимым сожалением, сняла перчатки, положила их в сумку. Потом вдруг замерла, словно прислушиваясь, оглянулась по сторонам.

Алина закрыла ладошкой глаза Максиму и сама отвернулась, наклонилась к самому уху брата, шепнула, что ведьма чувствует сторонний взгляд и смотреть на неё нельзя. Максим кивнул. Мол, всё понятно. Я, мол, не то что смотреть, даже дышать не буду. Стало совсем тихо. И было отчётливо слышно, как бьётся в окно настырная муха, и как поскрипывают половицы под каблучками ведьмы, и как мерно тикают огромные напольные часы — тик-так, тик-так...

«Странная штука — время, — подумал Максим. — Иногда оно несётся, как испуганный заяц, которого ни догнать, ни поймать совершенно невозможно. А вот сейчас время тянеться, как урок математики, и между качаниями маятника вмещается миллион лет мучений. Только часам наплевать на твои страдания. Наоборот, маятник начинает ещё медленнее качаться — назло. Поэтому на часы тоже смотреть не нужно, а нужно сделать вид, что тебе все эти хитрости с бегом времени глубоко безразличны. Тогда часам надоест игра и время потечёт с привычной скоростью».

Странно, но уловка Максима удалась. Как только он перестал отсчитывать секунды, движение стрелок ускорилось, а маятник начал возмущённо метаться из стороны в сторону. Часы словно пытались нагнать упущенное время, заторопились. Потом в их недрах зародилось неясное шуршание, суетливое тиканье переросло в громовой бой, и медная глотка исторгла три долгих вопля — три часа, три часа, три часа... И снова мерное «тик-так», и муха продолжала биться в окно.

Наконец во дворе послышались шаги, и в комнату вернулись Квадратный Санчо и Яша.

— Анна, мы уходим. Договорчик составлен... — Яша хохотнул. — Осталось только кровью подписаться. А наш компаньон остаётся здесь... На некоторое время. Ему нужно поговорить с малышом. Пока, Санчо. До встречи.

Каблучки ведьмы зацокали к выходу и затихли у калитки. Теперь в комнате остались только Квадратный Санчо и Лютик. Верзила подошёл к юноше. Склонился над ним, как гора, и сказал:

— Мне нужны акты экспертизы... Все бумаги, имеющие отношение к цепи. Ты знаешь, о чём я?

Лютик кивнул.

— Ты мне их отдашь, я тебя оставлю в живых, — предложил Квадратный Санчо. — Это честная сделка.

— У меня нет бумаг, — чуть не заплакал Лютик. — Я не знаю, где они спрятаны.

Квадратный Санчо помрачнел. Это было заметно даже в сумраке комнаты. И сам Санчо



стал похож на сгусток мрака — тяжёлый, угрюмый, беспощадный.

— Два часа, — процедил сквозь зубы бывший боксёр. — Я даю тебе всего два часа, чтобы ты мог напрячь свою память. Надеюсь, ты вспомнишь, где записи. А через два часа я вернусь. Если ты мне не дашь вразумительного ответа...

Квадратный Санчо наклонился, поднял с пола бутылочное горлышко с неровными заузбринами, покрутил его в руке и шагнул к перепуганному парню.

— Я постараюсь вспомнить! Ты не подходи ко мне... Чего ты? Сдурел, что ли? — тонко зачитал Лютик.

Квадратный Санчо продолжал приближаться. Под его ногами захрустело стекло — осколки от бутылки. Мелкие осколки скрипели сухо, словно песок на зубах, более крупные с треском лопались. Лютик с ужасом следил за каждым шагом верзилы, в руке которого хищно скалило зазубрины тёмное стекло «розочки».

— Я постараюсь, постараюсь!..

— Надеюсь, — Квадратный Санчо отбросил «розочку» в сторону, поднял Лютика за шиворот. — Посидишь до моего прихода в бане. А чтобы тебе лучше вспоминалось, я тебе в парилке Африку устрою.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ЯЧЕЙКА НОМЕР ТРИ

В бане не было ни одного окна. Стены толстые, из бруса — очень солидные стены. Под стать им была и дверь — дубовая, двойная. Дверь была закрыта на щеколду, но, видимо, это Квадратного Санчо не слишком обнадёживало. На всякий случай он подпёр дверь ещё и здоровенным черенком от лопаты.

- Лютик! — постучала в дверь Алина.
- Кто там? — голос Лютика звучал тихо, еле слышно.
- Это мы, Максим и я, — закричала Алина. — Ты живой?
- Я не знаю. Наверное. Только очень жарко. Выпустите меня! Ещё полчаса, и от меня останется только лужица. Да и та испарится. Помогите!
- А ты будешь обзываться? — поинтересовался мстительный Максим.
- Нет.
- А как насчёт яблок?
- Приходите в сад и берите сколько хоти-

те и когда хотите. На здоровье! Мне не жалко. Только выпустите меня из этой душегубки! Пропадаю!

— Обещай, что при встречах с нами ты будешь всегда трижды кричать «виват!», — продолжал ревзиться Максим.

Ситуация была исключительно выгодная для торга, и Максим собирался выжать из неё всё, что мог. У Лютика не было иного выхода, как выкинуть белый флаг и безоговорочно принять все условия капитуляции. Он был побеждён, раздавлен и являл собой жалкое зрелище. Вот Алина на его месте, например, ни за что бы не пошла ни на какие уступки. Потому что у неё принципы.

— Может, потребовать, чтобы он пустил нас посмотреть на кормёжку зверей? — шёпотом спросил Максим у сестры.

— Не согласится.

— Согласится как миленький. Куда денется! Ещё и на спине нас туда повезёт. Эй, Лютик..

— Не нужно, — одёрнула брата Алина. — Стыдно. Пошутили, и будет. Открывай. Уж больно жалостливо просит.

Максим убрал черенок лопаты, поднял массивную щеколду и открыл дверь. Из дверного проёма пахнуло тропическим зноем. Волна обжигающего жара выбросила в предбанник мокрого от пота Лютика. Руки его были всё ещё связаны за спиной.

— Бедолага, — со скрытым злорадством покачал головой Максим. Он отлично помнил все нанесённые Лютиком обиды. — Красный, как помидор. Кстати, ты не забыл о яблоках и троекратном «виват»?

— Где этот шкаф?

— Какой шкаф? — не понял Максим. — Бредиши, что ли. Тебе не шкаф нужен. Тебе кровать нужна.

— Я о мужике этом... О Санчо.

— Мы не знаем, — сказала Алина, развязывая Лютину руки. — За рюкзаком, наверное, пошёл. И нам уходить пора. Он скоро вернётся. Ему записки твоего дяди нужны, а записки у нас. Он их ни за что не получит. Беги!

— Ну нет! Это он моего дядю убил. Он! И тех троих тоже...

— Троих утопленников? — уточнила Алина.

— Да! И меня чуть не сварил! Я его достану! Я его... — Лютик оглянулся в поисках подходящего оружия, но в предбаннике, кроме скамейки, двухсотлитровой пустой бочки, веников, черенка лопаты и резинового коврика, ничего подходящего не было. — Я его самого в бане закрою! Пускай приходит. Заглянет в баню, а там темно, ни черта не видно. Придётся ему зайти внутрь. Тут я дверь и захлопну.

— Ты должен пойти к дяде Гоше и всё ему рассказать, — твёрдо сказала Алина. — А мы подтвердим твои слова.

— Нет, — заупрямился Лютик. — Сначала я сам с ним разберусь, а уж потом...

— А если у тебя ничего не получится?

Лютик осёкся. Он на секунду представил, что с ним сделает Квадратный Санчо, если вырвётся из бани. Ответ был очевиден. Ничего хорошего Квадратный Санчо ему не сделает. Зато сделает много плохого, о чём больно будет вспоминать. Если, конечно, он останется

в живых. Припомнилось Лютiku и то, с какой лёгкостью Квадратный Санчо разделся с тремя его приятелями. А здесь ещё Анна и Чёрный Яша... Они ведь тоже обещали вернуться. Есть о чём призадуматься.

— Кстати, а где эта парочка? Парень в чёрном и женщина с когтями? — спросил Лютик. — Вы их не видели?

— Всё мы видели. Они на станцию отправились за сумкой, — ответила Алина. — Вот что. Ты беги напрямик, через мостки. Может, опередишь их минут на пять.

— У меня тачка.

— Вот и чудненько. Дуй на станцию. Там спрятана сумка твоего дяди. Вещественное доказательство. Она лежит в камере хранения. Достанешь её и отдашь дяде Гоше. Он тоже должен быть на станции. Пусть дядя Гоша спросит у Яши и Анны, откуда у них сумка Никифора Простоквашина. А потом арестует их. Понял?

— Понял. Ладно.

Лютик рванулся к двери.

— Не забудь! Третья ячейка, — напомнила Алина. — А код такой...

Дядя Гоша уже собирался уходить со станции, когда в конце перрона заметил лохматую голову Лютика.

«Ага, — подумал дядя Гоша, — значит, близнецы в своём анонимном письме не обманули. Хотя, конечно, швырять камни с анонимными письмами в тарелку с борщом — это последнее дело, и к этому вопросу придётся ещё вер-

нуться... Но если найдутся доказательства причастности Лютика к убийствам, то можно простить и камень, и разбитую тарелку с борщом, и заляпанные брюки...»

Лютик подкатил к станции на серебристой иномарке, что само по себе было более чем странно. Он выскочил из машины и быстрым шагом пошёл по перрону. Лютик явно торопился, он почти бежал, и лицо его было красным от усталости и мокрым от пота. А когда Лютик влетел в зал ожидания, дядя Гоша бегом последовал за ним.

Как и ожидал участковый, Лютик кинулся к камере хранения. Дрожащей рукой он набрал код и распахнул ячейку номер три. Дядя Гоша решил, что фаза скрытого наблюдения закончилась и пора приступать к фазе активных действий. Участковый поправил фуражку и, по-строевому печатая шаг, направился к Лютику.

— Минуточку, — твёрдо сказал он. — Это ваша сумка, гражданин?

— Наша, — вздрогнул Лютик. — А-а, дядя Гоша. Вы-то мне и нужны! А сумка на самом деле это не моя. Я даже не знаю, как она здесь оказалась.

— Ага, — посурошел участковый. — Сумка не ваша, однако код вы, гражданин, лихо набрали. Как это понимать? Как кражу со взломом?

— Ну... Как вам объяснить... — промямлил Лютик. — Вообще-то это моя сумка. Вернее, это дядина сумка. Но я к ней не имею ни малейшего отношения. Дело в том...

— Так. Хватит дурака-то валять, — прикрикнул дядя Гоша. Вокруг него начала собираться

толпа пассажиров, и поэтому участковый вёл себя строже и суровее, чем обычно. — Гражданин Простоквашин! Достаньте, пожалуйста, сумку из ячейки и предъявите для опознания.

— Зачем?

— Вопросы здесь задаю я, — отрезал дядя Гоша.

Толпа вокруг одобрительно загудела.

— Ишь, орёл-то наш...

— Небось, бомбу ищет. Теперь все бомбы ищут. В Москве-то взрывы какие были!.. Помните?

— Нет... Ворюгу поймали. Я тут с самого начала был и всё видел. Этот — бегом туда, дверцу взломал, а тот выпрыгнул оттуда и — ваши документики... А говорят, что милиция работать не умеет!

— ...Да здесь целая шайка. Они по электричкам промышляют, а награбленное в камере хранения прячут.

— ...Без политики не обошлось. Вот как власть поступает с юными демократами!

Лютик покраснел от стыда. Он достал сумку и протянул её дяде Гоше.

Участковый повертел в руках злополучную сумку и почти сразу обнаружил на ручке метку: «Ник. Прост.», что могло означать только одно: сумка принадлежала убитому Никифору Простоквашину. А это уже была зацепка. Более того, это была улика против Лютика, от которой тому уже не отвертеться. Дядя Гоша расправил плечи, прокашлялся. Толпа сразу почувствовала перемену в его поведении и замолчала, с интересом ожидая продолжения спектакля.

— Откройте сумку, гражданин Простоквашин, — ледяным голосом приказал участковый. — Будьте так любезны!

Лютик дёрнул за «молнию».

— Ага. Всё понятно, — заглянул в сумку дядя Гоша. — Иностранная валюта. Доллары США.

— Действительно, доллары, — подтвердил Лютик. Казалось, он был удивлён не меньше участкового. — Тысяч двадцать будет, а?..

Он поднял глаза на дядю Гошу.

— Что вы на меня так смотрите?!

Хор зрителей опять забубнил.

— ...Двадцать тысяч! Мне за всю жизнь не заработать!..

— ...Надо же — рэкетир поганый! Бандюга! Вот такие и пьют нашу кровь. Делают с нашим братом, что хотят!

— ...А надо не разговаривать, а сразу к стенке! Не может быть у честного человека таких деньжищ.

— Что вы сразу — к стенке. Не те нынче времена. Разобраться нужно. В суде разберутся.

— Ага, знаем мы, как там разберутся.

— Парнишка-то — стрелочник, а главные опять уйдут от расплаты!..

— Гражданин Простоквашин! Это ваши деньги? — спросил участковый.

— Нет.

— Значит, сумка не ваша и деньги не ваши?

— Да. То есть это всё принадлежит... принадлежало моему дяде.

— А каким образом всё это оказалось в ячейке камеры хранения?

— Я не знаю, но...

- Зато код вы отлично знали!
- Ну я не знал... Я... А они сказали, чтобы быстрее забрал...
- Понятно. Двадцать тысяч долларов! Во столько вы оценили жизнь родного дяди?
- Вы что?!.. Вы думаете, что это я дядю... Но это не я! Это здоровый такой бугай. А ещё те двое. Мне близнецы сказали... Вот я сразу из бани и прибежал.
- Пройдёмте, гражданин. Товарищи, разойдитесь, дайте пройти! Вот так.
- Это не я, — всё пытался объяснить Лютик. В голове у него царила полная неразбериха. — Это близнецы...
- Что близнецы? Они тоже замешаны в этом деле?
- Да, — кивнул Лютик. — Они сейчас у меня в бане, а я...
- С близнецами разговор будет отдельный, — веско сказал дядя Гоша. — А вы, гражданин Простоквашин, посидите пока у меня в погребе... то есть в следственном изоляторе. Я приведу близнецовых, и мы устроим вам очную ставку. А потом составим протокол. Где, вы говорите, близнецы?
- В бане.
- Ну я им устрою парилку! Если они хоть как-то причастны... Я им шею-то намылю!..
- Исполненный сознания своего долга, дядя Гоша ни на что не обращал внимания. Прямой и несгибаемый, как телеграфный столб, он вёл перед собой ошалевшего от свалившихся на него напастей Лютика и смотрел только вперёд. А впереди были благодарности от началь-

ства, медаль за раскрытое преступление, а может быть, и внеочередное звание. Будущее сулило только приятное.

Анна и Яков проводили взглядом участкового и его жертву, потом подошли к ячейке номер три и заглянули в неё, словно надеялись на чудо: вдруг все они что-то проглядели и цепь на самом деле в ячейке, завалилась в уголок. Но чуда не произошло. Ячейка была пуста.

— Ничего не понимаю, — сказал Чёрный Яша. — А цепь-то где?

— Не знаю!

— Может, Лютик её за пазуху засунул?

— Нет. Это точно. Как он вообще здесь оказался?! С ним же твой приятель разобраться хотел. Убежал он, что ли?

— От Квадратного Санчо? Ты что? От такого не убежишь.

— Значит... Хитёр твой приятель. Подставил он Лютика. Сейчас этот мент навешает на парнишку всех собак, а Квадратный Санчо спокойно отправится в город.

— А цепь-то где? — повторил вопрос Чёрный Яша.

— Где ж ей ещё быть?! У Квадратного Санчо. Обвёл он нас, как детей... Гад. Что теперь хозяину скажем: ни денег, ни цепи...

— Как Санчо мог узнать про цепь?

— Красная Шапочка, — догадалась Анна. — Та девчонка, что вертелась здесь ночью. Помнишь? На пару они работают.

— Точно. Вот дрянь!

— Постой-ка здесь.

Ведьма торопливо подошла к окошку кассы,

поздоровалась с кассиршей и вежливо поинтересовалась, как поживает её внучка. Кассирша Вера Степановна сразу расцвела и сообщила, что её внучка поживает просто отлично — весит уже семь килограммов, а глазки у неё папины, хотя в целом она больше походит на дочку. Вот только капризничает часто, а к соске её приучать не хочется, потому что потом уже не отучишь.

— А другая внучка, постарше, — продолжала расспросы Анна.

— А больше у меня внучек нет, — удивилась Вера Степановна. — Вы что-то напутали.

— Ну как же? Вчера она вам термос принесла. Светленькая такая, нос в веснушках, глаза голубые, платье в красно-белую полосочку.

— Так это, наверное, Алинка, — догадалась Вера Степановна. — Они с братом частенько здесь крутятся, родителей встречают. Те только по выходным приезжают. А сама Алина у тётки живёт. Но она мне не внучка, даже не родственница. Ошиблись вы.

— Странно... Где, говорите, она живёт?

— У Клавки. Садовая улица, дом... Не помню. Но вы его быстро найдёте: двухэтажный, с красной крышей, а на коньке — флюгер в виде петушки.

— Спасибо. Наверное, я действительно ошиблась. Всего доброго. До свидания.

Анна отошла от окошка и быстрым шагом направилась к двери.

— Пошли, — сказала она, проходя мимо Якова. — Надо выловить Красную Шапочку. Через неё выйдем на цепь.



ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЛОВУШКА

Близнецы сидели в бочке рядом с дубовой дверью в парную и ждали появления Квадратного Санчо. Идея Лютика им понравилась. Из бани могла получиться просто отличная ловушка. Если запереть в парной Квадратного Санчо, то с разгулом нечистой силы в посёлке будет покончено. Главное, чтобы дядя Гоша сумел арестовать ведьму и Чёрного Яшу. Это было не просто, а очень даже сложно. Но близнецы надеялись, что с помощью Лютика и сознательной привокзальной общественности участковому это удастся.

Нет на свете ничего хуже ожидания. Кажется, вот только что ты плыл по реке, преодолевал пороги и перекаты, пена кипела под твоими вёслами и всё исполнено было смысла и значения, а сам ты был в гуще событий. Но стоит бросить якорь, и всё коренным образом меняется. Вроде бы по-прежнему ревёт и бурлит поток, но он несётся дальше, и другие гребцы устремляются следом за ним вдаль,

к неведомому и чудесному, а ты замер на месте и потому чувствуешь себя лишним, ненужным и совсем чужим на этом празднике жизни. Нет на свете ничего хуже ожидания.

Так думал Максим, глядя через отверстие бочки в потолок. Как будто сидел он в колодце и смотрел на звёзды: Говорят, из колодца они видны даже днём. Конечно, «вагонка» на потолке совсем не походила на звёздное небо, однако разглядывать её было не менее интересно, чем считать звёзды.

Узоры на досках иногда напоминали старинные доспехи рыцарских времён. Вон наконечник копья, а вон шлем, украшенный плюмажем из перьев страуса. А если посмотреть под другим углом, то шлем превращался в шестигорбого верблюда с пятью ногами. Глаза у верблюда были круглыми, будто он удивлялся — как же его угораздило таким уродиться. Впрочем, наличие лишней ноги верблюда не слишком-то и огорчало. Он резво бежал по барханам и загадочно надувал щёки. Не исключено, что он просто собирался в кого-нибудь плюнуть... Где же Квадратный Санчо?! И куда он запропастился?

На исходе второго часа ожидания, когда жизнь казалась Максиму прожитой напрасно, а молодые годы впустую потраченными на сидение в бочке, послышались скрип калитки и тяжёлые шаги.

— Идёт, — одними губами шепнула Алина. — Приготовься. Хоть бы он только в волчицу не превратился. Чёрт... Ноги затекли.

Максим принял более удобное положение

и начал лихорадочно вспоминать план предстоящих действий. Как на зло всё вылетело из памяти.

«Так... Выпрыгиваю и подпираю дверь черенком лопаты. Нет... Сначала дождусь, пока войдёт внутрь, и задвигаю засов. Ага... А уж потом — черенок лопаты. Затем несёмся домой и звоним в город. Потому как не справиться дяде Гоше одному. Где ему! А что пистолет? Подумаешь — пистолет! Пуль-то серебряных всё равно нет. А по телефону нужно сказать, чтобы прислали спецназ в бронежилетах с автоматами. И чтобы обязательно в обоях были серебряные пули. На худой конец, пусть приезжают с осиновыми кольями. Если все дружно на валятся...»

Шаги приблизились. На какое-то мгновение Максиму стало страшно: вдруг оборотень заглянет в бочку! «Вылезайте, детки. Одного я съем сейчас, а другого оставлю на ужин. Кто из вас помягче?..» Но нет: Щёлкнул засов, открылась дубовая дверь. Каблуки застучали уже внутри парилки.

— Пора!

Максим выскочил из бочки, чуть не упал, зацепившись за скамейку, но успел толкнуть дверь и задвинуть засов. Алина уже подпирала дверь черенком лопаты, и глаза у неё были такими же круглыми, как у шестигорбого верблюда с потолка.

В дверь начали барабанить, но та даже не шелохнулась. Очень надёжная дверь.

— Готово, — перевёл дух Максим. — Погнали звонить: Только бы тётки дома не было!

К сожалению, тётка была дома. Когда близнецы ввалились в прихожую, на кухне раздался грохот посуды и короткий крик тёти Клавы. Значит, опять она поверила рекламе и применила какое-нибудь новое моющее средство. И опять клянёт себя за доверчивость.

Алина повернула на кухню, чтобы отвлечь тёту Клаву, а Максим бросился в комнату к телефону. Он сорвал с аппарата трубку, быстро набрал номер и прислушался. Тихо. Ни гудка, ни даже шороха помех. Телефон не работал.

— Как не вовремя!..

Мальчик потряс трубку, подул в микрофон — никакого эффекта. А потом он перевернул аппарат и увидел, что телефонный кабель разорван — не перерезан, не выдернут вместе со штекером, а разорван. Это было поразительно, потому что телефон для тёти Клавы был святыней. Такой же святыней, как телевизор, герань на подоконнике и фотография дяди Славы над диваном. С телефона можно было сдувать пыль, его можно было протирать бархатной тряпочкой, смоченной одеколоном, но рвать на нём кабель было варварством! Да и какой силой нужно обладать, чтобы порвать кабель?!

Максим был так потрясён, что не услышал ни скрипа двери за спиной, ни звука шагов. Просто почувствовал, что в комнате он уже не один. И когда оглянулся, то увидел мужчину в чёрных брюках и в чёрной рубашке. Это был Чёрный Яша.

— Здрасте... — пробормотал в замешательстве Максим. — Телефон вот не работает... Кабель порвался.

— Это я его порвал, — сказал Чёрный Яша. Он достал из кармана сигарету, щёлкнул зажигалкой. — Как тебя зовут?

— Максим.

— Прекрасно. — Яков уселся на край стола. — Извини, что без предупреждения. Незванные гости хуже сам знаешь кого... Но дело не терпит. Понимаешь?

— Понимаю... А какое дело?

— Дело у нас одно, Максим, — холодно улыбнулся Яша. — Ты куда, паршивец, цепь спрятал?

— Не знаю ни о какой цепи, — не слишком убедительно ответил Максим.

— А вот и мы!

В комнату вошли Анна и Алина. На ведьме был тётина махровый халат, глаза прятались за солнцезащитными очками, а руки в перчатках лежали на плечах Алины. Тускло поблескивали изогнутые крючья когтей.

— В отказ пошла, — кивнула на Алину ведьма. — Из принципа, говорит, ничего не скажу. А твой? Тоже упирается?

— Сейчас всё выложит, — уверенно сказал Яша. — Парень понятливый — быстро сообразит что к чему. Верно, Максим?

Сердце замерло, и душа ушла в пятки. Наверное, от страха в Максиме проснулся отважный индейский разведчик.

— Пошёл ты к чёрту! — отчаянно выкрикнул мальчик.

Яша рассмеялся, и Максим понял, что сморозил глупость. Где это видано, чтобы чёрта посыпали к чёрту?!

— Какой грубиян, — удивлённо покачал головой Яша. — Неужели это тётя научила тебя таким выражениям? Нет, не верю! Тётя твоя — милая женщина. Была так любезна, что даже собиралась угостить нас кофе. Кофе, правда, мы не успели попробовать, потому что чайник ещё не закипел, но само отношение к гостям — знаменательно. Ты любишь свою тётю?

— Да, — растерянно кивнул Максим. — А что с ней?

— С Клавдией Ивановной? Пока ничего, — Чёрный Яша повернул голову и прислушался. С кухни раздавался тихий свист. Звук нарастал, превращаясь в пронзительную трель, будто дядя Гоша изо всех сил дул в свой милицейский свисток. — Что это?

— Чайник! — спохватился Максим. — Тётя Клава забыла выключить чайник!

— Я сам выключу, — поднялся Чёрный Яша.

— Вы не сумеете. — Максим уже бежал к двери. — Там нужно закрыть газовый кран, а потом повернуть ручку с нажимом, иначе...

— А ну стой!.. — попыталась остановить его Анна, но Максим уже был в дверях.

Клавдия Ивановна сидела на стуле спелённая липкой лентой, как египетская мумия. Она не могла ни пошевелиться, ни крикнуть, только стонала и смотрела на племянника круглыми от ужаса глазами. Максим подошёл к газовой плите и закрыл кран. Свист пошёл на убыль.

— Назад, щенок! — Яша за шиворот вернулся мальчика в комнату. — С играми покончено. Теперь разговор пойдёт по-иному: ты расска-

зываешь про цепь, а я слушаю. Если твой рассказ мне понравится, я ничего не сделаю ни Клавдии Ивановне, ни твоей шустрой сестричке. Понял?

— Нет.

— Тоже непонятливый попался, — процедила Анна. — Пора кончать с разговорами. Начнём с тётки.

— Подожди, — остановил напарницу Чёрный Яша. Он наклонился к Максиму и доверительно сказал: — Малыш! Жизнь твоей тётки, жизнь сестры и твоя собственная жизнь висят на трёх волосках. Эти волоски ты держишь в своих руках. А мы — те, кто может эти волоски по очереди оборвать! Потому что мы — сила. А ты — тьфа и растёр. Ты — никто, и звать тебя никак. И если ты начнёшь сейчас передо мной Ваньку валять, то Анна мигом порежет тётку на лоскутки, потом примется за твою сестру, а если и это не поможет, то я сломаю и твою цыплячью шею. Понимаешь?

— Да, — опустил голову Максим.

— Веришь? — прищурился Чёрный Яша.

«Это всё-таки дурной сон, — подумал Максим. — Или это происходит не со мной, потому что со мной не может произойти ничего такого. А на самом деле сейчас ночь и я сплю в своей кровати. И Алина тоже спит — спит и улыбается. Она очень часто улыбается во сне. Мама милая!.. Дай мне силы проснуться!..»

— Веришь? — повторил Чёрный Яша.

— С вас станет, — буркнул Максим.

— Вот и хорошо, — удовлетворённо вздохнул Яша. — Я внимательно слушаю.

Максим молчал. Он изо всех сил старался унять нервную дрожь, вдруг охватившую его. И ноги стали ватные. Максим даже удивился, как это он может стоять на таких ногах. Боясь упасть, он хотел ухватиться за что-нибудь, но подумал, что Яша расценит это как проявление слабости. Поэтому он продолжал качаться на месте, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

«Что же делать? Что же мне делать?..»

Неожиданно раздался громкий стон, жалкий и дикий, отчаянный сгусток боли и страха. У Максима едва не навернулись слёзы на глазах, потому что он понял, что это стонет тётя Клава. А Чёрный Яша всё ждал ответа, и Максим отчётливо понял, что своим молчанием погубит всех: и тётку, и сестру, и себя. Злость и гордость приказывали ему молчать, а другой голос, из глубины, советовал всё рассказать. Это, мол, и есть настоящий подвиг. Мол, только этим ты спасёшь своих близких и себя. Но Максим знал, что никакой это не подвиг, а самое обыкновенное предательство. Если он всё выложит про цепь, Алина никогда ему не простит — никогда. Ведь у неё принципы. Только откуда Алине знать, что это такое — держать в своих руках три жизни.

— Я жду, — напомнил Яша. — Не испытывай моего терпения! Рассказывай, не упуская ни слова, что вы там задумали с Квадратным Санчо. Кстати, цепь у него?

— Хватит лясы точить, — зло выкрикнула ведьма. — Тащи его на кухню. Пусть посмотрит, что через минуту останется от тётки.

— Подождите! — крикнул Максим.

Только сейчас до него дошло, что эта жуткая пара почему-то решила, будто близнецы сговорились с Квадратным Санчо. Что ж, не следует их разубеждать. Пусть зло сражается со злом. Только придётся выпустить из парилки оборотня...

— Цепь в доме Никифора, на чердаке, — словно нехотя, сообщил Максим. — Её туда спрятал Квадратный Санчо. Он хотел вас надуть.

— Молодец, — улыбнулся Чёрный Яша. — Видишь, как всё просто. Надеюсь, ты не морочишь нам голову? Это было бы с твоей стороны очень глупо.

— Брёт он, — сказала Анна. — Подержи девчонку. Я сама с ним поговорю. Отрежу ему палец, сразу всю правду выложит.

— Успеешь ещё... — отмахнулся Чёрный Яша. — Ты, Максим, с нами пойдёшь. И сестричку твою мы тоже с собой возьмём. А тётка пусть пока на кухне посидит. Если ты сказал правду, отпустим вас. А если солгал... Тогда извини. Сначала вас накажем — очень сурово накажем, а потом вернёмся к тётке.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПРОИСКИ ОБОРОТНЯ

Денег не было, и достать их не представлялось возможным. Квадратный Санчо со вздохом уселся на скамейку, бросил рюкзак под ноги и задумался. Нет, платить Чёрному Яше он и не собирался. В конце концов, почему он должен покупать свою собственную цепь у двух мошенников?! Это было глупо и стыдно. Рано или поздно в городе узнают об этой сме-хоторной сделке, и Квадратный Санчо сделается посмешищем. Пострадает его репутация, а это отрицательно скажется на делах. Нет, платить Анне и Якову за цепь Квадратный Санчо не собирался.

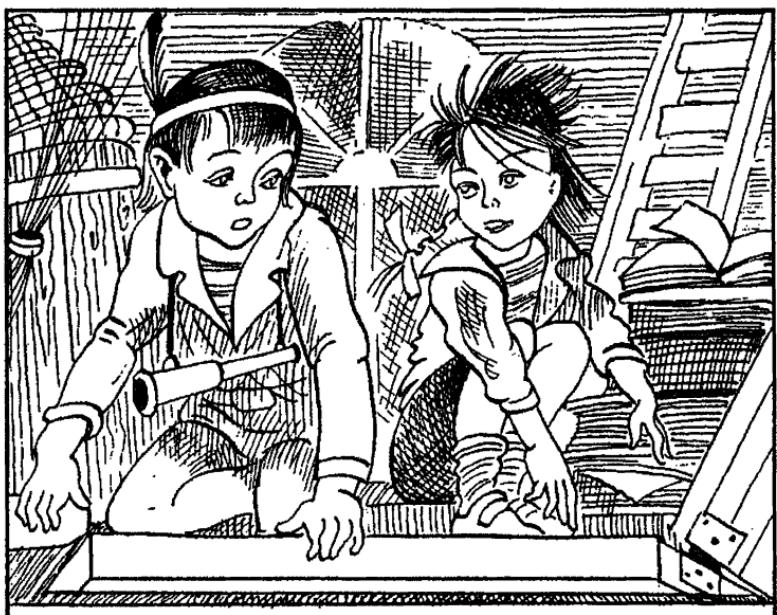
«Они решили надо мной посмеяться, — мрачно думал бывший боксёр. — А зря. Это с их стороны — большая ошибка. Никто не смеет надо мной смеяться, а если кто-то всё-таки решил поскаливать зубы, то рискует их потерять. Цепь — моя, и точка. Только бы они её принесли».

Солнце уже клонилось к закату, на небе появились робкие облака, но прохладнее не ста-

новилось. Квадратный Санчо вскользь подумал о Лютике, который изнывал в парилке и надо было бы его вытащить, иначе сварится. Потом он отогнал эту мысль как несущественную и принялся рассуждать, где же всё-таки взять деньги.

Дело в том, что Квадратный Санчо прекрасно знал порядки и понимал, что Чёрный Яша ни за что не покажет цепь, пока не увидит деньги. А денег не было. И тут в голову Санчо пришло простое решение всех его проблем. Поначалу он отмахнулся от него, считая такой способ действий слишком опасным и унизительным. Но мысль не оставляла его. Тогда Санчо ещё раз рассмотрел её со всех сторон и решил, что замысел, в принципе, очень удачный.

Когда ты загнан в угол, когда не можешь позволить себе поражение, используй все возможности, даже самые нереальные, убеждал себя Санчо. Такова жизнь. Каждое явление в ней имеет своего двойника, но с обратным знаком. Эти пары и составляют содержание жизни: любовь — ненависть, добро — зло, еда — голод... А если посмотреть с другой стороны, то жизнь — это та же золотая цепь — цепь событий, страха, вражды. Заяц боится лисы, лиса боится браконьера, браконьер боится егеря... В данном случае на место браконьеров можно поставить Яшу и его чёртову девку. Чтобы справиться с ними, нужно позвать на помощь егеря, а на место егеря идеально подходит любой представитель закона. Пока они будут выяснять отношения, можно будет взять цепь и бесследно исчезнуть.



Квадратный Санчо улыбнулся. План начинял ему нравиться. Нужно было только найти подходящую приманку для егеря.

«...А если сообщить участковому, что тех троих у реки убили Яков и Анна? Откуда я знаю? А я случайно всё видел, поэтому они пытались убить и меня, натравили волка, но я спасся, бросившись в реку. Доказательства? Местный рыбак видел, как я сражался с волчицей, чуть не утонул. Ещё доказательства? Яков и Простоквашин хорошо знакомы, и если обыскать дом, то наверняка можно обнаружить отпечатки пальцев Якова. Почему там и мои отпечатки? Я тоже был знаком с покойным, но ведь я — уважаемый член общества, у меня своё дело, солидные клиенты, никаких трений с законом. А этот Яша — мелкий хулиган, рэкетир, неоднократно привлекался, ещё в детстве был взят на учёт. Так кому вы окажете большее доверие? Спасибо, большое спасибо. Я знал, что вы выведете этих бандитов на чистую воду. Сколько верёвочки не виться, а конец будет. Кстати, при покушении на мою жизнь эти двое украли у меня цепь. Да, да, именно эту. Прошу вернуть её мне. Спасибо».

План был замечательный. Квадратный Санчо поднялся со скамейки и окликнул проходившую мимо девушку:

— Эй, красавица! Не скажешь, где здесь у вас милиция?

— Нет у нас милиции. А участковый живёт на Солнечной улице. Идите прямо до перекрёстка, потом налево до красного забора. А у вас какое к нему дело?

— Личное, — буркнул Квадратный Санчо.

Он взвалил на плечи рюкзак и быстрым шагом направился к перекрёстку.

Темнота была такой густой, что, казалось, в ней начали вспыхивать искорки света. Лютик с силой потёр глаза руками. Искорки взорвались салютом и погасли. Темнота съела их без остатка, даже не заметила. И его темнота тоже съест. Сейчас она ещё опасается подвоя, всё примеряется, как бы поудобнее его схватить, а потом разинет бездонную пасть с искорками в глубине и — ам! Нету больше Лютика.

Хороший подвал, надёжный. Настоящий следственный изолятор. Лютик попробовал поднять крышку люка, но она даже не сдвинулась с места.

— Дядя Гоша! Открой!

Ни слова, ни звука в ответ. Действительно, отличный подвал. Сюда не проникало ни шороха, ни лучика света. Лютик спустился по ступенькам вниз и начал шарить вокруг руками.

Погреб был довольно вместительным, однако, двигаясь на ощупь вдоль стены, Лютик обследовал его за каких-то десять минут. Три рулона стекловаты, связки старых журналов, лист шифера, обрезки толстых металлических труб...

Дядя всегда говорил, что безвыходных положение не бывает. Врал, конечно. Иначе не лежал бы сейчас в городском морге. А если лежит там с дыркой в спине, то, стало быть, без-

выходные ситуации очень даже бывают. Например, этот подвал — самая настоящая безвыходная ситуация. Интересно, что бы на моём месте сделал дядя?..

Лютик всхлипнул и разозлился — на себя за слабость и на дядю. Вот козёл! Нашёл время умирать! А как же он, Лютик, теперь будет куковать один? Об этом дядя подумал?!

Нет, Лютик никогда не любил Никифора. Если бы не смерть родителей, он никогда бы не согласился жить в этом доме. Но опять же, ситуация была безвыходная — интернат Лютика никак не устраивал.

А дядя был скользким типом. И сердце его было из камня. Наверное, когда-то он подобрал один из булыжников на берегу этой поганой речки и вставил себе в грудь. Странно даже... Невысокий, толстенький, с простодушным выражением лица, дядя мог любого хитреца обвести вокруг пальца.

— Ты должен быть мудрым, племянничек, — не раз говорил он.

— У меня в аттестате ни одной тройки.

— Глупости, — фыркнул дядя. — Подумаешь, аттестат! У меня неполное среднее образование, а я найду деньги там, где мимо пройдут сто таких образованных дураков, как ты. Думать нужно, а не зубрёжкой заниматься — головой думать! А если решил чего, то чтобы никаких сомнений! Только вперёд, через трупы врагов.

— Через трупы?!

— Это я для образности. Хотя... Ты на совесть-то свою наплюй. Не барон. Это только

в школах да институтах учат, что совесть нужна. А в жизни она только мешает. Доверься своим инстинктам, племяш. Понял?

— Понял, дядя.

— Поэтому я и говорю тебе: будь умнее. Выбери цель и топчи к ней хоть по головам, хоть по трупам. Тогда тебя начнут уважать. Считаться с тобой начнут. А если дурацкая совесть заставит тебя остановиться, вырви её вместе с сердцем...

— Я так не смогу, дядя.

— Сможешь. Приспичит — так сможешь. Главное, не дай загнать себя в угол. Тогда — конец.

Вот дядя и загнал себя в угол. В результате Лютик оказался в подвале дяди Гоши, и обвиняют его в убийстве. Следствие, суд, тюрьма на долгие-долгие годы...

Нет, только не это! Нужно объяснить... Нужно рассказать. Но как? Сидя в подвале себя не спасёшь. Нужно выбираться, нужно...

Лютик поднял кусок трубы, покрутил в руках.

— Сгодится...

Он на ощупь побрёл обратно к лестнице, поднялся по ступеням к самому люку и начал бить железякой по люку. В конце концов засовы не выдержит и люк распахнётся. Тогда можно будет отыскать близнецов, Квадратного Санчо, Анну и Якова...

— Бум, бум...

Он бил изо всех сил. Через час люк начал постепенно поддаваться: в одном месте чуть разошлись доски, и сквозь щель струился пыльный

лучик света. Но чтобы выломать люк, понадобится около трёх часов, а может и больше. К тому времени все настоящие преступники разлетятся в разные стороны и останется только один Лютик. На него всё и повесят. Следствие, суд, тюрьма... Лютик стиснул зубы и продолжал лупить куском трубы по люку.

Примерно через целую вечность, когда руки налились тяжестью и труба начала весить несколько тонн, наверху загремели засовы, люк распахнулся и в подвал ворвался ослепительный свет. Зажмурившись, Лютик выронил своё оружие и выполз наружу.

— Да это же Лютик!.. — ахнула тётя Клава.

Обычно аккуратная причёска тёти Клавы была растрёпана, рукав домашнего халата разорван, а глаза полны слёз.

— Лютик, а где участковый? — отчаянно закричала тётя Клава. — Нападение, бандиты, детей украл... Повели их к тебе домой. А ко мне, слава Богу, Николаевна за солью пришла. Я сюда. Дверь закрыта... Стучу, кричу — ничего. Потом слышу, ломится кто-то. Вот я через оконко и залезла... Стыд какой! Не дай бог, кто увидел!.. Что происходит? И где Григорий? Он мне нужен позарез!

— Близнецов повели ко мне домой?!...

— Да.

Лютик поднялся на ноги и, пошатываясь, выбежал из комнаты. Теперь его свобода и полная реабилитация зависели только от него. В доме хранилось охотничье ружьё. Дядя Никифор в молодости любил поохотиться. Если Лютик сумеет добраться до оружия и арес-

товать всю шайку, участковый вынужден будет снять с него все обвинения. А близнецы выступят свидетелями. Только бы добраться до двухстволки. Возмездие! Возмездие!..

Лютик кубарем скатился с крыльца, рванул на себя калитку... И мягко врезался в брюхо Квадратного Санчо.

— Ё-моё... — удивился бывший боксёр. — Я ж тебя в бане запер! Ну-ка рассказывай, как ты здесь очутился?

Лютик задрожал. Он понял, что если Квадратный Санчо находится здесь, а не заперт в парилке, значит, у близнецов ничего не получилось. Может, они уже мёртвые, а теперь его, Лютика, очередь. Конечно же, Квадратный Санчо пришёл сюда за жизнью Лютика. Всё. Конец.

— Говори, — сказал верзила. — Или я тебе шею сверну, как цыпленку.

Квадратный Санчо сдавил своей лапой горло Лютика так, что тот едва мог дышать... О возмездии больше мечтать не приходилось. Злосчастная судьба Лютика опять сыграла над ним свою очередную жестокую шутку. Парень совсем пал духом.

— Я бегал на станцию за сумкой с деньгами... — пропищал он. — Двадцать тысяч баксов. А меня дядя Гоша арестовал. Сумку забрал. Конфисковал, значит. И в шкафу спрятал. А я ни при чём. Я ничего не знаю... Не убивай меня.

— Сумка с деньгами?.. Это хорошо, — Квадратный Санчо чуть сильнее сдавил горло Лютика. — Участковый у себя?

— Ушёл за близнецами.
— А чья машина во дворе?
— Это моя. Вернее, тех троих, которых ты...
— Цыц! — прикрикнул Квадратный Санчо. — Не знаю никаких троих. Заруби это себе на носу! Ключи от машины у тебя?

— Дядя Гоша забрал. Но есть запасные, за щитком.

— Отлично. А записки про цепь? — на-
жим на горло стал ещё сильнее. — Вспомнил,
где они?

— Записки у близнецов, — прошептал Люти-
к, теряя сознание. — А я ни при чём... Я не...

Верзила легко подхватил обмякшего Люти-
ка и занёс в дом дяди Гоши. Запертая дверь не
остановила его ни на мгновение. Он чуть нада-
вил плечом, и она приветливо распахнулась
настежь.

Квадратный Санчо вошёл в комнату, сбро-
сил Лютика на пол, грозно посмотрел на тётю
Клаву; которая собиралась привычно поки-
нуть кабинет участкового через окно.

— Грабёж со взломом? — констатировал
Квадратный Санчо. — Преступница задержана
на месте преступления, а её подельник обезвре-
жен при попытке оказать сопротивление орга-
нам охраны правопорядка. Это мне, значит.

— Какой грабёж?! — возмутилась, сгорая от
стыда, Клавдия Ивановна. — Вы что?!

— Руки вверх! — гаркнул Квадратный Сан-
чо. — Оружие есть?

— Что вы!.. Конечно, нет.

— Гражданка, вы арестованы, — всё тем же
деревянным голосом пробасил Квадратный

Санчо. — До выяснения обстоятельств будете находиться под арестом в...

Верзила огляделся по сторонам и заметил распахнутый люк в подвал.

— ...Под арестом в погребе. Прошу!

Тётя Клава разразилась потоком слёз, божилась, призывала в свидетели своей невиновности архангела Михаила и соседку Николаевну, но Квадратный Санчо был безучастен. Ему нужны были деньги, запертые в шкафу, и совсем не нужны свидетели того, как он эти деньги возьмёт. Поэтому через несколько минут над Клавдией Ивановной люк всё-таки захлопнулся.

Управившись с арестованными, Квадратный Санчо подошёл к запертому платяному шкафу и, не найдя ключа, ударом кулака расколол дверку на две части. Сумка с деньгами лежала на нижней полке. Квадратный Санчо улыбнулся, вытащил сумку и перекинул её через плечо. Потом он склонился над Лютиком, несколько раз легонько пожаловал его по щекам. Юноша открыл глаза.

— Вставай, малыш, — приказал Квадратный Санчо. — Мне нужен шофер.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

СТРАСТИ ПО ЦЕПИ

Странно. Максим был удивлён и раздосадован. Такое могло быть только в американских боевиках. Просто не верилось, что по посёлку, средь бела дня, смогут пройти ведьма и чёрт с двумя заложниками и никто не обратит на это никакого внимания. Впрочем, посёлок был почти пуст. Будний день — часть жителей уехала в Москву на работу, а остальные прятались от дневной жары в домах и на реке. Те старушки, что плавились на скамейках в жидкой тени деревьев, никак не реагировали на тайные мольбы о помощи. А ведь Максим и подмигивал, и проводил большим пальцем по горлу, и высовывал язык... Старушки смотрели на его гримасы холодно и отстранённо, как куры, только одна посетовала на ужасные нравы современной молодёжи. А когда они с сестрой свернули с улицы во двор и калитка захлопнулась за их спинами, как крышка гроба, Максим понял, что помочи ждать неоткуда и надеяться нужно только на самих себя.

Между тем со стороны бани раздавались глухие удары и отрывистые крики. Видимо, Квадратный Санчо не прекращал попыток выломать дверь или разнести стены по брёвнышку.

— Нужно парилку открыть, — предложил мальчик. — Там сидит Квадратный Санчо. Разбирайтесь с ним сами, а мы, если не возражаете, пойдём домой.

— Возражаем, — сказал Чёрный Яша. — Пока я цепь не получу, ты никуда не пойдёшь. А будешь юлить, и вовсе останешься здесь на всегда.

— А парилку открыть?

— Нет. Сначала цепь. А Санчо... Пусть он ещё немного попарится. Ему это только на пользу.

Под суровым конвоем близнецы вошли в дом. Стремянка всё ещё стояла под распахнутым люком на чердак.

— Вон там, — кивнул на потолок Максим. — Наверху. Между кипой старых газет и матрасом. Вы её легко найдёте. А теперь отпустите нас.

— Лезь, — приказал мальчику Чёрный Яша. — Принесёшь цепь, тогда и отпустим.

Максим заметил, что при этих словах ведьма чуть заметно скривила губы. Броде усмехнулась. Мол, сколько дураков на свете. Мол, даже идиоту должно быть понятно, что никто из близнецов отсюда не выйдет — оба они останутся здесь.

— Лезь первой, Алина, — вздохнул Максим. — Я за тобой.

— Она останется здесь, — твёрдо сказала Анна. — Постоит рядом со мной. А ты принеси цепь. Да пошевеливайся, а то я терпение теряю!

Максим закусил губу от бессильной злости и полез по стремянке наверх.

Квадратному Санчо совсем не понравились водительские таланты Лютика. Тот вёл машину самым безобразным образом: вилял из стороны в сторону, резко тормозил, рывком срывался с места... На повороте Лютик едва не сбил семилетнего велосипедиста в голубом костюмчике, а возле тополиной аллеи коршуном ворвался в куриную стаю и мчался в кружеве белых перьев и в истощенном кудахтанье почти до самого дома покойного Никифора Простоквашина.

— Молодец! — с досадой бросил боксёр. — Тихо доехал, ничего не скажешь!.. Даже в Москве слышно было.

От злости Санчо хотел выполнить обещание и свернуть шею этому лохматому дураку, но воздержался. Нельзя перекрывать самому себе пути отхода, а Лютик, хоть он и трус, но может пригодиться.

— Сиди в машине, пока я не разберусь с приятелями, — мрачно сказал Квадратный Санчо. — Долго я не задержусь, так что мотор не глухи. Доступно?

— Угу.

Боксёр открыл дверцу, собираясь вылезти, но задумался, посмотрел, прищурившись, на Лютика.



— Если вздумаешь удрать, пожалеешь, — сказал он. — Я тебе дом сожгу. Да... А потом отыщу тебя и прихлопну. Скажу, что ты на меня напал с целью ограбления. Доступно?

— Не поверят.

— Поверят. Ты для ментов кто? Ты для них подозреваемый в убийстве дяди, совершивший побег из-под стражи. Так что поверят, будь спокоен.

Лютик уронил голову. Он был повержен, раздавлен и втоптан в грязь. Даже дядя Никифор не умел плести такую паутину, какая легко получалась у Квадратного Санчо. Лютик понял, что на этот раз он пропал. Куда ни кинь, всюду клин. Если он уедет и обратится за помощью к дяде Гоше, тот обвинит его ещё и в побеге из «следственного изолятора» и отправит в город, в тюрьму. Если он не обратится к дяде Гоше, а послушно будет сидеть в машине, его в конце концов придушит этот квадратный бугай. Если он удерёт в город и постарается затеряться, то его объянят в розыск и очень скоро отыщут, потому что ни денег, ни нужных связей у него нет. Короче, хоть прямо здесь, за рулём, вешайся.

— Я пошёл, — буркнул Квадратный Санчо. — А ты крепко помни о моих словах и знай, что слово своё я всегда держу.

Квадратный Санчо вышел из машины и захлопнул дверцу.

Лютик сидел, уронив голову на руль, и думал, что дядя Никифор был большим обманщиком. Бывают безвыходные положения, бывают, бывают, бывают. Сейчас Лютик про-

сто ненавидел своего дядю: как он мог его бросить?!

— Я пропал. Я пропал...

А потом Лютику стало стыдно, потому что дядя, на которого он сейчас так злился, всё-таки погиб сражаясь. А вот племянник сидит, распустив нюони, и ничего не делает. Теперь Лютик злился уже на самого себя. Вместе со злостью вернулись утраченные мужество и решимость, граничащая с отчаянием. Юноша посмотрел в боковое окошко. Квадратного Санчо не было видно. Видимо, он уже вошёл в дом.

— Эх, пропадать так с музыкой! — с нервной весёлостью крикнул Лютик и нажал на газ.

Машина взревела и в клубах пыли помчалась к окраине посёлка, в сторону клиники Айболита.

— Нет, — покачал головой Максим. — Отпустите Алину, тогда я сброшу цепь.

— Вот змеёныш! — разозлилась ведьма. — С ним по-хорошему, а он... А всё ты, Яков. Миндалничашь с ними!

— Малыш, — сахарным голосом попросил Чёрный Яша, — бросай цепь.

— Я тебе не малыш, — отрезал индейский разведчик. — Это во-первых. А во-вторых, деляй, что тебе говорят, иначе не видать тебе цепи, как своих ушей.

— Ну всё! — рявкнула ведьма. — Хватит!

Она обхватила Алину рукой за горло и открыла сумочку.

— Сейчас я надену перчатки, и ты станешь сразу сговорчивее.

Алина забилась в руках Анны, и та уронила сумку, пытаясь удержать девочку.

— Не трогай её! — закричал сверху Максим. — Не смей! Я тебя за неё!.. Если хоть пальцем!.. Ведьма проклятая!

Алина уже почти вывернулась из цепких пальцев Анны. Ведьма не ожидала такого яростного сопротивления от, казалось бы, беспомощной жертвы. Она просто не могла с ней справиться. Ещё бы! Алина прошла великую школу уличных баталий с рыцарями Золотого Льва и с пиратами из клана Синего Дракона, чьи владения простирались по всему берегу реки. С ней не смог справиться даже капитан корсаров Лёшка-Кишкорез, а уж он-то был боец хоть куда, не чета какой-то городской ведьме.

Лицо Анны покрылось красными пятнами, причёска сбилась — ведьма терпела поражение. Но во время очередного выпада Алины с носа ведьмы слетели солнцезащитные очки, и девочка замешкалась, вздрогнула под взглядом змеиных глаз. А тут на помощь Анне бросился Чёрный Яша. Вдвоём они утихомирили разбушевавшуюся воительницу. Яша заломил ей руки за спину, а ведьма подняла с пола сумочку, достала оттуда зловещие перчатки с бритвами и начала натягивать их на руки. На Алину она больше не смотрела. Она сверлила змеиным взглядом Максима и щедила сквозь зубы, почти шипела:

— Я жду ровно одну минуту, потом начну делать твою сестру. Отличное будет зре-

лице... Тебе понравится. Если это тебя не вразумит, займусь и тобой. А потом придёт очередь вашего главаря — Квадратного Санчо. Уж его-то я сделаю с большим удовольствием!..

— Кого это ты собираешься сделать, ведьма?

Анна обернулась. В дверном проёме стоял Квадратный Санчо. Он снял с плеча знакомую спортивную сумку и бросил её на пол.

— Вот задаток, — сказал он. — Только цепи, я вижу, у вас нет.

Квадратный Санчо посмотрел на Максима, который маячил в прямоугольнике чердачного люка и в руках которого переливались золотые звенья.

— Все свободны, — пробасил боксёр. — Кроме близнецов.

Он протянул руку, словно для рукопожатия.

— Малыш! Отдай мне цепь и записки — останешься цел. Честная сделка.

Максим посмотрел на Алину. Та чуть заметно кивнула и указала глазами в сторону. Мальчик неторопливо, выдерживая паузу, спустился по стремянке вниз, а когда ступил на пол, то размахнулся и швырнул цепь в самый дальний угол комнаты.

Цепь упала на пол между торшером и тумбочкой. Несколько секунд ничего не происходило, все словно окаменели — стояли, не двигаясь, и сверлили друг друга глазами. Потом Анна не выдержала, отшвырнула от себя Алину и бросилась к цепи. Тут-то и началась баталия.

Лютик любил свою работу в клинике Айболита. Здесь всё было ясно и определённо: человека от зверя отделяли железные прутья клетки, у каждого было своё, чётко определённое место и свой, чётко определённый круг прав и обязанностей. Звери — не люди. С ними можно общаться прямо, без мишуры ненужных слов и недомолвок.

Только здесь, рядом с вольерами, Лютик ощущал себя нужным, и это переполняло его гордостью. Было бы просто глупо чувствовать себя несчастным рядом с бессловесными тварями, пожизненно запертymi в клетках. Рядом с этими узниками Лютик чувствовал себя свободным, как ветер. Но, если говорить начистоту, эта работа в клинике была далеко не тем, к чему он стремился, чего хотел всей душой. А хотел Лютик много денег, много уважения, много власти. Только в свете последних событий достижение этой цели казалось юноше очень проблематичным.

Власть... какое сладкое слово! Нет, не та показная власть, когда ты весь на виду, не сходишь с экранов телевизоров или с обложек журналов. Это только видимость власти, а настоящая власть всегда в тени, за ширмой, укрытая от посторонних глаз. Взять хотя бы дядю Никифора... Как жаль, что не повезло ему с дядей Никифором: не успел он у него всему научиться, не успел всё узнать... Проклятый Санчо!

Мир слишком огромен, и Лютик хотел его увидеть, найти в нём своё тёплое место под солнцем. А совесть или любовь ко всему челове-

честву, о которых твердят умные книжки, — это полная чушь, дядя прав. «Любовь ко всем бессмысленна, дорогой мой племяш, потому что только через любовь к себе человек может проявить своё отношение к окружающим. Поэтому прежде всего нужно любить самого себя!..»

Рабочий день закончился, и клиника была почти пуста. Остались только сторож да раздатчик мяса, так что неприятных вопросов со стороны начальства не предвиделось. Лютик прошмыгнул через щель в заборе и помчался мимо вольеров.

Шакал... Мечется по клетке с забинтованной передней лапой. Ничего. Через неделю другую кость срастётся. А вот лев... Опять дремлет. Когда бы мимо ни проходил, он постоянно лежит в величественной позе и сонно шурит на тебя золотые глаза. Мол, всё мне до лампочки — поспать бы. Только всё это для вида. Этот соня может быть быстрым, как молния. Однажды чуть руку не отхватил. А недавно по телеку показывали, как охотятся дикие львы. Высший пилотаж! Для них буйвола задрать, что для меня комара придавить. Страшное дело!..

Лютик ускорил бег. Не останавливаясь, промчался мимо вольеров с обезьянами: мартышки, павианы, шимпанзе... Чуть дальше содержались коаты, бабуины и длинногривые гамадрилы. Обезьяны вели себя довольно мирно: тихо сидели, выискивая друг у друга блох, даже не обратили особого внимания на Лютика — ни истощенных криков, ни пронзительных воплей.

Белый медведь, три енота, барсук... Вот. Лютик остановился у вольера с Курносой Мартой, чуть отдохнул.

— Марта, Марта! — позвал он волчицу. — Иди сюда, красавица! Нужно ещё поработать. Помнишь, мы с тобой близнецов напугали? Ну, там, под дубом... А потом этот жлоб тебя поранил, чуть не утопил... Как твоя лапка? Болит ещё? Вижу, вижу... Прихрамываешь. Ну ничего. Зато зубы у тебя в порядке, а это главное. Хочешь обидчика своего наказать? Того, кто тебе лапку повредил. Вижу, что хочешь. Ну пошли, расквитаешься. И я тебе помогу, не брошу, как тогда. Мне теперь всё равно терять нечего...

Лютик открыл дверь вольера, натянул на шею волчицы кожаный поводок и вывел её из клетки.

— Бегом, Марта! У меня тут недалеко тачка. Покатим с ветерком.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ПОЖАР

Максим выскочил из дома следом за сестрой. Скатываясь с крыльца, он поскользнулся и рухнул на гравий. Острые камешки больно врезались в ладошки.

— Быстрее, Макс! — закричала Алина. — Надо сматываться отсюда!

Максим попробовал подняться, но тут же снова упал: боль в ноге обожгла, как крапива.

— Кажется, ногу подвернул...

— Я помогу. Хватайся за меня!

— Нет. Беги одна. Вдвоём нам не уйти — догонят. Позови дядю Гопшу.

Из бани всё ещё раздавались удары, только теперь они были слабые и редкие.

— Странно... — пробормотал Максим. — Если Квадратный Санчо в доме, то кого же мы заперли в парилке?

Это действительно было странно. Опираясь на плечо сестры, мальчик доковылял до бани. Даже в предбаннике было жарко — настоящее пекло. Электрощиток потрескивал,

и оттуда сыпались голубые искры. Удары в дверь затихли. Слышно было только шурша-
ние, словно котёнок скрёб коготками дверь.
Алина дёрнула засов, распахнула дверь, и от-
туда в клубах пара, мокрый и дымящийся, вы-
валился дядя Гоша.

Казалось, он только что искупался. Мундир
много было выжимать, а сапоги дымились.
Дохнуло палённой резиной и жжёным деревом.

— Я... Вы... Всех арестую...

Участковый хватал ртом воздух, как выбро-
шенная на берег рыба, в глазах светились безу-
мие и жажда мщения, но силы его были на ис-
ходе. Дядя Гоша рухнул на пол и на четверень-
ках пополз к выходу.

Щиток тревожно загудел, будто кто-то
растревожил осиное гнездо. Гудение смени-
лось сухим треском, фейерверком брызнули
искры, а потом что-то внутри железной ко-
робки взорвалось и оттуда выплеснул сгус-
ток пламени.

— Бежим, Мак! Пожар!

Огонь вспыхнул в одно мгновение. Синие
язычки весело побежали по бревенчатым сте-
нам, заплясали, охватили ореолом берёзовые
веники...

Близнецы выскочили из бани, а следом за
ними, словно пытаясь их задержать, полых-
нула такая яркая вспышка, что чуть одежда не
загорелась. А потом яростно загудело пла-
мя — дым и оранжевые сполохи. Пламя тре-
щало, гомонило, радуясь обретённой свобо-
де, оно протянуло оранжевые руки в сторо-
ны и вверх.

— Воды! — засипел дядя Гоша. — Быстрее воды!

Невесть откуда взявшийся Лютик метнулся к колонке, набрал полное ведро и побежал обратно к бане, но из дверей выплеснула ещё одна волна обжигающего жара, заставившая юношу благоразумно попятиться.

— Да не туда! — хрюплю закричал участковый. — Мне воды. Мне!

Он припал к ведру, пил воду взахлёб, давясь и фыркая, а потом окунул голову в ведро и застыл. Только пузырьки воздуха указывали на то, что он жив.

— Хорошо! — дядя Гоша вылил остатки воды на голову. — Боже, как хорошо жить!.. А ты, Лютик, откуда взялся? Я же тебя в «следственном изоляторе» запер.

Лютик угрюмо молчал.

— Я спрашиваю: откуда? — повысил голос участковый.

— От верблюда, — буркнул Лютик, отходя от участкового на безопасное расстояние.

— Гражданин Простоквашин! — срывающимся голосом закричал дядя Гоша. — Я вас... Ты у меня...

Он начал хлопать себя по кобуре, пытаясь вытащить табельное оружие. Похоже, это усилие отняло у него последние силы: он закашлял, схватился за голову, потом за грудь, а там и вовсе растянулся на земле, словно решил немножко вздремнуть.

Лютик решительно подошёл к участковому, вытащил у него из кобуры пистолет, передёрнул затвор и со зловещей улыбкой вошёл

в дом, где, судя по крикам, ругани и странному звериному рычанию, полным ходом шло сражение за цепь.

Близнецы находились в полной растерянности. Они просто не знали, что им сейчас делать: возвращать Лютика, приводить в чувство дядю Гошу, вызывать пожарную команду или бежать из этого злосчастного места сломя голову.

А пламя продолжало набирать силу. Теперь уже вся баня была объята пламенем. Со стороны улицы послышались удивлённые крики, истошный женский визг. Наверное, этот визг и вернулся участковому сознание. Дядя Гоша поднял голову, ошелохнётся посмотрел по сторонам, потом, покачиваясь, поднялся на ноги. Мундир его всё ещё дымился и источал жар, а до пряжки на ремне невозможно было дотронуться.

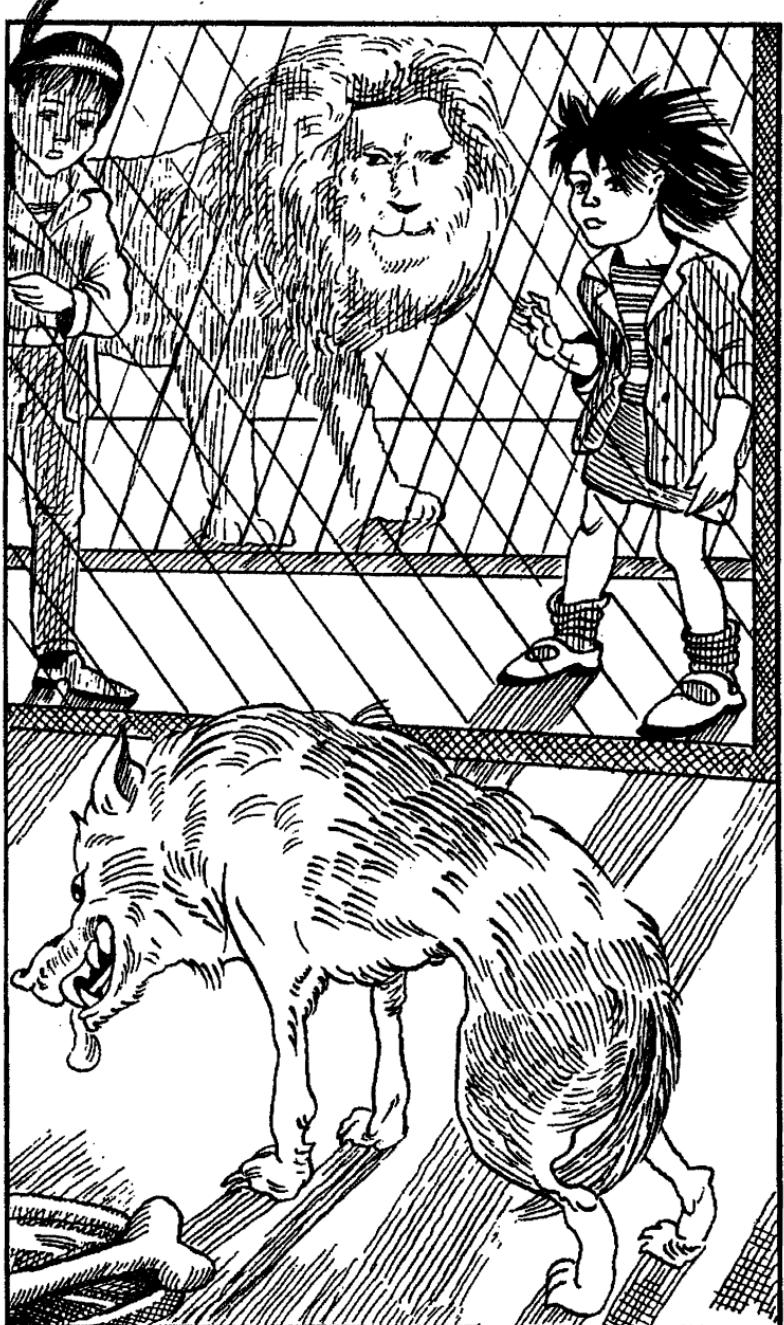
— Нужно вызвать пожарную! — выкрикнул дядя Гоша. — Ребятки, бегом к телефону.

— А преступники?

— Какие преступники? Лютик, что ли? А-а, точно... — участковый коснулся кобуры, и лицо его приняло растерянное выражение. — Оружие! Где мой пистолет?..

— У Лютика! — сказала Алина. — Он в доме, сражается с преступниками, с настоящими преступниками — оборотнем, ведьмой и чёртом. А они, в свою очередь, сражаются между собой. Такая, я вам скажу, карусель получилась!

— Всех... Всех арестую, — мстительно проговорил дядя Гоша. — И составлю протокол.



— А то, — согласилась Алина. — Это дело принципа. Вы прямо сейчас пойдёте составлять протокол?

Из дома раздавались глухие удары, треск мебели, звон бьющейся посуды. Потом окно разлетелось на осколки и в стеклянном кружеве из него вылетел Лютик. Он клубком показался по траве, охая, поднялся на ноги и удивлённо посмотрел на зажатый в руке пистолет.

— Чёрт!.. С предохранителя не снял.

Дядя Гоша глянул на выбитое окно, прислушался к воплям и рычанию и заявил, что протокол целесообразнее составить позже — после выяснения ситуации. Участковый отобрал у Лютика пистолет, погрозил тому пальцем и нерешительно затоптался на месте. Вероятно, он тоже не знал, что ему делать. Долг призывал его броситься в дом, а инстинкт самосохранения советовал немного подождать.

Между тем пламя ярилось уже под крышей бани. Взметнувшиеся языки огня коснулись потолка, побежали по балкам, заплясали на стропилах... Вот шифер почернел и начал дымиться... Вот огонь уже охватил крышу, с треском автоматных очередей начали рваться шиферные листы, и стропила начали оседать. Затем крыша с грохотом обрушилась вниз. К небу взметнулся рой багровых всполохов. А несколько огненных языков упали на стену дома, растеклись по ней оранжевой плёнкой, сыто затрепетали, вгрызаясь в сухое дерево...

Во двор начали вбегать соседи, кто с ведром, кто с лопатой. Они бесполково сутились, что-то советовали, отдавали друг другу прика-

зания, кричали: «Пожар! Пожар!..» Только те, внутри дома, не обращали на эти крики никакого внимания. Они сражались за цепь.

Сквозь выбитое окно мелькали то бледное лицо Чёрного Яши с фиолетовым синяком под глазом, то растрёпанные волосы ведьмы, то широкая спина Квадратного Санчо, расчерченная пятью кровавыми полосами... А один раз появилась оскаленная волчья морда, и народ во дворе ахнул, некоторые даже перекрестились.

— Оборотень, — сказала Алина дяде Гоше. — Я же вам говорила, а вы не верили.

Пламя с потрясающей быстротой охватило весь дом. Из окна повалил дым, и теперь уже нельзя было наблюдать за ходом сражения. Но оно продолжалось. Всё так же визжала Анна и матерился Чёрный Яша, всё так же то басил, то по-волчьи рычал Квадратный Санчо. А потом, когда пламя заползло в дом, схватка пошла на убыль. Тональность битвы изменилась: послышались испуганные крики, жалобный вой... Затем из двери, спотыкаясь и захлёбываясь кашлем, выскочили Чёрный Яша и Анна. Они сумели отбежать от горящего дома на несколько метров и распластались на земле. Рядом с ними тут же появился дядя Гоша с наручниками в руках.

А Квадратного Санчо всё не было. Может, он никак не мог найти в дыму свою цепь и не хотел уходить с пустыми руками, а может, лежал сейчас бывший боксёр на дымившемся полу и умирал от нанесённых ран — вон как измазаны кровью когти на перчатках ведьмы.

Электропровода, тянувшиеся от столба к боковой стене дома, налились багрянцем и загудели, словно струны контрабаса. Потом внутри дома что-то взорвалось. Стёкла из окон разлетелись сверкающими брызгами, и оттуда с рёвом рванулось пламя. Горящие щепки и осколки стекла вылетели из оконных проёмов, как картечь из жерла пушки. Раскалённые до красна обломки металла, расплавленные брызги пластика, горящие книжные полки заставили людей поспешно отступить. А в сгустках пламени скаля клыки, из окна выпрыгнула волчица. Она метнулась в одну сторону, в другую... Люди закричали — кто испуганно, а кто с азартом.

- Назад!
- Лови её!
- Ату!..

Волчица поджала хвост и стремглав метнулась за угол, пурей промчалась по огороду, перемахнула через забор и исчезла.

Но никто не погнался за зверем, потому что в следующую секунду электропровода огненными змеями упали на землю и по гравию заплясали искры электрических разрядов. Раздался треск, и внутрь дома рухнула крыша. Пламя взметнулось к небу, распахнуло жаркие крылья, стараясь накрыть людей. И тогда люди отступили, побежали прочь. Кто-то, охваченный пламенем, катался по земле, другой хлестал его курткой, пытаясь погасить огненный ком...

Начали тлеть деревья и стены сараев на соседних участках. Стихия рвалась в стороны

и ввысь, будто хотела опалить небеса. А где-то далеко, на краю посёлка, послышался вой сирен пожарных машин.

Никто так и не узнал, куда исчез Квадратный Санчо. Это близнецы поняли на следующий день, когда дядя Гоша оформил все протоколы и передавал скованных наручниками Анну и Чёрного Яшу в руки следователя из городской прокуратуры. На этот раз Анна была без тёмных очков. И глаза у неё были обычновенные — человеческие. Зато следователь долго рассматривал какие-то оптические линзы с вертикальными зрачками. Близнецы так и не поняли, откуда он их взял — не у Анны же... А потом следователь начал интересоваться исчезновением Квадратного Санчо.

Почему-то дядя Гоша был уверен, что бывший боксёр выпрыгнул из дома с другой стороны и убежал через огороды. Мол, одна подслеповатая старушка видела некоего мужчину, бегущего к реке. Нет, в руках у мужчины ничего не было. Нет, старушка не может его описать. Говорит только, что весь поцарапанный и очень большой. Впрочем, для неё все мужчины ростом выше полутора метров — большие.

— Просто смешно, — фыркнула Алина. — Разве можно в таком деле полагаться на слова какой-то старушки?!

За спиной участкового переминался с ноги на ногу Лютик. Судя по его счастливому лицу, он остался в посёлке, видно, сумел выкру-

титься. По его деятельности, как выяснилось позже, даже не было начато уголовное расследование.

Разговор между дядей Гошой и следователем о Квадратном Санчо длился около пятнадцати минут. Нет, близнецы не слышали всего разговора. Просто несколько раз упоминалось имя бывшего боксёра, и при этом каждый раз дядя Гоша разводил руками и удивлённо оглядывался по сторонам, будто надеясь, что обнаружит Квадратного Санчо под ближайшим кустом. Но под ближайшим кустом, кроме притаившихся близнецов, никого не было.

Видно, дотошного следователя никоим образом не удовлетворили ни объяснения дяди Гоши, ни показания столетней свидетельницы, потому что на дымящихся руинах дома Простоквашиных были произведены раскопки, не давшие, впрочем, никаких результатов. Несколько милиционеров, изнемогая от жары, за полдня лопатами раскидали обугленный мусор по сторонам, но останки Квадратного Санчо так и не были найдены. А потом приехал огромный экскаватор, сгреб разбросанный мусор в кучу, всё это погрузил на самосвал, и самосвал умчал на городскую свалку. А дядя Гоша всё ходил по пепелищу и разводил руками. И тогда Алина шепнула брату на ухо, что все взрослые наивны, как дети, и что только она знает наверняка, где скрывается от правосудия Квадратный Санчо.

Поздним вечером, когда следственная бригада укатила в город, а тётя Клава села на телефон обзванивать всех подруг и рассказывать

им о своих ужасных приключениях, близнецы выскользнули из дома и побежали в клинику Айболита.

После недолгих поисков они всё же обнаружили потайной вход: несколько досок в заборе отодвигались в сторону, и через образовавшийся лаз близнецы пробрались на территорию ветеринарной лечебницы.

Несмотря на поздний час, здесь было шумно. Наверное, тишина никогда не опускалась на клинику Айболита. Испуганная птичьими криками, мычанием и блеянием, львиным рёвом и обезьяенным визгом, она незаметно обходила лечебницу стороной и устремлялась дальше, за реку, в посёлок. Вот и сейчас близнецы крались вдоль вольеров, сопровождаемые неумолкаемым шумом.

— Прямо как в джунглях, — заметил Максим. — Хочешь, я заору, как Тарзан? Сразу все заткнутся.

— Тихо! Пришли.

Алина остановилась напротив стальной решётки вольера, на котором висела табличка: «Курносая Марта». Из глубины клетки надвинулась тень, зелёнымиискрами блеснули глаза. А потом раздался шорох, и о прутья вольера с разбегу ударила рычащая волчица.

— Узнала, — отшатнулась Алина. — Вернее, узнал. Вот он, видишь?

— Кто?

— Квадратный Санчо.

На морде и груди волчицы были заметны проплешины, запахло палённой шерстью. Волчица больше не рычала — просто скалила

клыки и не отрываясь смотрела на близнецов.

— Алина... — Максим потянул сестру за рукав. — А она не превратится сейчас опять в Квадратного Санчо? Может, пошли отсюда?..

— Спокойствие, — хладнокровно ответила девочка.

Она тоже смотрела в глаза волчице, упрямо и строго, словно скрестила с ней клинки. Это молчаливое противоборство продолжалось около минуты. Потом волчица перестала скакаться, отвела взгляд и отступила назад — растворилась в темноте вольера.

— Теперь оборотень никогда не сможет сбросить с себя звериный облик, — сказала Алина. — У него нет волшебной цепи. А без цепи он кто? Обыкновенный хищник, санитар леса — вот кто.

Великая заклинательница демонов шагнула к вольеру, остановилась возле самых прутьев.

— Веди себя смирно, Квадратный Санчо, — сказала она в чернильную глубину вольера. — Мы никому не скажем, кто ты на самом деле, а ты за это будешь скакать для нас на задних лапах. Честная сделка.

Из темноты раздалось поскуливание. Алина победоносно улыбнулась и повернулась к брату.

— Он согласился. Пошли домой.

До самой реки близнецы шли молча, каждый думал о своём. А на мосту они остановились и стали смотреть на воду, в глубине которой мерцали и переливались звёзды. И были эти звёзды похожи на блики золотой цепи.

— Алина! А почему мы никому не сказали про золотую цепь? — спросил Максим. — Ведь она осталась там, на полу. Может, только сплавилась в один кусок. Но всё равно... Это ведь кусок золота весом в три с лишним килограмма!

— От этого золота одни неприятности, — тихо ответила Алина. — Плохое это золото, нечистое. Хорошо, что его никто не заметил. Пусть теперь валяется под мусором на свалке... Нельзя нам его брать.

— Почему?

— Потому что это дело принципа, — твёрдо ответила великая заклинательница демонов и запрыгала на одной ножке к посёлку.

Некоторое время Максим продолжал глядеть на мерцающие блики, но потом поднялся ветер — поверхность реки зарябила и сияние золотой цепи исчезло.

— Дело принципа! — сказал Максим кому-то в её глубине. — Понятно?

И побежал догонять сестру.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	
ОБОРОТЕНЬ.....	3
ГЛАВА ВТОРАЯ	
СБОРЩИКИ ДОЛГОВ.....	16
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
КВАДРАТНЫЙ.....	28
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	
ЛЮТИК	44
ГЛАВА ПЯТАЯ	
ВЕДЬМА И ЕЁ НАПАРНИК	54
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
РАЗБОРКА У РЕКИ	67
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
УЛОВ	81
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
ЗАПИСКИ НИКИФОРА	93
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
УЧАСТКОВЫЙ	111
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
ШАБАШ В «КАМЕРЕ ПЫТОК».....	121
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	
ЯЧЕЙКА НОМЕР ТРИ	134

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	
ЛОВУШКА	145
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	
ПРОИСКИ ОБОРОТНЯ	154
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	
СТРАСТИ ПО ЦЕПИ	165
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	
ПОЖАР	176

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

Соколов Владимир

ОБОРОТЕНЬ

Ответственный за выпуск *Н. В. Клакоцкая*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.07.2000.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,08. Тираж 10 100 экз. Заказ 1864.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Фирма «Современный литератор». Лицензия ЛВ № 319 от 03.08.98.
220029, Минск, ул. Красная, 5 — 12.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.



ОБОРОТЕНЬ

ОБОРОТЕНЬ

СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ ДЛЯ ДЕВОЧЕК И МАЛЬЧИКОВ

ISBN 985-456-649-8



9 789854 566498 >